

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

МАХАБХАРАТА

I

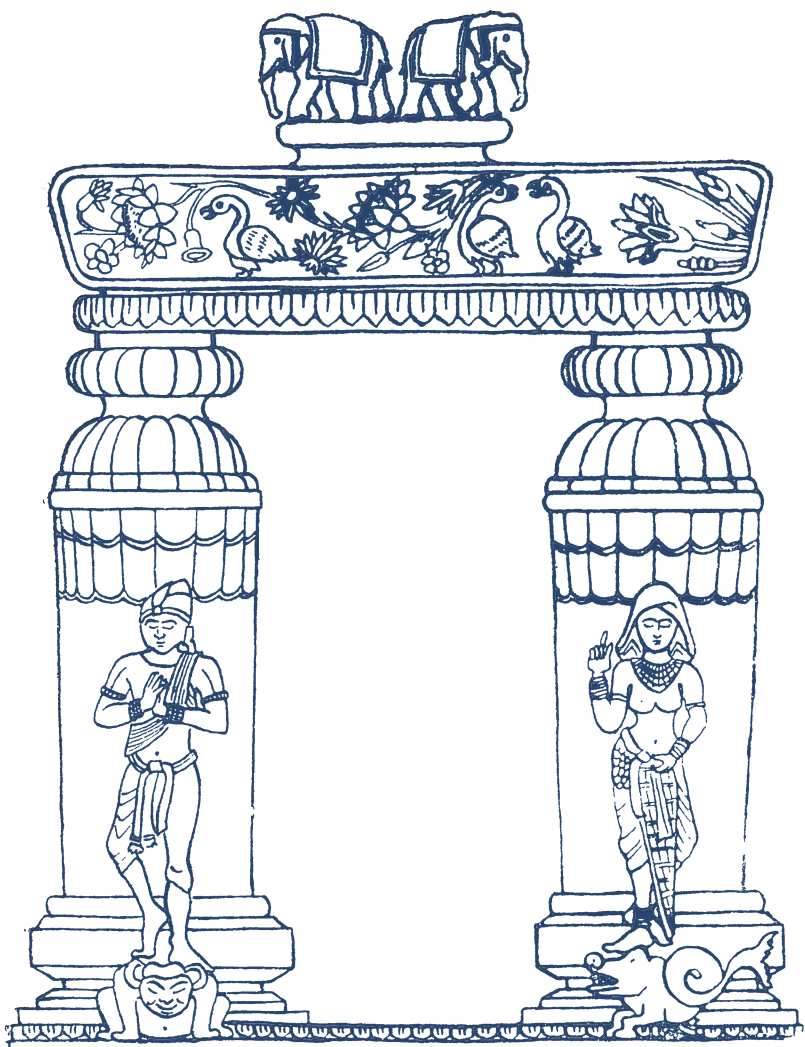
ДВЕ ПОЭМЫ ИЗ III КНИГИ

Перевод с санскритского, введение и примечания
действительного члена АН ТССР
С М И Р Н О В А Б. Л.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

АШХАБАД — 1955

Художественное оформление
по мотивам древнеиндийских памятников (Аджанты и др.)
Волобуева Ю. М.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга. — первый выпуск в серии переводов из великой индийской эпической поэмы «Махабхарата», возникшей в середине I тысячелетия до н. э.

Махабхарата состоит из XVIII книг, заключающих в себе в общей сложности 100 000 двустиший (шлок). Полный перевод поэмы существует только по-английски; французский перевод Фоша не закончен. В русском переводе до последнего времени существовали только «Наль» (пер. Коссовича) и «Савитри». Оба перевода — библиографическая редкость. «Бхагавадгита» была издана 3 раза по-русски, но ни один из этих переводов не сделан с санскритского. Только в советское время появился перевод I книги Махабхараты, сделанный Кальяновым с санскрита с филологическими установками; он не преследует литературно-художественных целей.

В настоящее время, когда интерес к Индии у нас достиг очень высокого уровня, возникает потребность не только в филологических работах, но и в литературно-художественной передаче ценнейших индийских памятников. Автор этих строк поставил перед собой задачу посильно выполнить такую работу, но в силу многих причин приходится ограничиться избранными местами, что облегчается до известной степени тем обстоятельством, что многие тексты Махабхараты являются совершенно самостоятельными произведениями, лишь механически связанными с основной темой поэмы. Пример этому — эпизоды, помещенные в настоящем выпуске.

Махабхарата — не просто эпическое повествование о борьбе двух родов: она содержит ряд философско-нравственных, социально-законодательных трактатов, веками воспитательно влиявших на народы Индии, а также богатейший бытовой и мифологический материал.

III книга поэмы, самая большая, содержит огромный эпико-мифологический материал. В настоящем и подготовляемых выпусках будут представлены наиболее выдающиеся эпизоды этой книги.

В V книге очень интересно повествование об усилиях сохранить мир — тема, остающаяся на протяжении тысячелетий актуальной. К этой же книге относится и философский трактат о смерти.

К VI книге относится знаменитая философская поэма «Бхагавадгита», о которой Дж. Неру («Открытие Индии стр. 111) говорит, что её притягательная сила и поныне столь же велика, как и в древние времена, и, что к ней обращаются все философские школы Индии.

Глубоко поэтична и очень интересна в культурно-историческом смысле XI книга, содержащая описание обряда погребения.

XII книга, одна из наиболее крупных книг Махабхараты, целиком посвящена социальным и философским проблемам («ранняя или эпическая Санкхья»).

В XIV книге содержится философский трактат «Анугита», относящийся к той же школе ранней Санкхьи.

XVII и XVIII книги—заключительные; они интересны по своему нравственному пафосу, столь характерному для всей Махабхараты.

Перечисленные тексты составляют около 20 000 двустуший и входят в программу намечающейся серии переводов.

Б. СМЕРНОВ.

ВВЕДЕНИЕ

ОБРАМЛЕНИЕ ПОЭМЫ

Поэмы «Наль» и «Супружеская верность», больше известная в европейской литературе под названием «Савитри», — самостоятельные эпизоды огромнейшего индийского эпоса «Махабхарата» — «Великой повести о роде Бхарат», первая книга которого была издана в 1950 г. АН СССР в прозаическом переводе Кальянова.

Махабхарата повествует о борьбе двух родов, происходящих от одного корня: Бхаратов и Куру. Первый изображается как представитель справедливости и добра, второй — несправедливости и зла.

Между старшим из братьев Панду Юдхиштхирой, представителем рода Бхаратов, и Дурйодханой, представителем рода Куру, двоюродным братом Юдхиштхиры, затевается игра в кости, во время которой Юдхиштхира проигрывает сопернику право на царство свое и своих братьев, общую жену пяти братьев — Драупади и все состояние.

По требованию победителя все братья Панду и жена их, спасенная от бесчестия лишь в силу сверхестественного заступничества бога Вишну, должны удалиться на 12 лет в лес; в течение этого времени они не смеют показываться в населенной местности и всякий из рода Куру может безнаказанно убить нарушившего эти условия.

Третья книга эпоса, повествующая о жизни братьев в лесу, построена по типу «обрамленных повестей», излюбленному во-

сточной литературной традицией, в частности индийской: в основную ткань повествования вплетаются законченные эпизоды, не имеющие прямого отношения к основной теме произведения; являясь рассказами действующих лиц главной повести, они часто носят характер поучения. Создавшееся положение вызывает у присутствующих соответственные воспоминания, выслушав которые, герой главной повести получает желаемое назидание. Предлагаемые поэмы относятся именно к таким вставным рассказам третьей книги Махабхараты.

Царевичи—сыновья Панду, живя в лесу, подвергаются многим опасностям и приключениям. Ушедшие с ними в изгнание придворные и случайные встречные утешают их рассказами. Рассказчики обоих переведенных эпизодов Брихадашва, повествующий о Нале и Маркандея, повествующий о Савитри, обращаются к Юдхиштхире.

Обе повести относятся к «делам стародавним» (относительно момента повествования) славных кшатриев—воинов, близких роду Панду.

Такие предания («итихаса») — любимые темы рассказов: доблести предков — пример для потомков, повесть о несчастиях, перенесенных прадедами, поддерживает потомков и помогает им стойко выносить выпавшие и на их долю невзгоды.

После того, как Арджуна, второй из братьев Панду, по легенде сын самого бога Индры, подобно тому, как Юдхиштхира — сын бога Ямы, — поднявшись на летающей колеснице в небо Индры, получил там от своего отца чудесный лук Гандиву, Бхима, третий из братьев Панду (по легенде сын бога ветра Вайю), горит нетерпением сразиться с узурпаторами Куру и предлагает немедленно начать с ними бой. Но старший брат, Юдхиштхира, как сын бога справедливости и закона (Дхармы), никогда не допускающий незакономерности, сдерживает горячность брата, указывая, что нужно соблюсти установленный срок и тогда только можно начать борьбу. В это время возникший (сута) Брихадашва рассказывает повесть о Нале.

Этот древний царь, попав в положение, подобное положению Юдхиштхиры и его братьев, сумел благодаря своей выдержке без всякого кровопролития вернуть себе утраченное. Окончив рассказ, Брихадашва обучает Юдхиштхиру всем тонкостям игры в кости, чтобы тот мог отыграться, подобно Налу.

Однажды во время жизни Пандавов в лесу их общая жена Драупади была похищена, но потом возвращена одним из братьев. Это дает повод для повествования о Раме, утратившем Ситу (так называемая «малая Рамаяна» Махабхараты) и о «супружеской верности» — пативратамахатмья; этот рассказ должен показать Юдхиштхире всю силу супружеской верности, преодолевающей даже узы смерти.

Таково обрамление предлагаемых поэм.

Ф О Р М А

Язык обеих поэм — так называемый эпический санскрит, считающийся промежуточным между архаическим языком Вед (половина второго тысячелетия до нашей эры) и классическим санскритом. Период его расцвета — середина первого тысячелетия до н. э. Мерная эпическая речь состоит из двустуший с преобладанием размера «шлока» по 16 слогов в стихе. В каждом двустушии — 4 восьмисложных стопы. Ещё Корш показал близость «шлоки» и русской былинной речи. Метрически-силабическое строение шлоки можно только условно передать русским 16-ти слоговым стихом, аналогично тому, как условно передаётся переводчиками греческий гекзаметр. Тоническое же строение шлок не поддаётся определению и по разному трактуется исследователями. Заковывать русскую речь в метрико-силабические узы ради теоретических соображений нам представляется насилием, не оправдываемым достигаемыми этим художественными результатами. Поэтому в переводе мы стремились дать основные принципы литературного построения подлинника: смысловую законченность шлок, смысловую симметрию стоп, общее художественное впечатление ритмической речи, но не настаивали на передаче метрико-силабической формы. Двустушия нашего перевода по смыслу строго соответствуют санскритским шлокам. В основу нашей ритмики мы положили амфибрахий паузного свободного стиха. Не стремясь выдерживать цезуру, мы всё же выдерживали женское окончание строк. В тех случаях, где размер шлока переходил в иной — триштубх, джагати (в «Супружеской верности»), мы соответственно меняли ритм перевода*).

*) Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность уважаемому профессору Г. А. Шенгели за консультацию по вопросу о ритмике перевода.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЭПОХИ

Как и вся Махабхарата, предлагаемые поэмы являются типичными произведениями раннего феодализма. Страна изображается разбитой на множество враждующих между собой княжеств, образованных административным центром — городом и окружающими его деревнями, земледельческое население которых находилось в безусловном подчинении князю (радже). Общество было строго разбито на касты, что составляет характерную черту индийского социального строя. Принадлежность к той или иной касте, раз навсегда, определялась рождением и особым ритуалом принятия. Никакие личные заслуги не создавали возможности перехода из низшей касты в высшую.

Существовали 4 основные касты: высшая — браминов (жречество), следующая — кшатриев (правители — воины), третья — вайшьев (купцы, мастеровые). Это — свободные касты, но права и обязанности их строго определены.

В широком смысле это — «дваждырожденные», то есть получившие посвящение в религиозные обряды данной касты, что и считалось «вторым рождением». В более узком смысле «дваждырожденными» назывались брамины. Так этот термин и употребляется в предлагаемых текстах.

Четвертая, низшая, полусвободная каста шудры [слуги]. Ее обязанности сводились к услужению членам первых трех каст. В рассматриваемую эпоху, шудры имели право менять господина только в исключительных случаях, например Варш-нея в «Нале».

Хотя каста браминов и считалась высшей и наиболее почтенной, однако жрецы не управляли страной непосредственно и как бы находились в услужении у радж [князей], но фактически в их руках была значительная власть, так как они были блюстителями непреложных законов племени и неустрашимыми посредниками между богами и людьми.

Кшатрии в лице князя [раджа] хотя юридически и обладали властью, но и шагу не могли ступить без одобрения и помощи браминов, в частности своих домашних жрецов — «пурохитов».

Радже всячески внушалось, что он тем славнее и лучше, чем больше подарков он даст жрецам. В традиционных похвальных характеристиках радж обязательно упоминалось о щедрости и больших дарах браминам. Одной из похвальнейших заслуг князя считалось совершение «жертвоприношения коня»

[ашвамедха]. Обряд отличался дороговизной и сопряжен был с раздачей браминам особо ценных и обильных даров. Этот акт имел большое политическое значение, так как выражал претензию, совершившего его князя на суверенное положение среди других, более мелких феодалов.

Уже в очень ранний период истории возникла борьба между браминами и кшатриями: это социальное явление ярко отражено уже в таком древнем памятнике, как Упанишады (ок. 1000 лет до н. э). Но особенно обострилась борьба каст в период создания Махабхараты, что сильно сказалось на характере поэмы. Предельной остроты выражения борьба достигла в эпизоде Махабхараты, повествующем о Парашураме («Рама с топором») и Рама—воплощениях Вишну. Парашурама был брамин, Рама — кшатрий. Парашурама многоголовый и многорукий, так рьяно уничтожал кшатриев, что их почти не осталось. Для спасения касты явился Рама, который убил Парашураму.

Уклад индийского общества времен эпоса был патриархальным: общественная жизнь целиком принадлежала мужчинам. Женщины высших каст жили в гинекеоне [гареме], женской половине жилища, и общались с посторонними лишь в редких и исключительных случаях, причем главным образом, с браминами. Через них они плетут свои интриги и таким образом косвенно влияют на общество и добиваются своего вопреки воле «законных правителей» — мужчин. Пример этому мы видим в «Нале».

Семья построена по полигамическому принципу. Однако в этом патриархально-феодальном строе еще сохранилось много любопытных черт матриархата. Возможно, что это черты не индо-европейские, а, заимствованные арийцами у исконных жителей Индии, дравидов. Наряду с полигамией Махабхарата считает еще возможной полиандрию. Правда, эта форма семьи уже окружена всевозможными «табу», то есть запрещениями ритуального характера. Пример полиандрии дает центральная семья эпоса: пять братьев Панду имеют одну жену, Драупади, причем как «табу» выдвигается общий уговор братьев не встречаться друг с другом в ее обществе. Драупади имела детей ото всех братьев.

Одним из ярких пережитков матриархата является не раз упоминаемый в эпосе обычай выбора невестой жениха. В эпоху создания наших поэм обычай этот начал уже исчезать,

разлагаться. В «Нале» он описан в полном его расцвете, как само собой разумеющийся способ заключения брака. Отец Дамаянти решает выдать дочь замуж. Своё решение (как и Ашвапати относительно Савитри) он предпринимает самостоятельно, не советуясь ни с дочерью, ни с её матерью, что вполне соответствует патриархальным обычаям. Тотчас же он объявляет о назначении «сваямвара» — выбора невестой жениха.

Назначение выбора не сопряжено в поэме какими-либо особыми мотивировками, для этого достаточно воли отца. Сам обряд происходит в чрезвычайно торжественной обстановке, при большом скоплении народа. На празднично-разукрашенной сцене располагаются претенденты на руку царевны. Всё это — раджи, члены той же касты, что и невеста. Для брамина взять жену из касты кшатриев унижительно, для вайшьев — недоступно. Выбор, как и другие события в жизни князя, не обходится без непосредственного участия браминов, их стечение считается необходимым: по отсутствию такового Ритупарна (ср. «Наль» гл. XXI, 23) соображает, что он попал впро-сак.

Совсем иначе происходит выбор, совершаемый Савитри. Во-первых он мотивируется, оправдывается, как нечто не совсем обычное. Скорее он представляется исключением: Ашвапати, побуждая дочь выбрать жениха, мотивирует свой совет тем, что никто не сватает её и таким образом создаётся угроза нарушения закона, причём Ашвапати цитирует шлоку из «Законов Ману», кстати сказать, произведения довольно позднего, начала н. э. Если в «Нале» обычай выбора является само собой разумеющимся, безусловленным, то в «Савитри» он обусловлен и представляется необычным способом заключения брака: прибегать к нему разрешается в тех случаях, когда отец не сумел приискать жениха дочери и ей предстоит остаться незамужней, что считалось большим грехом. Значит, в эпоху «Супружеской верности» уже считалось обычным сватовство мужчины (ср. 1, 23—24 и сл.). Сам обычай поблек: нет уже пышного съезда женихов, торжественного праздника, которым не пренебрегают даже боги. Невеста сама отправляется на поиски суженого, тайком высматривая его среди встречаемых на пути. О её выборе не объявляется и свита не становится в известность о цели путешествия царевны. Выбор Дамаянти безапелляционен: сами боги признают его, как её неотъемлемое право. Выбор Савитри подлежит утверждению

отца, что свидетельствует о значительном ослаблении матриархального права и о более позднем происхождении поэмы.

«Сваямвара» — выбор невестой жениха — являлся одной из семи форм брака, признаваемых брачным правом индийцев, однако в период создания Махабхараты эта форма и для кшатриев не была обязательна, как о том свидетельствует гл. 211 первой книги эпоса: Арджуна, второй из братьев Панду, хочет жениться на Субхадре, сестре Васудевы-Кришны; желая устроить этот брак, Кришна советует Арджуне не придерживаться обычая выбора, а использовать форму насильственного похищения невесты, также допустимую для кшатриев (ср. МБх 1, 211 стр. 548 по переводу Кальянова и сл.). Такое разнообразие форм свидетельствует о переходном состоянии культуры индийских племен в период создания поэмы.

В «Супружеской верности» еще сильна интересная черта матриархата: признание матери за родоначальницу. В «Нале» этот момент не выдвигается, хотя и здесь можно отметить некоторые относящиеся сюда черточки: так, например, род отца совершенно не заботится о детях Наля, но скорее играет по отношению к ним отрицательную роль (Пушкар). Покровительствует им род матери: первым движением Дамаянти в заботе о детях было обращение к своим родным, помощи от родных мужа она даже и не пытается искать. Это тем более характерно, что впоследствии девушка, выходя замуж, утрачивала связь с родом отца и считалась принадлежащей к роду мужа. В доме мужа Дамаянти, повидимому, не находилась в зависимости от его родных: отец Наля давно умер, а о матери даже не упоминается. Однако Дамаянти не могла распоряжаться в доме мужа как хозяйка и во время безумия мужа ее распоряжения, даже касающиеся детей, контролируются придворными. Живя в доме отца на вдовьем положении, Дамаянти всецело подчинена отцу. Наль считает имущество тестя «как бы своим». Попав в дом тестя, он ведет себя как младший и подчиненный и пользуется имуществом как бы на правах сына.

Иное положение у Савитри: попав в семью мужа, она всецело сливается с его родом. От невестки требуется полное повиновение родителям мужа, в частности свекру. И все же черты матриархата и здесь настолько сильны, что вопрос о родо-

вой линии не получает определенного разрешения. Позже он разрешается в подобных случаях так, что отец, не имеющий сыновей, для спасения себя и своих предков от ада, усыновляет детей дочери. Ашвапати ведет себя как патриарх и в своих заботах о продлении рода настойчиво вымаливает у богов детей, напоминая этим Авраама в период его бездетности. Оценка дара богини Савитри также происходит в патриархальном духе: нужны особые уверения богини, чтобы царь принял дочь, как потомство, пригодное для продления рода. Но вот противоречие: сыновья Ашвапати, вымоленные для него дочерью у Ямы, носят имя не отца, но матери: они называются «малавцы». Как назывался род Сатьявана и Савитри, из поэмы не видно, но Савитри просит у Ямы «сто сыновей», а не детей вообще, «чтобы размножить род Сатьявана».

В заключении своего рассказа Маркандея желает царевичам Панду, чтобы Драупади спасла их всех так, как Савитри спасла свой род. Концовка — явно в матриархальном духе.

Отметим еще очень интересную черту, общую обеим поэмам, она освещает трагичный вопрос о самосожжении вдов: в поэмах нет и намека на этот обычай¹⁾. Если обе женщины, и Дамаянти и Савитри, утратив супругов, заявляют о своем нежелании жить, то лишь исключительно в силу своего личного чувства, а не в силу требования закона или обычая. Только в этом смысле можно понимать слова Дамаянти: «сегодня же брошусь в золотое пламя» (ср. XVI, II). Она еще не была женой Наля, а чувство подсказывало ей такие же страстные слова: «Если меня ты отвергнешь..., к яду, огню, воде, петле из-за тебя я прибегну». (IV, 4). Здесь не придается особого значения огню, как того требует обряд самосожжения, а просто упоминается об огне наряду с другими способами самоубийства.

Махабхарата в целом, как и Рамаяна, придерживается вишнуизма, тогда как обычай самосожжения вдов несомненно связан с шиваизмом, на что указывает само название самосжигающейся вдовы: «сати».

¹⁾ Обычай самосожжения вдов (сати) Дж. Неру («Открытие Индии», стр. 337) считает не арийским, а принесенным в Индию скифо-татарами и соблюдавшимся только высшими кастами.

Обычай основан и оправдывается шиваистской легендой о самосожжении супруги Шивы, Сати. Если принять, что культ Шивы дравидского происхождения, что весьма вероятно, то становится понятным, почему не только ведическая литература (гимны, Браманы), но и значительно более поздняя, эпическая, не знают этого обычая, укоренившегося в Индии гораздо позднее, в период создания так называемого индуизма. В эпоху поэм вдова могла, повидимому, выходить вторично замуж, хотя такой брак и не встречал одобрения. Как иначе объяснить возможность распространения слуха, да еще и через брамина, о назначении вторичного выбора жениха Дамаянти? Сам Яма, воплощение Закона, говорит Савитри, что после смерти мужа она свободна, что ее долг перед мужем закончен и она может идти своим путем (V, 19).

Итак, эпоха поэмы характеризуется как период закрепления патриархата, политически уже вполне упрочившегося в форме феодального строя, тогда как в семейном праве и быту сохранились ещё довольно выраженные черты матриархата. Процесс разложения их можно довольно чётко проследить в представляемых текстах.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Обе поэмы принадлежат к числу лучших образцов эпической поэзии Индии и пользуются заслуженной известностью и на родине и далеко за пределами ее. В Индии особенно ценится «Наль», с которым русский читатель уже знаком по переделке Жуковского, давшего вольный перевод поэмы с немецкого. Жуковский не ставил себе целью передавать индийский литературный памятник, с которым и не мог быть знаком в подлиннике и который знал только в немецком, тоже неточном переводе с санскритского. Поэт позволял себе внесение собственных, иногда крупных вставок, например, эпизод обмана Нарады Каркотакой. Перевод И. Коссовича, вышедший в 60-х годах прошлого века, стал библиографической редкостью. Еще менее знаком русскому читателю вторая из переведенных поэм — «Супружеская верность», более известная в Европе под названием «Савитри». Для нашего литературного вкуса некоторые места «Наля» представляются растянутыми, а потому художественно вялыми, особенно вторая часть.

поэмы, например, длинные рассуждения Судэвы (ср. гл. XVI, 10 и сл.), совершенно непривычны нашему уху и кажутся странными, а вместе с тем, они построены по всем правилам индийской логики, не знающей силлогизма в нашем смысле слова. Автор здесь щеголяет своей эрудицией.

Не обошлось в «Нале» и без некоторых противоречий, во всяком случае необоснованности моментов. Не ясно, например, почему Наль в изгнании томится жаждой, да ещё и в тропическом лесу, богатом источниками, тогда как он способен вызывать воду, где ему угодно; непонятно, почему он терпит невзгоды пути, обладая способностью преодолевать пространство. Недостаточно обосновано пассивное пребывание Дамаянти у чедийской царицы, внезапный отъезд домой при появлении брамина и пр. Но всё это — частности, не нарушающие внутренней правды произведения.

«Супружеская верность» не менее богата по содержанию, в ней нет длиннот, отмечаемых в «Нале», язык поэмы более сжат, энергичен, образы тоньше, тематика глубже.

В обеих поэмах всё внимание концентрируется на основных фигурах «героев». Всё остальное — общество, природа представляется только фоном, относительно мало разработанным. Описания природы, как правило, довольно формалистичны и сухи. Иногда они сводятся к простому перечислению окружающих предметов. Например, шлоки 1—5 гл. XII «Наля» просто перечисляют зверей и растения леса и скорее напоминают учебник географии, нежели поэтическое произведение.

Более ярко описаны в гл. XII, 112—113 и гл. XIII, 2—4 река, озёро, окружающие берега, их обитатели.

Такие места, как гл. IV, 29—33 «Супружеской верности», где описание природы достигает высокого лирического напряжения и выразительности, представляются для наших поэтов, да и вообще для Махабхараты, исключением. Лирическое искусство развилось в Индии значительно позже, в период классической литературы (ср. например описания природы в «Шакунтале» Калидасы).

Индиец совершенно иначе чувствует форму, нежели грек. В предлагаемых поэмах нет интереса ни к быту, ни к окружающим предметам (жилище, утварь, одежда). Индийские поэмы целиком заняты внутренним переживанием героев и развитием интриги, они как бы не замечают окружающего.

Таких «скульптурных» строк, как описание щита Ахилла (Гомер, «Илиада») не встретить в индийском эпосе.

Индиец переживает форму изнутри или вовсе не обращает на нее внимания. Вот почему для него не только реальные, но и прекрасны его многорукие, многоголовые, бесконечно-усложненные образы, представляющиеся с точки зрения грека нелепостью или безобразием.

Эта характерная черта проходит через всю индийскую культуру. Любая традиционная философская система индийцев признаёт мужское начало бездейственным, созерцательным, женское же начало—творческим, динамичным. Этот момент чрезвычайно важен для понимания мироощущения древнего индийца. В религиозном искусстве он выражается излюбленным символом, изображающим Природу, Великую Матерь, Дургу («Труднодостижимую»), пляшущей на безжизненно-распростертом теле своего супруга, Шивы (дух).

«Кто видит, что все действия совершаются Природой (Пракрити), дух же остаётся бездейственным, тот истинно видит», — учат Упанишады и Бхагавадгита.

Для оценки характеров, изображённых в наших поэмах, нельзя упускать из виду эту установку, иначе многое покажется неясным и странным. Кто же «герои» наших поэм? О ком они сложены? Для «Супружеской верности» ответ нетруден: центральная фигура поэмы — Савитри, образ Сатьявана отходит на второй план. Иное дело «Наль». Русский читатель привык к названию «Наль и Дамаянти», но в подлиннике поэма называется просто «Наль», что выделяет фигуру этого раджи. Основная установка повествования—дидактическая: примером Наля нужно ободрить Юдхиштиру, создать в нём уверенность в конечной победе и вместе с тем побудить к разумной выдержке. Для читателя повесть—назидательное предупреждение от увлечения азартной игрой, столь распространенной на Востоке.

Итак, формально — герой поэмы Наль. Однако поэма даёт два образа по крайней мере равноценные в смысле психологическо-художественной разработки и внутренней значимости — образы Наля и Дамаянти. Возможно, что молчаливое признание последней, нашло себе выражение в легенде, будто бы прекрасная и преданная жена Наля есть одно из воплощений Гаутамы Будды.

Поэма начинается с перечисления всяческих достоинств Наля, принимаемых слушателем так сказать «в кредит». Приводится ряд обычных эпических сравнений и эпитетов: Наль прекрасен, как сам бог любви Кандарпа, великий полководец, главенствующий среди князей, как Индра среди богов, благочестив, знаток Вед и пр. Словом, он — «лучший из людей», обладает всеми желанными качествами. Такова его характеристика. Но как он показан? Каковы его действия?

Во-первых Наль проявляется как весьма страстный человек. Заочно влюбясь в Дамаянти, он изнывает от страсти. Но как ни сильно, по уверению поэта, чувство Наля, оно всё же не побуждает его к действию и он не предпринимает ничего, чтобы достичь любимой.

Наль пассивно следует за течением событий и предоставляет фламिंगо позаботиться об устройстве сватовства. В этом Наль напоминает «Рыцаря в тигровой шкуре» Ш. Руставелли, также пассивно отдающегося своей страсти.

Первое дело, в котором проявляет себя Наль — выполнение поручения богов, казалось, должно было бы свидетельствовать о его решимости и верности. Но дело навязано Налу, он принимает его пассивно; его мужество становится сомнительным, если принять во внимание, что легче и безопасней исполнить волю богов, пользуясь их покровительством, нежели навлечь на себя их гнев; эти соображения Наль и объясняет Дамаянти при первом свидании с ней. С первого же момента Наль идёт по линии наименьшего сопротивления.

Поэма объясняет поступок Наля верностью слову, данному им богам. Действительно, мотив верности данному слову очень силен в индийской литературе и не раз доводится, как это вообще свойственно древнеиндийской литературе, до аффектации; однако в данном случае момент сильно ослабляется выраженным мотивом выгоды. Отмеченная черта пассивности, слабоволия в характере Наля получает в дальнейшем ещё более яркое развитие. Проникнув к Дамаянти, безмерно влюбив её в себя, и сам в неё влюбившись, Наль впадает в полную растерянность: плачет, убеждает невесту покориться воле богов. Не найдя способа самостоятельно разрешить создавшееся положение, он пассивно следует за Дамаянти в её решении, успокоясь на том, что она всю трудность, весь актив берёт на себя, ему же обещает лёгкое достижение желаемого

без риска и греха. Являсь к богам, Наль тщательно выгораживает себя.

Наступает роковой момент поэмы. Злобный Кали овладевает Нишадцем. Для древнего индийца, проникнутого идеей «кармы» (учение о причинно-следственной необходимости), нелегко объяснить, как могло зло коснуться столь добродетельного человека, стяжавшего себе славу «Достохвального» (Пуньяшлока), каким поэма описывает Наля. Она разрешает эту трудность чисто-формально: Наль, пусть неумышленно, однако нарушил обряд, а, следовательно, согрешил, ибо в древности вина определялась не по намерению, а по совершившемуся факту.

Этим «грехом» Наль открыл дорогу злему духу, хотя психологически он и оставался безупречным, как безупречным остался Эдип, невольно совершивший тягчайший грех отцеубийства и этим навлекший на себя и на свой род Эриний. Поэма стремится объяснить всё, что в дальнейшем случилось с Налем, влиянием злого духа, то есть болезнью. «Это болезнь, это не он», — повторяют за Дамаянти все приближенные Наля, когда тот целиком отдаётся безумству азарта. Но даже вводя такое, казалось бы нереальное объяснение, как навождение злого духа, поэма не отступает от художественной правды, ибо безумствования Наля вполне согласуются с его страстным и безвольным характером, мастерски показанным в предыдущих сценах.

Далее следует история измены Наля жене. Измены не в современном смысле, так как половая верность не требовалась от мужчины в полигамической семье, а измены обязательствам супруга, как защитника и покровителя жены (слово «бхартар» — «супруг» значит покровитель, защитник). Своему долгу покровителя и защитника Наль безвольно и легкомысленно изменяет, в чём справедливо упрекает его Дамаянти. Тяжесть вины Наля усиливается тем, что он отверг выход, предложенный ему женой: поселиться у её родителей. Соглашаясь, что царство её отца «как бы его царство», Наль отказывается идти туда, так как ему мешает стыд вследствие невыполнения супружеского долга.

Однако стыд не побуждает Наля искать достойного выхода: Наль слабовоюще покидает в «ужасном лесу» беззащитную, одинокую женщину, неизменно охранять которую он торжественно клялся.

Впечатление безволяности и внутренней неустойчивости Наля не смягчается в высшей степени драматической и правдивой сценой его колебаний и мучений перед принятием окончательного решения. Более того, это впечатление усугубляется: Наль убегает тайком, воровски отрезав половину одежды спящей Дамаянти и предоставив любимой жене самой выбираться из опасной чащи, лишь пассивно препоручая её «Дхарме и всем святым силам» и легкомысленно утешая себя тем, что «такую прекрасную женщину никто не дерзнёт обидеть», с чем эффектно контрастирует непосредственно следующая сцена со звероловом. Сцена со змеем Каркотакой могла бы свидетельствовать о мужестве и решимости Наля, если бы огонь представлял для него опасность, но в силу дара богов Наль не боится огня, а потому и не рискует.

Получив помощь и заверения Каркотаки, Наль не стремится исправить совершённое: он не ищет Дамаянти, не спешит ей на помощь. Не борется он и за собственное счастье, а пассивно отдаётся течению событий. Его хватает только на сочинение самообличительной песни. Распевая её по ночам, он возбуждает праздное любопытство окружающих. Чуть потребовалась известная самостоятельность, более твёрдая линия поведения, Наль сдаёт, усомняется в Дамаянти, не поняв как следует переданных ею через брамина слов. Несмотря на все свои самообличения, вопреки им, Наль сразу же предъявляет жене претензии на свои права, от которых сам же отказался и ссылается на попранный им же самим закон. Сцены распознавания, кстати сказать, по нашим понятиям, очень растянутые и потому скучноватые, проходят при той же пассивности Нишадца. Хотя свою поездку в Видарбху он оправдывает желанием разрешить сомнения на месте, но, приехав, тотчас заваливается спать, не сделав даже попытки повидать Дамаянти или хотя бы узнать о ней от окружающих, что, казалось, так просто осуществить в его положении. Наль даже не делает того простого учёта обстоятельств, который делает Ритупарна, сразу же сообразивший, что попал впросак и что никакого «сваямвара» (выбора жениха) нет. Понадобились весь актив Дамаянти и вся ловкость подосланной ею Кешини, чтобы несколько расшевелить Наля. Даже своим детям Наль не задаёт вопросов, хотя и взволновался до слёз при виде их.

Нужно хорошо освоиться с приёмами художественной литературы древней Индии, чтобы получить пленявшее слушате-

лей рапсодии впечатление мягкого ритма произведения, приглушенных линий рисунка, гармонично связанных с переливами полутонов традиционного распевца. К сожалению, в переводе это значительно утрачивается. Сюжетный костяк не может сам по себе передать нужное впечатление и разбираемые сцены в переводе сильно блекнут. Наконец, Дамаянти вызывает Наля-Вахуку. Своё свидание с женой Наль начинает с упрёков. Характерен для бесправного положения женщины времён патриархата ответ Дамаянти на эти упрёки: оскорблённая и обиженная она же вынуждена оправдываться и доказывать свою невинность. Сцена оправдания Дамаянти целиком скопирована со сцены оправдания Ситы, жены Рамы, также несправедливо обвинённой мужем. Сцена находится в последней книге Рамаяны и считается позднейшей интерполяцией, сделанной в ортодоксально-браманическом духе. Является ли интерполяцией «оправдание Дамаянти», нельзя сказать с уверенностью, но в художественном отношении это одно из слабейших мест поэмы, контрастирующее своим грубым примитивизмом с общей изысканной тонкостью произведения. Такой же грубый контраст существует и в Рамаяне.

Свой актив, благородство и незлобивость Наль показывает в прекрасной заключительной сцене примирения с Пушкаррой: он не мстит брату после победы, но благородно протягивает ему братскую руку, признавая, что оба они были введены в заблуждение злым Кали, которого Наль также простил.

Образ Сатьявана в поэме «Супружеская верность» разработан гораздо менее детально, однако и здесь с достаточной ясностью даны основные линии характера.

Как и Наль, Сатьяван трафаретно наделяется всеми положительными чертами героя-кшатрия: красотой, мужеством, благородством, правдивостью. Последняя черта особенно подчёркивается его именем, означающим «Правдивый».

Нужно отметить ещё художественную одарённость царевича: за неё он заслужил прозвище «Читрашва» (ср. гл. II, 13). Повидимому, это портретная черта, сохранённая эпической памятью, так как в дальнейшем она не использована, если только ей не придавать атрибутивного значения, принимая во внимание, что «Читрашва» значит «Пегий конь»,

а конь есть атрибут Ашвин — «Всадников», богов-близнецов утренних и вечерних сумерок. В 18 шлоке той же главы Сатьяван сравнивается с ними.

В развитии действия Сатьяван показан, как кроткий, любящий сын и муж, но с очень пассивной психикой: он шага не может ступить без родительского ведома и повеления. Это несомненно патриархальная черта. Пассивно он принимает выбранную родителями жену. О его согласии не поднимается даже и речи и брак улаживается отцами молодых, как то и полагалось в патриархальной семье.

В момент необходимости принять решение и действовать, Сатьяван приходит в смятение и выражает свои чувства противоречивыми порывами, слезами и по существу во всём опирается на жену, следует её активу. Жена в буквальном смысле ведёт его за руку и если он и даёт указания, как нужно идти, то только потому, что Савитри совсем не знает дороги, тогда как Сатьявану путь хорошо знаком. В остальном весь актив на стороне Савитри, она реализует беспорядочные порывы мужа, превращает их в волевою, целеустремлённую деятельность. Даже актив рассказа о происшедшем Сатьяван передаёт жене.

Таким образом, обе поэмы дают тип доброго, но достаточно себялюбивого мужчины, способного на страстные порывы и бурные переживания, но в высшей степени неволевого. Слабоволие — ведущая черта этого типа. «Наль» значит тростник — растение изящное, утонченное, но гнущееся ото всякого дуновения... Кроме того, «наль» обозначает гороскопическую констелляцию двойственной природы, становящуюся в зависимости от обстоятельств — положительной или отрицательной. Такой символизм в духе индийской поэзии и, нужно сказать, что трудно подобрать более яркий художественный символ для разбираемого образа.

Обращаясь к второстепенным мужским типам поэм, мы можем убедиться, что и они сохраняют основные черты, развитые в главных характерах. Таков простоватый, слегка комический Ритупарна, таков и Варшнея, пассивно следующий за течением событий, хотя и преданный своему господину по «долгу шудры», но самостоятельно палец о палец не ударивший для облегчения его судьбы. Варшнея лишь добросовестно, но весьма пассивно исполняет приказания Дамаянти, а потом идёт служить к царю Ритупарне.

Даже Пушкара, этот «злодей» поэмы, носит те же черты: «злодейство» навязано ему извне, оно не вытекает из сущности его характера, если не считать пассивной неустойчивости, позволяющей ему легко поддаться соблазну. Освобождённый от влияния Кали и поставленный на своё место он проявляется, как добрый малый, с благодарностью, но пассивно принимающий то, что ему пожелают дать. Фигуры Ашвапати, Дьюматсены и Бхимы сливаются с фоном: они трафаретные раджи.

Особо стоят образы браминов. Оставим в стороне Парвату и Нараду, как трафаретные агиографические образы, почти не индивидуализированные, обратимся к двум другим браминам—Судэве и Парнаде, изображённым в «Нале». Типичные представители своей касты: деятельные, смыслённые — они всегда готовы плести интригу, якобы в пользу владыки-кшатрия, в действительности же всегда ради своей выгоды; они падки на подарки. Махабхарата создавалась в среде кшатриев, во многом, как плод борьбы каст кшатриев и браминов в период создания военно-рабовладельческого государства, росту которого препятствовали теократические притязания браминов: такая борьба классов не могла не отразиться и в художественных произведениях.

Впрочем, если снять с разбираемых образов их местный колорит, то эти фигуры можно было бы легко включить в какую-нибудь средневековую новеллу, настолько ярко даны в поэме их обще-классовые черты. Но кастовая, социальная яркость образов в значительной мере ступшевывает их мужские и индивидуальные черты. Мало они выражены и в образах отшельников, фигуры которых сливаются с общим фоном.

Женские типы даны обеими поэмами в двух главных фигурах: Дамаянти и Савитри и в двух второстепенных — царицы-матери и Кешини («Наль»). Остальные женские фигуры еле намечены.

Как и мужчины, обе героини получают двойную характеристику: априорную трафаретную, сказочной красавицы и раскрываемую в действии индивидуальную. Априорно обе царевны получают эпитеты «луноподобная, широкобёдрая, хруп-

кая, нежная, робкая» и пр. Отметим, что подавляющее большинство эпитетов относится не к психическим, а к физическим чертам.

С первых же строк поэма характеризует Дамаянти натурой страстной, подобной молнии. Разгоревшись страстью к Налю, она неудержимо пылает, но в противоположность последнему, умеет активно осуществлять свои желания. Если Наль пассивно отпускает фламинго выполнять обещанное, Дамаянти, выслушав птицу, сейчас же активно направляет её: «расскажи это Налю».

При встрече с Налем, Дамаянти ведёт себя очень решительно и действенно: она без колебаний противостоит воле богов, решительно отвергает их сватовство, за что и получает от своего жениха название «безумной». Дамаянти побуждает действовать и Наля, но, убедясь в его пассивности, берёт на себя всю тяжесть решения и выполнения задуманного. Раз пожелав, она умеет добиться желаемого, что доказывает и сцена выбора жениха. Её, девушку, всегда заключённую в стены гинекеона, не смущает ни блеск и торжественность обряда, ни присутствие толпы женихов, ни даже сватовство богов, дерзко приглашённых ею на обряд выбора, причём она заранее отказывает им, не страшась их гнева. Боги задают ей трудную задачу — угадать среди пяти тождественных образов, кто её любимый. Ради своего чувства к Налю Дамаянти жертвует всем, вплоть до блаженства, сулимого ей богами. В их сватовстве подвергается испытанию чувство Дамаянти и оно выдерживает испытание. Сами боги признают это и в решительный момент оказывают ей помощь, одобряют её выбор и благословляют брак дарами.

Нужно отметить, что дары получает Наль, а не Дамаянти, хотя, казалось бы, заслужила их она, а не он. Возможно, что здесь речь идёт о своеобразном приданом. Свадебные обряды индийцев по-разному разрешают вопрос о дарах, в зависимости от того, преобладают ли в обряде черты патриархата или матриархата. В более поздних обрядах одаряются оба молодых вместе, как супружеская чета.

В дальнейшем раскрывается решительный, волевой характер Дамаянти: она не занимается пустыми причитаниями при виде безумств мужа, потери им власти, крушения семьи. Пока остается надежда на борьбу, Дамаянти борется: вместе с придворными она старается уговорить Наля; потерпев в этом не-

удачу, хотя и «сгорая со стыда» (гл. VIII, 8), она не теряет головы, но умело и энергично спасает своих детей, отправив их к деду. На этом её забота о детях кончается и уже ничего не препятствует раскрытию самой сущности характера: Дамаянти не женщина-мать, не Деметра, и не женщина-любовница, не Венера, это женщина-супруга, выраженный тип Геры, применяя художественно выкристаллизованные образы Эллады.

Поэма даёт высокое развитие такого типа: Дамаянти, отвергнув ради любимого небесные улады, не останавливается перед угрозой нищеты и лишений, перед ужасами тропического леса, ярко изображёнными поэмой. Без колебания следует Дамаянти за мужем, разделяя с ним беды; для неё звучит оскорблением даже намёк на возможность его покинуть (ср. гл. IX, 24—29).

После исчезновения Наля «робкая» Дамаянти преодолевает всяческие опасности: спасаясь из леса, она проявляет далеко не «робость», а решимость, безмерную храбрость, присутствие духа во всех злключениях; но её основная цель — не спасение себя, а поиски мужа, стремление помочь тому, без которого ей жизнь не в жизнь. Задыхаясь в кольцах удава, она думает только о муже, его одного призывает. Эпизод со звероловом показывает, что Дамаянти не потерпит над собой насилия, даже ради спасения жизни. Она предпочитает остаться одна, без защитника в ужасном лесу, чем получить защиту ценой насилия и измены мужу.

Плачь Дамаянти относится к одним из самых патетических и ярких мест поэмы, да и вообще Махабхараты. Он напоминает очень плачь Ярославны. Высокая напряжённость чувства и сила художественной одарённости подняли обоих поэтов выше случайностей среды и эпохи и дали им возможность создать общечеловеческую ценность, через века и культуры сказать свою общечеловеческую правду.

В сцене встречи с караваном, в трагической сцене нападения слонов, данной с блестящим художественным мастерством, в сценах прихода в город и знакомства с царицей — всюду Дамаянти проявляет решимость, самостоятельность и жизненную приспособляемость, черты совсем неожиданные для изнеженной гаремной женщины.

Несколько диссонирует её пассивное пребывание у чедийской царицы и внезапное решение вернуться в семью отца после появления Судэвы.

Однако, и здесь у неё был заранее обдуманный план. Неменьшую активность и решительность проявляет и Савитри. Её выбор тоже подвергается тяжёлому испытанию, еще более убедительному и общепонятному, так как элемент «чудесного» в нем сведен до минимума.

Если Дамаянти должна отказаться от воображаемых небесных усад ради Наля, то Савитри угрожает потеря избранника, его смерть через год после свадьбы. Если Дамаянти отказывается, так сказать, от «преизбытка счастья», то Савитри отказывается от самого счастья. Над её судьбой нависла угроза смерти, трагического рока. Сам великий Нарада предупреждает об этом девушку и называет её выбор неудачным. На своё предупреждение он получает скромный, но полный достоинства ответ, перекликающийся через века с ответом Корделии Лиру; ярко и выразительно звучат строки 26—28: «Раз выпадает судьба, раз идёт девушка замуж...».

Савитри, как и Дамаянти, не только умеет страстно желать, но и осуществлять свою волю. Как и у Дамаянти, её чувство не отступает ни перед лишениями, ни перед неудачами, ни перед страданиями и даже перед смертью. Только чувство её по сути иное, нежели у Дамаянти. Если Дамаянти — выраженный тип Геры-супруги, для которой весь мир сосредоточивается на одном, всё же остальное существует «постольку-поскольку», то Савитри — это Деметра, женщина-мать, умеющая охватить своим сердцем через любимого весь мир. Дамаянти для мужа забывает не только отца и мать, но даже собственных детей, не говоря уже о более далёких родных.

Савитри же сердечным теплом согревает и слепого, несчастного свекра, и своего отца и всю семью, любовное отношение Савитри ко всем окружающим подчёркивается поэмой. Сто сыновей для неё — один любимый, воплощающийся во всем. С тихой решимостью хранит она про себя роковую тайну, её кроткая речь, ясная улыбка не выдадут непрестанной раздражающей боли и случайный стон не заставит заподозрить, что сердце её раздирается в ожидании рокового часа (ср. гл. III, 21—23, IV, 33). Только твёрдый духом, поистине добрый человек, способен на такой подвиг. Савитри знает сущность добра и умеет восхвалить его не только в речах, обращённых к владыке Дхармы, но всей своей жизнью и делами. Оттого-то слова её и звучат так убедительно.

Не пассивно ждёт Савитри рокового часа, предаваясь тайной скорби, считая дни, часы, минуты. Сердце её знает, чего оно хочет и что надо ей делать. Для древнего индийца существовала непреложная всепобеждающая сила — аскетический подвиг. Такой подвиг основан на идее безусловной закономерности всего миропроявления, на непреложном равновесии причинно-следственного ряда (закон кармы) и безусловности нравственных законов (дхарма). Он понимался древним индийцем, как концентрация силы, способной влиять на течение событий, так как в основу миропроявления древний индеец полагал незыблемый нравственный закон (Рита). Сами боги не могут противостоять силе аскезы, аскезой можно достигнуть всего чего угодно, лишь бы воля была достаточно сильна, чтобы добиться желаемого. Ведь недаром аскезой («тапас») Брами творит мир.

Таким образом, для Савитри предпринимаемое ею стояние не есть пассивное вымаливание желаемого, но активная борьба за него. В рамках своего миропонимания Савитри активно добивается своего счастья, творит свою судьбу, утверждая её на прочном нравственном основании. Выполнив без колебания, несмотря на уговоры окружающих, задуманное трехдневное стояние, Савитри также твёрдо осуществляет свое решение не покидать мужа ни на мгновение в роковой для него день. Сам бог смерти, Яма, не в состоянии уговорить Савитри отступить. Ни освобождение её от её супружеского долга самим владыкой Закона, ни трудности пути, ни страх перед обителью смерти — ничто не останавливает решительную женщину и она добивается цели, не только узко-себялюбивой цели личного счастья, как Дамаянти, но и счастья для многих людей. Она спасает «из бездны страданья» два великих рода. Диалог между Ямой и Савитри проходит на высоких регистрах утверждения общечеловеческих нравственных максим и по своей напряжённости напоминает диалоги Платона. Высказывания Савитри поражают необычайным самозабвением, жертвенностью. Она хочет одного, добивается одной цели — спасения мужа. Но когда Яма предлагает ей обусловленный выбор дара, она думает не о себе, а о других: о слепом свекре, об отце. Савитри не просто желает для них счастья, но такого счастья, которое не нарушало бы нравственных законов (ср. гл. V, 31—32).

Тот же нравственный момент подчеркнут и в заключении поэмы: личное счастье героев вытекает из их нравственной победы, победы добра над злом. И в этом — существенная разница между двумя поэмами.

В «Нале» нравственный элемент отходит на второй план, он утверждается постольку, поскольку утверждается момент личного счастья и весь пафос борьбы Дамаянти заключается в достижении этого личного счастья, остальное проходит мимо героев поэмы.

В «Супружеской верности» нравственный момент является целью, на нём основывается личное счастье, без него неприемлемое.

Таким образом, первая поэма гедонистична, вторая нравственна. Смысл поэмы раскрывается в диалоге Савитри и Ямы о долге. Такой диалог типичен для философских произведений Индии. Савитри как бы сдаёт испытание на свое понимание долга и нравственного закона, как основы не только общественной жизни, но и всего мироздания (ср. «истине добрых и солнце покорно, земля управляется подвигом добрых, добрые — путь всех существ и начало... V, 47).

Только в силу своего понимания долга, нравственного начала, раскрытия его в себе и осуществления в жизни Савитри достигает желаемого. Сам воплощённый Закон, Дхарма признаёт за Савитри это право. Савитри осуществила правду в жизни, раскрыла в себе понимание долга и потому получила право стать проводником нравственного Закона, быть одной из тех, через которых он «управляет вселенной» (ср. V, 47).

Из второстепенных женских фигур ярче других очерчен образ Кешини—ловкой, сметливой и энергичной служанки, вполне под стать своей госпоже и хорошо контрастирующей с фигурой мешковатого Варшней, способного часами философствовать на тему: кто бы мог быть Вахука—то ли Наль, то ли возникший богов Матали, но не удосужившегося ничего проведать у своего сослуживца-возничего.

Итак, в обоих поэмах пассивным, безвольным мужчинам противопоставляются активные, волевые женщины, хотя юридически и находящиеся в подчинении, но фактически активно строящие жизнь и семью, дающие начало роду.

Такое резкое противопоставление и типизация не могут быть случайными, они являются отражением существовавших в обществе того времени отношений. Хотя в ту эпоху патри-

архальный строй и получил уже своё утверждение, однако матриархат ещё не совсем был преодолен и его силы искали себе выражения.

Общественная жизнь была в руках мужчины, но в домашнем быту тяжесть семейной жизни, повседневной заботы о детях падала главным образом на женщину. Это закалило её характер, стимулировало её волю, создало типы, с такой яркостью сохранённые эпосом.

Отсюда, повидимому, проистекает индийское учение о пассивности мужского начала и об активности женского, отмеченное выше, как характерная черта древнеиндийской философии.

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОЭМ

*«Миф есть экзегеза символа»
(Бахгофен).*

В древности философия без ясных границ сливалась с мифом. Она раскрывала символы, в которые древняя мудрость облакала своё миропонимание. Поэтому эпос и носит не только исторические и художественные черты, но и мифологические, и религиозно-философские.

Подобно тому, как для греков Илиада и Одиссея были не только историческими сказаниями о героях и о прошлых судьбах народа, воплощённых в эти героические образы, но и священными кодексами, на которых воспитывалось моральное и религиозно-философское сознание народа, так и Рамаяна и Махабхарата, даже быть может в ещё большей степени, являлись для древних индийцев священными книгами, не только «историческими», но и философскими, а поэтому даже в таком беглом очерке, как настоящий, нельзя обойти молчанием и эту сторону предлагаемых вниманию читателя поэм.

Индийский эпос создавался веками, он исключительно богат, разнообразен, как исключительно богата и мифология Индии.

Любая фольклорная так называемая ходячая тема нашла отражение в санскритской эпической литературе.

С мифологической точки зрения рассматриваемые поэмы представляют неравный интерес.

«Наль» — это яркий и пряный цветок индийской поэзии, дающий художественное отражение быта и нравов древней Индии. Это — роман, не перестающий пленять своими худо-

жественными достоинствами не только индийцев, но и каждого знакомого с их литературой. Нравственное значение поэмы отходит на второй план. Правда, «Налю» приписывается сила «мантры» (заговора) против злого духа Кали (игры в кости): «кто будет прославлять Наля, читая сказание о нем, тот избегнет власти Кали» (XX, 36—37). Иными словами, поучительная история Наля предостережёт внимающего ей от увлечения азартом. Но такое понимание поэмы довольно поверхностно, оно навязано произведению и является своего рода рекламой, обеспечивающей её распространение: не следует забывать, что произведения индийской литературы веками передавались из поколения в поколение изустно. Обещание всяких благ сказителю и слушателю произведения — приём довольно обычный для древности и объясняющийся трудностями распространения литературы в эпоху до книгопечатанья.

Совсем иное — «Супружеская верность». И по содержанию и по форме эта поэма близка мистериальному действу. Миф в ней не является случайным элементом, как в «Нале», а лежит в основе произведения и составляет его сущность. Поэма есть сказание о родоначальнице племени, а, следовательно, о богине, как то знаменует и само имя героини.

Савитри есть женская ипостась Савитара («Спасителя») одного из олицетворений Солнца. Значит в основе произведения лежит солнечный миф. Сизигии индийской мифологии построены так, что активной является женская ипостась сизигии, о чём уже упоминалось.

Вариант солнечного мифа, развитый в поэме, можно назвать темой «танатомахии» — борьбы со смертью, преодоления её. Это один из важнейших мотивов в цикле солнечных мифов.

Можно сказать, что нет ни одной более или менее сформировавшейся религиозной системы, где бы эта тема не была затронута, ибо это одна из основных проблем, над которыми издревле работала человеческая мысль. Многие религии полагают в основу системы мотив танатомахии (напр., религия Озириса, Диониса, Митры...).

Если с одной стороны тематика танатомахии тесно связана с астральными мифами, в частности с солнечным, то с другой — она не менее тесно связана с биологическими (любовь и смерть) и социальными мифами (хлеб). Отсюда чрезвычай-

чайное разнообразие соответствующих мифов, теснейшим образом переплетающихся друг с другом. Так, например, миф об Озирисе является столько же солнечным, космологическим, сколько и социальным и оба элемента в нем почти неотделимы один от другого. Более того, он является и биологическим мифом, на что ясно указывает роль Изиды и Нефтиды в ритуале погребения Озириса (а, следовательно, и каждого египтянина), момент восстановления семени Озириса в звезде Сотис (Сириусе) и пр.

Одна из основных схем танатомахии, под которую можно подвести и миф о Савитри, строится так: существует любящая чета, сизигия. Один из супругов гибнет, другой отправляется в царство смерти спасти погибшего. Эта попытка может закончиться или неудачей, или успехом, однако, обычно относительно. Схема распадается на два варианта: мужской и женский.

Мужской вариант, как правило, оканчивается трагически, в каком бы аспекте—космологическом, биологическом или социальном ни развивалась тематика.

Типичным примером мужского варианта, преимущественно в биологическом аспекте, является миф об Орфее и Эвридике; сюда же относится и миф о Геракле и «белой деве» Иоле из Эхалии, «города исчезновения», миф о Зигфриде и Брунгильде, только в обоих последних мифах сильнее подчеркнут эсхатологический момент. Не следует упускать из виду, что миф об Орфее относится к дионисийскому циклу и само сказание о Дионисе-Загрее разворачивает всё ту же тему танатомахии.

Не имея возможности более подробно останавливаться на указанных мифах, напомним только, что все они кончаются трагически: Орфей навсегда утрачивает Эвридику, титаны разрывают Диониса-Загрея, Зигфрид гибнет в волнах Рейна, Геракл, хотя и совершает свой последний подвиг — нисхождение в Аид, но затем трагически гибнет на костре Этны.

Приведенные примеры достаточно ярко иллюстрируют выдвинутое положение: танатомахия мужского типа, как правило, кончается трагически. Вспомним, что и само слово «трагедия» возникло на почве мистерияльного изображения мужского танатомахического мифа. Женские варианты танатомахии, наоборот, кончаются относительно благополучно: Изида возвращает к жизни Озириса, различные малоазийские богини типа Иштар-Кибелы — своих Адонисов.

Следует подчеркнуть, что женские варианты танатомахики развиты преимущественно в биологическом аспекте. Задача преодоления смерти разрешается в продлении жизни рода женщиной.

Мужчина в этих мифах является обычно представителем индивидуального самосознания, личности, а женщина — представительницей родового сознания, жизни Природы. Это справедливо даже для таких резко-патриархальных религий, как еврейская: «Человек (Адам) назвал жену свою Хава (Жизнь), ибо она стала матерью всего живущего» (кн. Берейшиш III, 2). Миф о Савитри относится к женскому варианту танатомахики. Астральные его элементы намечены в связи Савитри, жены Сатьявана, с Савитри-богиней, женской ипостасью, энергией (шакти) Савитара-Солнца.

Возможно, что годовой срок жизни Сатьявана нужно понимать в том же смысле: Сатьяван, муж Савитри, олицетворяя Солнце, должен неизбежно умереть в конце годового цикла и солнечная Энергия, Шакти-Савитри, возвращает его к жизни на основании неизменных — причинно-следственных законов (дхарма). Тогда и трёхдневное неподвижное стояние Савитри следует толковать в смысле зимнего трехдневного солнцестояния. Древние славяне, в частности украинцы, говорили: «солнце столбом стоит три дня».

В поэме есть отдалённый намёк на сближение Сатьявана с Ашвинами: о нём говорится, что он прекрасен, как Ашвины и носит он прозвище Читрашва—«Пегий кснь». Впрочем аналогия ослабляется тем, что образ Сатьявана не парный, тогда как образ Ашвин, как правило, парный—сравнить, например, образы Накулы и Сахадэвы в Махабхарате, Космы и Дамиана в христианской агиографии. Точный перевод слова «Ашвины»—«Всадники». Так олицетворялись утренние и вечерние сумерки. Ашвины совершенно аналогичны греческим Диаскурам, Кастору и Поллуксу.

В танатомахических мифах Сумерки принимают известное участие: умирая вечером, они возрождаются утром. В качестве всадников они являются и в русских сказках: всадники Бабы-Яги, Смерти, Зимы. Биологический аспект мифа в поэме выражен резче, чем астральный: поэма даёт образ женщины-матери, родоначальницы, подобно Деметре, устрояющей человеческое общество на основе неизменных и благих законов (ср. элевзинские таинства и сказание о странствованиях Изиды).

* * *

Настоящим очень кратким разбором мы пытались наметить основные идейные вехи предлагаемых памятников и показать их большое культурное и литературно-художественное значение.

Они вводят русского читателя в мало ему знакомый мир культурных сокровищ Индии, по заслугам издревле пользующейся славой «Страны Чудес».

ଦେବନାଗରୀ ଓ ନାଗରୀ

ନଳିନୀପାଞ୍ଚାଙ୍ଗମ୍

नलोपाख्यानम्

Г л а в а I

Брихадашва сказал:

1. Был раджа, Наль его звали, могучий сын Вирасены,
Полный достоинств желанных, знаток лошадей знаменитый.
2. Меж властелинов земных, как царь богов, главенствуя,
Он высоко над всеми сиял, подобно солнцу.
3. Витязь, владыка нишадцев благочестивый, знал Веды,
Был полководцем искусным, правдивым, был в кости
играть охотник.
4. Прекрасный, сдержанный в чувствах, был он желанен для
женщин,
Меткий стрелок, покровитель, видом Ману подобный.
5. Также в земле Видарбхийской Бхима жил, страшный и
мощный,
Многодостойный витязь, бездетный, желал он потомства.
6. Лишь о потомстве мысля, тяжкие нёс обеты;
К нему раз брамин явился по имени Даман, Бхарата.
7. Желая потомства, Бхима угостил его по обряду;
Царица и царь на славу приняли гостя, как должно.
8. Даман, довольный приемом, желанный дар предложил им:
Дочь красоты несказанной и трех сыновей благородных—

9. Дама, Данта и Дамана, их же сестра — Дамаянти.
Юноши были могучи, полны достоинств и грозны,
10. А Дамаянти красой, стройностью, блеском прельщала,
За миловидность и стройность всюду ее прославляли.
11. Юную деву служанки пышно всегда наряжали,
Она меж сотен подруг сияла, словно луна в поднебесьи.
12. В пышных, роскошных нарядах дочь знаменитого Бхимы
Среди подруг выделялась, с молнией сходная блеском,
13. Как длинноокая Шри, дева красоты безупречной;
Между богов и якша по красоте ей нет равных.
14. А средь людей никогда и не видали подобной,
Как богиня прекрасной, девы с душой благосклонной.
15. Наль был меж витязей тигром и на земле — несравнимым;
Он, как Кандарпа во плоти, красавец, жил в своем царстве.
16. Наль в присутствии девы все горячо прославляли;
А Дамаянти Нишадцу хвалили снова и снова.
17. Не видев друг-друга, оба взаимной любовью прониклись.
И от похвал непрерывных она в их сердцах возростала.
18. Наль, устав сдерживать страсть в своем сердце,
В придворцовую рощу однажды скрылся.
19. Там увидал он стаю золотоперых фламинго.
Наль поймал одну птицу из бродивших по чаще.
20. Внезапно, пернатый промолвил разумное слово Налью:
«Я еще пригожусь, не убивай меня, раджа!
21. Про тебя, Нишадец, я расскажу Дамаянти,
Так о тебе лишь одном она будет мечтать постоянно».
22. Внял словам фламинго, выпустил его владыка;
И птицы, взлетев, устремились вдаль, в Видарбхийскую
землю.
23. Достигнув столицы Видарбхи, спустились вблизи Дамаянти
Эти пернатые гости; увидев стаю птиц прилетевших,

24. Прельстась их красой, дева с толпою подружек
Весело к ним подбежала, за легкокрылыми стала гоняться.
25. Но разлетелись фламинго по живописной роще,
Девушки все врассыпную пернатых преследовать стали.
26. А Дамаянти гналась за той птицей, совсем ее настигала;
Вдруг с человеческой речью к ней обратился фламинго:
27. «Дамаянти, есть раджа, Наль, владыка Нишадцев,
Словно Ашвины прекрасный, с ним никому из людей не
сравняться.
28. Если женой его станешь ты, что всех девушек краше,
Стройная, брак не бесплодным ваш будет, счастливым.
29. Мы богов и гандхарвов, змиев, людей, ракшазов
Много видали, но равных ему — никогда не встречали.
30. Ты — драгоценность среди женщин; Наль — средь
мужчин украшение,
Сочетанье наилучших прекрасным будет».
31. Дамаянти, выслушав речь, повелитель народа,
Отвечала фламинго: «Расскажи это Налю!».
32. «Хорошо!» видарбхийке молвил пернатый и скоро,
прибыв в нишадскую землю, все он поведал Налю.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
первая глава.

नलोपाख्यानम्

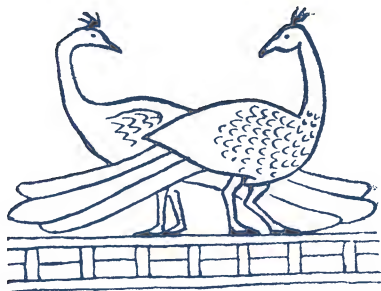
Г л а в а II

Брихадашва сказал:

1. А Дамаянти, Бхарата, выслушав речи фламинго,
Стала сама не своя, томилась по Налю.
2. Сделалась замкнутой, вялой, поблекла, совсем исхудала,
Тяжко, глубоко вздыхала в тоске Дамаянти.
3. Задумчиво вверх глядела, как безумная видом,
Или внезапно бледнела, любовной терзаясь мыслью.
4. Не наслаждалась ни пищей, ни сном, ни ложем,
Не спится ей ночью и днем «горе, увы» восклицает, плачет.
5. Недуг по восклицаньям и виду узнали подруги
И видарбхийцев владыке они сообщили, Бхарата,
6. Что не в себе Дамаянти. От сонма подруг эту весть
услышав,
Могучий, царь Бхима, земли повелитель,
7. Понял, что с дочерью важное что-то случилось.
«В чем же причина, что моя дочь выглядит как
исступленная нынче?»
8. Владыка, приняв во внимание, что дочь его девушкой
стала,
Решил: пора Дамаянти избрать жениха по сердцу.

21. Дочь видарбхийского раджи — имя ее Дамаянти,
Что превзошла красотой всех земных женщин, Шакра,
22. Себе выбирает мужа; произойдет это скоро.
Цари и царевицы туда отовсюду стремятся;
23. Эту жемчужину мира все земные владыки ищут,
Жаждают ее, вожделеют, знай, губитель ракшазов!».
24. Пока говорил Нарада, боги, хранители мира,
Агни и с ним другие, к Индре-владыке собрались.
25. Они сообща внимали великому слову Нарады;
Радостно выслушав речи, сказали: «Мы также идем **на**
выбор!».
26. На колесницах со свитой быстро направились боги,
В землю видарбхов, где земные владыки собрались.
27. И Наль, услышав, что съезжаются раджи, Каунтея,
Бодро отправился в путь, Дамаянти преданный сердцем.
28. Тогда на земной равнине боги в пути заметили Наль,
В их глазах он явился по красоте подобным Манмату.
29. Солнцеподобного вида, остановились невольно
Дивной его красотой восхищенные боги.
30. В небе сдержав колесницы и сойдя на землю,
Блаженные тогда Нишадцу сказали, раджа:
31. «Слушай, владыка нишадский, Наль, — ты поистине
верен —
Окажи нам помощь, будь нашим вестником, преславный
витязь!».

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
вторая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава III

Брихадашва сказал:

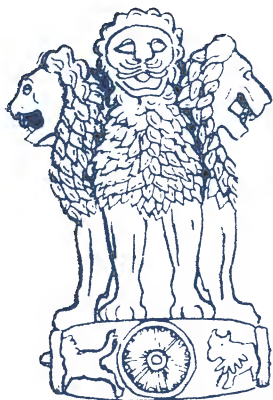
1. Налъ согласился, Бхарата; «Сделаю», — он промолвил,
Руки сложив как должно, стал вопрошать Нишадец:
2. «Кто вы, владыки, кому я желанным вестником буду?
Что я вам должен исполнить, все мне скажите по-правде».
3. Выслушав слово Нишадца, так отвечал ему Индра:
«Знай, мы—бессмертные боги низошли к Дамаянти.
4. Я Индра; это вот Агни; это — морей повелитель;
А это — Яма, людей он земной лишает жизни.
5. Ты должен о нашем приходе возвестить Дамаянти;
Пришли, де, хранители мира, боги хотят тебя видеть;
6. Тебя вожделеют Шакра, Агни, Варуна, Яма;
Из этих богов одного избери себе мужем!».
7. Выслушав Индру, Нишадец, руки сложив, ответил:
«Я стремлюсь к той же цели, так умоляю, вестником
вашим не шлите!
8. Женщине может ли в здравом уме мужчина
За другого слова говорить? Помилуйте, боги!».

Боги сказали:

9. «Сделаю», — так нам сначала ты обещал, Нишадец,
Как же теперь не исполнишь? Отправляйся, Нишадец,
немедля!».
10. Выслушав это, Нишадец снова к богам обратился:
«Крепко хранимы чертоги, как мне туда проникнуть?».
11. «Проникнешь», — возразил миродержец Шакра.
«Ладно», — ответил Наль и пошел во дворец Дамаянти.
12. Там увидал Видарбхийку: в окруженьи подруг сияла
Юной красой лучшая девушка в мире,
13. Нежностью членов и стройностью стана,
Блеском прекрасных очей как бы с луной состязаясь.
14. Чарами нежно-улыбной сильнее в нем страсть разгоралась,
Но правду стремясь исполнить, сдерживал он желание.
15. Нишадца заметив, нежные девы в волненьи
Привскочили с сидений, блеском его восхищаясь.
16. Налем любясь, заговорить с ним не смели,
Только в уме повторяли возгласы восхищенья:
17. «Ах, красота! Ах, сиянье! Стан какой, вид, благородство!
Кто это—бог или якша, или гандхавра, быть может?!».
18. И ей ничего не могли сказать подруги,
Прекрасной, стоящей молча, блеском его пораженной.
19. Тогда на его улыбку ответив улыбкой, восхищенная
Дамаянти
Первая обратилась к витязю Налю:
20. «Кто ты, чарующий видом, любовь мою зажегший?
Вожделею тебя узнать, богоподобный пришелец!
21. Как ты сюда проник? Как же тебя никто не заметил?
Мой чертог охраняется крепко, по строгому наказу раджи»
22. Спрошенный так видарбхийкой, Наль ей ответил:
«Наля во мне узнай, прекрасная, как вестник богов я
сюда явился.

23. Боги хотят получить тебя в жены: Шакра, Агни, Варуна,
Яма.
Одного из богов, красавица выбери мужем!
24. Охраняем их силой, сюда я проник незаметно;
Как я входил, никто не мог видеть, ни помешать мне.
25. Вот с какой целью, блаженная, меня послали боги;
Выслушав все, прекрасная, решай сама, как хочешь!»

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
третья глава.

नलोपाख्यानम्

Глава IV

Брихадашва сказал:

1. Славу воздав богам, она с улыбкой сказала Налю:
«Введи жену по закону, раджа, чем пред тобой я виновна?»
2. Я и богатства, которыми я владею,
Принадлежим тебе, желанный брак соверши, владыка!
3. Жжет меня слово фламинго, раджа,
Этих царей из-за тебя созвала я, витязь!
4. Если мое поклоненье отвергнешь, податель славы,
К яду, огню, воде, петле из-за тебя прибегну!».
5. Вняв словам видарбхийки, Наль ей ответил:
«Когда предстоят миродержцы, почему человека желаешь?»
6. Великодушных владык, творцов и хранителей мира,
Я праха ноги не достоин; к ним обрати свои мысли.
7. Творящий богам неугодное, смертный достоин смерти!
Спаси ж меня, дивная, стройная, избери небожителя!
8. В незапыленных одеждах, в диадемах небесных,
Вся в дорогих украшениях, богам сопричастна, с ними
блаженствовать будешь.
9. Кто, основав эту землю, снова ее пожирает,
Жертвы вкуситель, Агни, владыка богов, ужели не
избран супругом?»

24. «Ясноулыбную видел ли ты Дамаянти?
Что нам сказала она, владыка земли? Все, безупречный,
поведай».

Наль сказал:

25. Посланный вами, проник я в чертог Дамаянти
Через большие ворота, замкнутые бдительной стражей.
26. Ни один человек не заметил, когда проходил я,
Кроме самой царевны; был я храним вашей силой.
27. Ее подруг я видел, был также ими замечен,
Поражены все были, увидев меня, владыки-боги.
28. Я описал вас лучистоликой, она ж безрассудно,
О, небожители высшие, выбрать меня пожелала.
29. Девушка мне сказала: «Пусть придут боги, а с ними
вместе,
Тигроподобный, и ты приходи на мой выбор!
30. Перед лицом небожителей тебя изберу, Нишадец,
И на тебя, долгорукий, грех не падет». Так сказала.
31. Все, что случилось, мудрые, я до конца вам поведал;
Да состоится же ваше решение, владыки тридцати
светозарных!

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
четвертая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава V

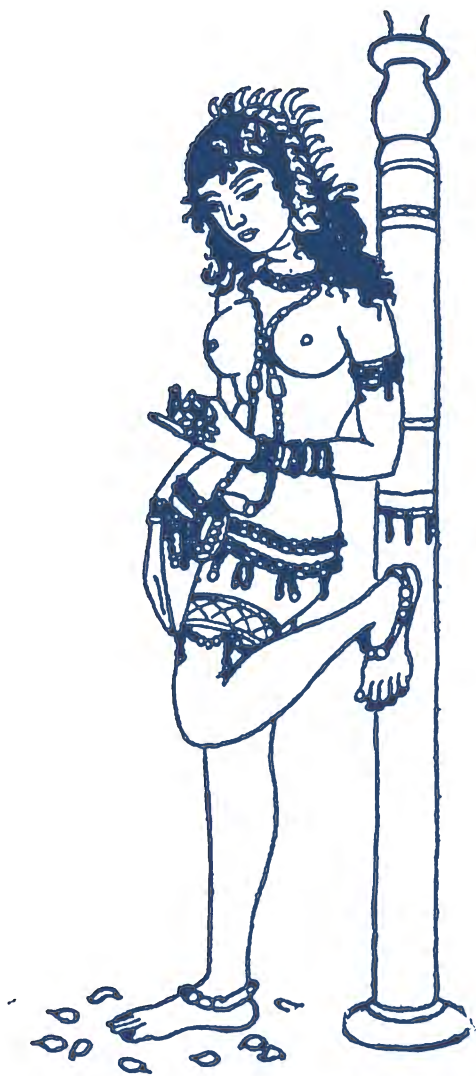
Брихадашва сказал:

1. Чистого дня луны выбрав счастливый час и мгновение,
Владык народов царь Бхима созвал на смотрины.
2. Это услышав, владыки земли, мучимые страстью,
Все поспешили собраться, стремясь получить Дамаянти.
3. Чрез триумфальную арку, златоколонную, раджи,
Взошли на подмостки огромные львы, подобные горам:
4. Здесь на различных сиденьях, расположились владыки
В благоуханных венках и в серьгах драгоценных.
5. Железным засовам подобны были их мощные руки;
Все статны и пышноволосы; прекрасны носы их, глаза и брови;
6. Все носят счастливые знаки, пятиголовым змиям подобно;
Витязей лица сияли, как звезды на небе.
7. В это собрание раджей, равных змиям страны Бхогавати.
Полное тигроподобных мужей, как ущелье полное тигров,
8. Вошла ясноликая Дамаянти, на подмостки вступила,
Блеском своим привлекая раджей сердца и очи.
9. Великодушных раджей к телу ее устремленные взоры
Прикованными казались, застывшими неподвижно.

10. Когда многоустная «слава» раздалась, Бхарата,
Там увидала дочь Бхимы пять одинаковых мужей
11. Неразлично-похожих, прекрасных обличем,
Меж них Видарбхийка в смущении Наля-царя не узнала.
12. И на кого бы из них ни взглянула, того принимала за
Наля.
13. Ум погрузив в размышление, преславная так рассуждала:
«Как я богов распознаю? Как отличу Нишадца?».
14. В думах таких Видарбхийка, тяжко скорбя, Бхарата,
Знаки богов, известные ей, различить старалась.
15. «Мне знаки богов некогда сообщали старцы,
Но таких знаков не вижу ни у кого из них, на земле
стоящих».
16. Долго она размышляла, сомневаясь снова и снова
И, наконец, решила: «Время к защите богов прибегнуть!».
17. Словом и сердцем свершив поклоненье,
Руки сложив, трепеща, так богам сказала:
18. «Выслушав слово фламинго, я мужем тогда же избрала
Нишадца;
Силою этой правды, боги, пусть он указан мне будет!
19. Чтобы ни мыслью, ни словом я не свершила измены;
Премудрые, силой той правды, пусть он указан мне будет!
20. Богами владыка нишадцев мне предназначен в супруги,
Силою этой правды, боги, пусть он указан мне будет!
21. Мною обет произнесен Наля снискать благосклонность,
Истиной этой, боги, пусть он указан мне будет.
22. Образы ваши примите, владыки, хранители мира,
Чтоб я могла распознать Пуньяшлоку, царя народов».
23. Ублаженные слезной мольбой Дамаянти,
Твердым ее решением, правдой, влюбленностью в Наля,

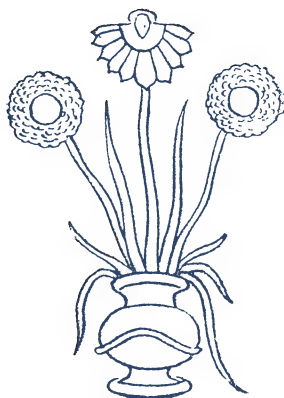
24. Непорочностью сердца, ума, почтеньем, страстью к
Нишадцу,
Боги исполнили просьбу: знаки свои явили.
25. Она узрела премудрых: без пота, с недвижимым взором,
В свежих **венках**, **незапыленные**, земли не касаясь, они
стояли.
26. Налъ бросал тень, был в увядшем венке, пылью и потом
покрытый,
Мигал он; стоя — земли касался.
27. Отличив Пуньяшлоку от тех богов, Бхарата,
Нишадца законно избрала дочь Бхимы, Пандава.
28. Одежды его подол длинноокая ухватила стыдливо
И ему на плечо превосходный венок положила.
29. Так несравненная его избрала супругом.
«Ахти, охти» внезапно царей восклицанья раздалисѢ.
30. Боги, великие риши «хорошо, хорошо» сказали, Бхарата,
Раздались слова одобренья, восторженно Наля владыку
хвалили.
31. А сын царя Вирасены, радуясь духом, Курава,
Широкобедрую ободрил тогда Дамаянти.
32. «Прекрасная, богам предпочла ты меня, человека,
Знай же, я муж твой, избранный здесь твоим словом.
33. Буду с тобой я доколе держится в теле дыханье,
Я тебе правду сказал, ясноулыбная дева».
34. Словом таким обрадовал он Дамаянти, сложившую руки:
Друг на друга с восторгом они смотрели; и на богов
взирая,
Водительствуемых Агни, мысленно их защите предались.
35. После избранья Нишадца, пресветлые хранители мира,
Радуясь сердцем, Налю восемь даров обещали:

36. Дал ясновиденье Шакра, при совершении жертвы,
Необычайную скорость, удачу в дороге дал Налю.
37. Агни Нишадцу дал силу огонь вызвать по желанью,
Великолепие мира дал ему жертв пожиратель.
38. Яма дал вкус утонченный, высшую стойкость в долге;
Вод повелитель дал силу вызывать, где хочет воду;
39. Дал свежих венков ароматы; пару детей им дали все боги.
Эти дары предоставив, они отправились в небо.
40. Цари ж, посмотрев с восторгом на Дамаянти с супругом,
Радуясь, в путь поспешили обратный.
41. После отъезда земных владык, многомудрый, довольный
Бхима,
Свадебный пир устроил Дамаянти и Наля.
42. Пробыв там сколько хотелось, из нишадцев наилучший,
Отпущенный Бхимой, отправился в собственный город.
43. Получив жемчужину женщин, царь достохвальный
С нею вкушал наслажденья, как с Шачи, Бали и Вритры
губитель.
44. Совершенно счастливый раджа, сияющий подобно солнцу,
Преданность мужей упрочил, справедливо страной
управляя.
45. Совершив ашвамедху — в жертву принес коня — как
сын Нагуши, Яяти,
Много других деяний искусный в жертвах свершил он.
46. В увеселительных рощах и насажденьях тенистых
Наль с Дамаянти вкушали блаженство, подобно
бессмертным.
47. Великодушный Наль родил от жены Дамаянти
Сына и дочь: Индрасена и Индрасену.

48. Так этот царь, творя жертвы, вкушая усладу,
Правил землей изобильной, владыка народа.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
пятая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава VI

Брихадашва сказал:

1. После избранья Нишадца дочерью Бхимы, хранители мира.
В пути увидали, пресветлые, идущих Двапару и Кали.
2. Заметив их Шакра, Балы и Вритры убийца, спросил тогда
Кали:
«Кали, скажи, куда вы идете с Двапарой вместе?».
3. Кали ответил Шакре: «К Дамаянти на выбор;
Придя, её выберу: сердцем я к ней привязался!».
4. Отвечал улыбаясь Шакра: «Совершен уже выбор —
В нашем присутствии Наля она избрала супругом».
5. Это от Шакры узнав, охвачен был гневом Кали;
Обращаясь ко всем тем богам, слово такое молвил:
6. «Человека она предпочла богам, его избрала мужем,
За это тяжкая кара её справедливо постигнет».
7. На эту речь Кали небожители ему возразили:
«С нашего разрешения Дамаянти избрала Наля.
8. Кто не выберет Наля, полного всяких достоинств?
Он знает прекрасно законы, сведущ во всех обрядах,
9. Он знает четыре Веды, все пять Акхьян читает,
В доме его постоянно боги вкушают святые жертвы.

10. Он невреждению предан, праведен, держит обеты,
Щедр он, разумен, стоек, чист, терпелив и правдив он.
11. Крепки устои тигроподобного раджи,
Богopodobного Наля, кто проклинать пожелает, Кали,
12. Безумный, тот сам себя проклянет, сам себя тот погубит.
Полного стольких достоинств Наля, кто проклинать
пожелает,
13. В самый мучительный ад попадёт, в болото, вглубь
бездны». Сказав так Двапаре и Кали, боги взошли на небо.
14. Только они удалились, Кали сказал Двапаре:
«Я не могу сдержать гнева, в Наля вселюсь, Двапара!
15. Я его с царства свергну, наслаждаться не будет с Бхайми!
Ты ж окажи мне помощь, в кости вселись, Двапара!».

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
шестая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава VII

Брихадашва сказал:

1. Заключив такое условие с Двапарой, Кали
Прибыл туда, где жил повелитель нишадцев.
2. Подстерегая случай, он пробыл долго в нишадском
царстве;
Только через двенадцать лет случай представился Кали.
3. Как то, мочась, Наля обрызгал ноги, их не очистив,
Стал читать мантры; пользуясь этим, Кали
4. В Наля проник, и, проникнув, явился к Пушкаре;
Так сказал он Пушкаре: «Поди-ка, сыграй в кости с
Налем!
5. Ты в этой игре победишь, я буду тебе подмогой.
Обыграв царя Наля, нишадское царство получишь!».
6. Выслушав Кали, Пушкара отправился к Налю;
Кали, «телец», «быком» обернувшись, предался Пушкаре.
7. К витязю Налю придя, Пушкара врагов губитель,
Брату стал говорить: «Быком сыграем», — так повторял
непрестанно.
8. Но многомудрый раджа все ж не хотел принять вызов;
В присутствии же Видарбхийки решил, что время играть
настало.

9. На золотые сокровища, утварь, колесницы, одежды
В игру вовлекал его Кали; и Налъ тогда проигрался.
10. От игры удержать друзьям не хватало силы
Обезумевшего Нишадца, владыку народа.
11. Советники все, горожане пришли, Бхарата,
Царя посмотреть, удержать больного.
12. Тогда, придя к Дамаянти, так сообщил возничий:
«Ждут горожане, царица, у ворот собрались!».
13. Оповестили Нишадца: «Весь народ ожидает,
Беды для царя опасаясь, нарушенья закона».
14. Затем и Бхайми голосом, сжатым слезами, мучимая горем,
Молвила Нишадцу, с сердцем, подавленным скорбью:
15. «Царь, ждут горожане у двери, видеть тебя желают,
Все советники с ними; верность к тебе привела их, раджа!
Благоволи же принять их!»—так снова и снова она
повторяла.
16. Ясно-лучистоокой на эти скорбные речи
Налъ ничего не ответил: овладел им Кали.
17. Собравшиеся советники, горожане решили:
«Это не он!» и со стыдом, по домам разошлись в печали.
18. Такая игра Пушкары и Наля, Юдхистхира,
Много месяцев длилась, пока все проиграл Достохвальный.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
седьмая глава.

नलीपाख्यानम्

Глава VIII

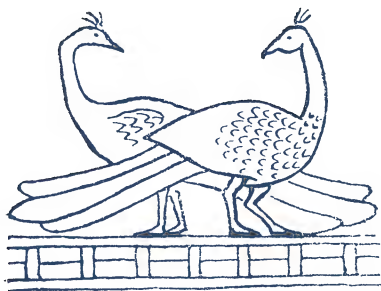
Брихадашва сказал:

1. Тогда Дамаянти, увидев, что достохвальный владыка:
народа,
Безумным не будучи, но как безумный, теряет в игре
рассудок,
2. Пораженная страхом и горем, владыка,
Решила, что очень плохи дела раджи.
3. О благе его заботясь и греха опасаясь,
Поняв, что Налъ проиграл всё богатство, она сказала:
4. Кормилице Брихатсене, преславной своей служанке,
Спорой во всех делах, преданной, доброй, речистой:
5. «Иди, Брихатсена, созвав советников именем Наля,
Спроси: какие сокровища взяты, и что нам осталось?».
6. Советники, повинуясь приказу Наля, сказали:
«Пусть наша участь решится!» и к Налю явились.
7. Его о вторичном приходе всего народа
Известила дочь Бхимы, но он их не принял.
8. Видя, что муж её слову не внимлет,
Со стыдом Дамаянти в свой чертог вернулась.

9. И когда убедилась, что кости изменили совсем
Пуньяшлоке,
Что Наля всех богатств лишился, опять она мамке
сказала:
10. «Снова иди, Брихатсена, к Варшнее от имени Наля,
Возничего приведи, прекрасная, предстоит большое дело!».
11. Брихатсена же, выслушав слова Дамаянти,
Скорее позвать возничего расторопным велела людям,
12. Тогда Варшнее Бхайми голосом ласковым, нежным,
Учтя место и время, случая не упуская, сказала:
13. «Ты знаешь, как раджа всегда на тебя полагался,
Постигнутому бедою, благоволи придти на помощь!
14. Ведь чем больше его побеждает Пушкара,
Тем больше у раджи страсть к игре возрастает.
15. Падают кости Пушкары, как бы его повинувшись желанью,
А у Нишадца иначе всегда выпадают кости.
16. Увещаний друзей, знакомых не слушает он нисколько,
Да и моим словам, как безумный, не внимлет.
17. Верю, это не грех Нишадца, великодушного раджи,
Что и моих увещаний не слушает он, потеряв рассудок.
18. К защите твоей прибегаю, выполни слово мое, возничий;
Не облежится коль сердце, наверно оно погибнет.
19. Быстрых как мысль запряги Наля коней любимых,
Обоих детей посадив, благоволи отвезти их в Кундину!
20. Моим родным передай малюток, колесницу также
И лошадей, а сам живи, как хочешь, иди, куда знаешь».
21. Эти слова Дамаянти возничий Наля, Варшчея,
Передал не медля главным советникам Наля.
22. О, земли повелитель, посовещавшись, он с их согласия,
Взяв малюток, отправился на колеснице в Видарбху.

23. Там детей оставил возничий, отменную колесницу,
Девочку Индрасену и мальчика Индрасена.
24. Простясь с царем Бхимой, сокрушаясь о Нале, раджа,
Отправился оттуда и в город попал Айодхья.
25. К Ритупарне-царю придя, глубоко-печальный,
Поступил он возничим к нему на службу, о земли
повелитель.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
восьмая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава IX

Брихадашва сказал:

1. После отъезда Варшнеи проиграл Достохвальный
Свое царство и всё богатство Пушкаре.
2. Выиграв царство, Пушкара сказал, усмехаясь, Налю:
«Игра продолжается, что же ты можешь еще поставить?»
3. Твоею осталась одна Дамаянти, всем остальным я владею;
Ставишь в заклад Дамаянти? Ладно? Сыграем?».
4. Эти слова Пушкары как бы терзали скорбью
Достохвального сердце, но ничего не сказал он.
5. Тогда в беспредельной печали, посмотрев на Пушкару,
Многопрославленный сбросил все свои украшения.
6. С головой непокрытой вышел в одной одежде раджа,
Утратив великое счастье, тяжело друзей опечалив.
7. Следом за ним Дамаянти пошла в одной одежде.
Вместе с женой три ночи без крова провёл Нишадец.
8. Пушкара же, махараджа, объявил горожанам:
«Кто стороне держит Наля, того я подвергну казни».
9. Из-за угроз и злобы Пушкары, о Юдхиштхира,
Горожане не оказали Налю гостеприимства,

10. Не был принят достойный ни в городе, ни в сёлах,
Раджа провел три ночи, одной лишь водой существуя.
11. Измученный голодом, корни, плоды собирая,
Ушел оттуда раджа, в сопровождении Дамаянти.
12. Так много дней протекло, Налъ, однажды, голодный,
Заметил стаю каких-то птиц в золотом опереньи.
13. Мощный владыка нишадцев подумал:
«Будет сегодня мне пища, это большая находка!».
14. Исподней своей одеждой накрыл он пернатых,
Они ж, ухватив одежду, взвились на воздух.
15. Тогда, улетаая, птицы молвили: слово Налю,
Видя его нагим, стоящим понуро в печали.
16. «Мы кости, безумный; отнять у тебя одежду
Сюда мы явились, жалея, что ты ушел одетым!».
17. Увидев, что кости исчезли, его нагим оставив,
Достохвальный раджа тогда сказал Дамаянти:
18. «О безупречная, чьим гневом я царства лишился,
Печальный, голодный не нахожу питания,
19. Из-за кого мне в приюте отказали нишадцы, —
Те самые кости даже мою одежду похитили, в птиц
обратившись.
20. В крайнее бедствие впавший, печальный, лишенный
рассудка,
Я все же супруг твой, так слушай на благо себе мое
слово:
21. Вот много идет дорог по направлению к югу,
Они переходят хребты Ракшаванти, Аванти,
22. Здесь — огромный, скалистый Виндхья, там —
стремящийся к морю Пайошни—
Корнями, плодами обильная пустынь великих риши.

23. Та — к видарбхийцам дорога; эта — ведет в Кошальскую
землю;
Там же, вдали, направо, — полуденная область».
24. Настойчиво царственный Наль повторял эти слова
Дамаянти,
Скорбный, он Бхайми так наставлял многократно,
Бхарата.
25. Тогда, мучаясь горем она сказала сквозь слезы,
Промолвила Дамаянти Нашадцу скорбное слово:
26. «Сердце мое трепещет, и расслабляются члены,
Когда в твои мысли, владыка, вникаю я снова и снова.
27. Лишенного царства, богатства, в голоде, жажде, нагого,
В этом лесу безлюдном, как мне тебя покинуть?
28. Ты истощен, ты истерзан, вспоминая бывшее счастье;
В ужасном лесу, махараджа, я облегчу твою муку.
29. Во всех несчастьях лучше жены — нет лекарства,
Так полагают врачи; правду тебе я сказала».

Наль сказал:

30. Ты справедливо сказала, прекрасная Дамаянти,
Лучше жены нет друга, для огорченного мужа —
лекарства.
31. И я не хочу тебя бросить, робкая, что ж ты боишься?
Не тебя, безупречная, себя б самого я покинул!
- Дамаянти сказала:
32. Если, владыка, ты не желаешь меня здесь покинуть,
Так зачем к видарбхийцам указывал мне дорогу?
33. Разумею, о царь мой, ты меня бросить не хочешь,
Лишь помраченный безумьем ты бы меня оставил.
34. Непрестанно дорогу ты мне показывал, витязь славнейший,
Этим мое страданье усугублял ты, бессмертным подобный.
35. «К родным пусть идет», если уж так порешил ты,
Тогда пойдем вместе в Видарбху, если тебе угодно.

36. Там, о даятель наград, почитит тебя раджа Видарбхи;
В почете, ты, царь, будешь жить в нашем доме счастливо.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
девятая глава.

नलोपाख्यानम्

Г л а в а X

Наль сказал:

1. «Царство отца твоего как бы мое, без сомненья,
Но ни за что я туда не пойду, находясь в тяжком горе.
2. Как, туда приходив счастливым, радость тебе несущим,
Явлюсь обездоленным, горе тебе причинившим?».
3. Такими речами царственный Наль прекрасную Дамаянти,
Половиной одежды покрытую, успокоить снова и снова
старался.
4. Покрытые одной одеждой, туда и сюда блуждая,
Голодом, жаждой томимы, они прибтели к какой-то лачуге.
5. Войдя в эту хижину Наль, владыка нишадцев,
С видарбхийкой вместе опустился на землю, раджа.
6. Без подстилки, нагой, не свершив омовений, пыльный,
Измученный он на земле задремал с Дамаянти рядом.
7. Прекрасная ж Дамаянти быстро в сон погрузилась,
Угнетенная горем, нежная, стойко несущая подвиг.
8. Пока Дамаянти спала, Наль, о владыка народов,
Сердцем и мыслью отдавшись горю, не мог заснуть как
супруга.

9. Утрату царства, со всеми друзьями разлуку,
Блужданье в лесу вспоминая, так размышлял он:
10. «Что должен я делать, и чего мне не нужно делать?
Что предпочесть мне: погибель или с людьми разлуку?»
11. Вот она, такая мне верная, из-за меня страдает;
А без меня, конечно, как-нибудь к родным вернется.
12. Близ меня, несомненно, верная, только горе увидит;
Опасно ее покинуть, но может ей встретится счастье».
13. Так он обдумывал долго, взвешивал снова и снова —
И предпочёл с Дамаянти разлуку витязь.
14. «В силу такой красоты никто не обидит ее в дороге,
Счастливую, славную, верную мне супругу»
15. И Дамаянти всё у него была в мыслях;
По наущению коварного Кали он Дамаянти задумал
покинуть.
16. И вспомнив, что он совсем наг, а у нее лишь одна одежда,
Раджа решил пополам эту ткань разрезать.
17. «Как разделить мне одежду, не разбудив моей милой?»
Царственный Наль, озабоченный этим, из хижины вышел.
18. Блуждая туда и сюда он увидел, Бхарата,
Прекрасный меч без ножен, лежащий возле лачуги.
19. Им половину одежды отрезав, ею закрылся могучий
И, спящую видарбхийку покинув, убежал безумный.
20. Но, с замиранием сердца снова к лачуге вернулся,
На Дамаянти взглянул и зарыдал царь нишадцев.
21. «Раньше ни ветер, ни солнце милой моей не видали,
Ныне ж в лачуге, долу, спит без защитника — мужа!
22. Ясная, одежды разрыв заметив, придя в изумленье,
Широкобёдрая, как безумствовать будет проснувшись!
23. Как без меня одинокая, прекрасная Бхайми
Будет скитаться в ужасном лесу, полном хищников, гадов?

24. Адитьи, Вазу и Рудра, сонмы Марутов, Ашвины,
О, превосходная, да будут тебе защитой; да осенит тебя
Дхарма!»
25. Это сказав любимой, на земле распростертой, прекрасной
супруге,
Наль удалился поспешно, помутил его разум Кали.
26. Царственный Наль уходил, возвращался к хижине снова
и снова,
Но, увлекаемый Кали, он отрывался от дружбы.
27. В скорби тогда у него как бы раздвоилось сердце;
Он, сомневаясь, то уходил, то возвращался к лачуге.
28. Кали влекомый, Наль убежал, наконец, безумный,
С жалобным, тяжким стоном, спящую бросив супругу.
29. Прикосновением Кали его испортил; о том, о сём
размышляя,
Шел опечаленный царь, одну, в пустынном лесу, Дамаянти
покинув.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
десятая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава XI

Брихадашва сказал:

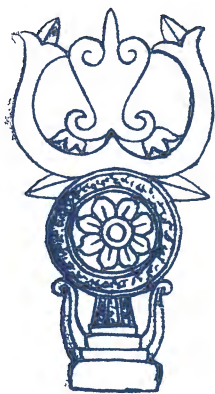
1. Наль убежал, о, раджа; отдохнув, прекрасная Дамаянти
Проснулась в страхе, среди безлюдного леса.
2. Близ себя мужа не видя, тревогой, горем томима,
В ужасе громко она взвыла к Нишадцу: «Великий раджа!
3. О, покровитель, великий царь, владыка, увы, почто меня
бросил?
Увы, я убита, погибла, объята страхом в безлюдной пуще!
4. Разве, великий раджа, ты не знаток закона, правдивый?
Как же сказав: «воистину так», меня, спящую бросив,
ты скрылся?
5. Как покинув супругу, невинную, верную, ты удалился?
Избрав неврежденье, как же ты вред наносишь?
6. Ты оправдаешь слово, данное мне, царь народов,
Некогда перед богами, владыками мира!
7. Смертным час смерти не установлен ли, раджа?
Почто ж твоя милая в разлуке с тобой живет мгновенье?
8. Довольно уже таких шуток, витязь могучий!
Я в чрезвычайном страхе, тяжко скорблю, яви же себя,
владыка!

9. Ты выглянул, выглянул, раджа, здесь ты мелькнул,
Нишадец!
Там, за кустами! Что же ты мне не ответишь?
10. Увы, ты злодей, владыка! Почто не приходишь
К блуждающей, скорбно зовущей, почто же ее не
утешишь?
11. Впрочем, себя мне не жалко, пусть и другой не жалеет,
Но как же, ты будешь один? Поистине, царь, о тебе лишь
горюю!
12. Как же ты, раджа, усталостью, жаждой томимый,
В вечеру на древесных корнях без меня заночуешь».
13. Тяжко терзаясь печалью, как бы сгорая от горя,
Несчастливая, плача, туда и сюда металась.
14. То поднималась бедняжка, то падала в изнеможеньи,
То изнывала от страха, то плакала и голосила.
15. Предельной скорбью томима, тяжело вздыхая в печали,
Верная мужу Бхайми со стоном тогда сказала:
16. «Пусть нашу тяжкую долю превзойдет того горе,
Чьим проклятьем постигла эта скорбь, тебя, Нишадец!
17. Незлобнодушного злобным кто сделал Наля,
В злейшее пусть впадёт, радости жизни не видит!».
18. Так причитая, великодушного Наля супруга,
В полном зверями лесу искала мужа.
19. Как обезумев, дочь Бхимы снова и снова вопила:
«Раджа, увy мне, увy»! снова туда и сюда металась.
20. Так чрезмерно она рыдала, как морская орлица стонала.
Жалобно горевала и без конца вопила.
21. И не заметила Бхайми, как подошла она к змею:
Огромный удав, коз душитель, схватил ее голодный.
22. Она, обвитая змеем, заливаясь слезами,
Не так за себя страдала, как о Нишадце скорбела.

23. «О, защитник, здесь, в безлюдьи, к захваченной змеем,
Будто защитника-мужа лишенной, что же ко мне не
спешишь ты?
24. Что с тобой будет, когда вспомнишь опять обо мне,
Нишадец,
Освободясь от проклятья, рассудок вернув и богатства?
25. Усталого и голодного, измученного, Нишадец,
Кто тебя облегчит, владыка, кто утолит страданье твое,
безупречный!».
26. В ту пору зверолов какой-то бродил в лесных дебрях;
Он, услышав ее крики, прибежал поспешно.
27. Заметив длинноокою, обвитую змеем,
Зверолов торопился, приблизился скоро,
28. Острым оружием мгновенно разрубил он змея;
Живущим ловитвой убитый гад тиски расслабил.
29. Освободив Дамаянти, зверолов омыл ее водою,
Утешил, дал пищу, тогда спрашивать стал, Бхарата.
30. «Чья ты, с глазами газели, в лес почему попала?
Как же с тобой, госпожа, приключилось это большое
несчастье?».
31. Спрошенная им Дамаянти, владыка народов,
Все происшедшее с ней рассказала, Бхарата.
32. Полунагой любясь, с упругими бедрами, грудью,
С нежными членами, полной луне подобной ликом,
33. Со взором, ресницами скрытым, говорящей сладко,
Бурным желаньем зверолов был охвачен.
34. Пораженный любовью, голосом страстным охотник
Ее уговаривать начал; все поняла Дамаянти.
35. Злое намеренье чуя, верная мужу супруга,
Воспламенилась гневом, негодованьем горела.

36. А злоумышленник низкий, посягнуть не смея,
Только смотрел пораженный на ее гневное пламя.
37. Дамаянти в несчастьи, лишенная царства, супруга,
Видя, что время настало, прокляла его, полная гнева.
38. «Как ни о ком я не мыслю, помимо Нишадца,
Так да падет бездыханным зверолов презренный!».
39. Произнесла только слово — упал живущий ловитвой
Бездыханным на землю, как пораженный громом.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
одиннадцатая глава.

नलोपाख्यानम्

Г л а в а XII

Брихадашва сказал:

1. Так, убив зверолова, лотосоокая дальше
Пошла ужасным, озвученным цикадами, пустынным
лесом.
2. В нем львы, леопарды, олени, буйволы, тигры, медведи,
Разные птицы кишели, дикари-разбойники жили.
3. Шола, бамбук, ашваттха, арджуна, аришта росли там,
Дхава-кустарник, хлопковое дерево, манго,
4. Тростника были заросли, джамба, катеху,
Лотосы разного цвета произрастали в озерах.
5. Фикусов было много, рос там колючий терновник,
«Бесстрашное» дерево, финики, винные пальмы.
6. Обильно разные руды в горах залегали,
Заросли крик оглашал, чудные видом пещеры встречались
7. Были там реки, озера, разные звери и птицы,
Видала она и ужасных пищачи, змиев, ракшазов.
8. Болотца, затоны, скалистые горы —
С них ручьи, водопады красиво сбегали.
9. Там дочь видарбхийского раджи видала
Множество гадов лесных, буйволов, вепрей, медведей.

10. Блеск, красоту и счастье, высшую стойкость
Видарбхийка являла в поисках Наля, одиноко блуждая.
11. И ничего не боялась царская дочь Дамаянти,
В страшном лесу пробираясь, несчастьем мужа тяжело
сна томилась.
12. Раз Видарбхийка, раджа, силы теряя от скорби по муже,
На плоскогорье взобралась, в слезах причитая:
13. «Широкогрудый, правитель нишадцев, мощный,
Что же ушел ты, раджа, меня в безлюдном лесу покинув?
14. Ты совершил ашвамедху, другие жертвы, дары приносил
ты,
Почто же, правитель народов, несправедлив ты со мною?
15. Что ты сказал, лучезарный витязь, в час нашей встречи,
Вспомнить изволь, прекрасный, слово твое, владыка!
16. Речи пернатых фламинго, к тебе обращённые, раджа,
То, что сказал ты меня увидев, благоволи припомнить!
17. Четверичная Веда, все её добавленья — едины,
Правильны, мощный владыка, от одного исходящая
правда — едина!
18. Благоволи же, врагов крушитель, исполнить правду,
владыка народа,
Тобой при мне совершённую, витязь, древнюю клятву!
19. Витязь, не я ли твоя желанная, о безупречный!?
В этом лесу ужасном, что же ты мне не ответишь?
20. Здесь меня съест подобный Рудре, широкозевный,
ужасный
Раджа лесов голодный, что же меня ты спасать не
желаешь?
21. «Кроме тебя не мила ни одна мне» — всегда говорил ты,
Так утверди, прекрасный, прежнюю речь твою, раджа!

22. Обезумевшей, скорбной, любимой супруге, владыка,
Желанный желанной, защитник, ты что ж не ответишь?
23. Истощена я, бледна и несчастна, тоскую, владыка,
Лишь половиной одежды покрыта, одна, без защитника
мужа!
24. Я газель большею, что от стада отбилась;
Не чтишь ты меня, ариец, я плачу, врагов сокрушитель!
25. О махараджа, одна-одинёшенька в дебрях лесных
блуждаю!
Дамаянти к тебе взывает, отчего же ты мне не ответишь?
26. Доброго рода потомок, славный своей красотой,
Я не тебя ли сегодня приметил на той горе, могучий
витель?
27. В этом ужасном лесу, тиграми, львами полною,
Вижу — то ляжешь, то сядешь, то встанешь ты, раджа
нишадцев!
28. То будто идёшь ты, прекрасный, скорби моей
взраститель,
Что же тебя не спрошу, из-за тебя терзаясь горем:
29. Ты не встречал ли случайно в этом лесу раджу Наля?
Кто же царя мне укажет в этом лесу сегодня,
30. Прекрасного, великодушного, врагов победителя, раджу?
«Здесь он, лотосоокий владыка Наль, которого ищешь».
31. Чей так говорящий пленительный голос услышу
сегодня?
Царь лесов, здесь живущий, четырёхкlyчный, счастливый.
32. Тигр сюда путь направляет, к нему обращаюсь без боязни:
Ты всех зверей владыка, ты в этих дебрях хозяин,
33. Имя мое Дамаянти, я дочь видарбхийского раджи,
Жена владыки нишадцев, врагов сокрушителя, Налья.
34. Знай, супруга ищу, одинокая скорбная, терзаюсь горем.
Утешь, владыка зверей, скажи мне, видал ли ты Налья?

35. Если ж, царь леса, ты Наля указать не можешь,
Пожри меня, лучший из тигрсь, освободи от горя!
36. Выслушав в дебрях мои причитанья, тот владыка леса
Пошел к чистым водам потока, бегущего к морю...
37. Спрошу я ту чистую гору, что много вершин воздвигала,
Многоцветных, блестящих, стремящихся в небо,
восхищающих сердце,
38. Полную разных руд, всю в самоцветах,
Как стяг она высится в этом лесу огромном;
39. Львы на ней обитают, тигры, слоны, медведи, вепри,
серны,
Разнообразные птицы криком ее оглашают;
40. Пальмы, ашока, мускатник склоны ее покрывают,
Всюду ее украшает много цветов превосходных;
41. Быстро текут ее реки, неисчислимы скалы,
Горный владыка, ныне тебя вопрошаю о Нале.
42. Из гор ты наилучший, дивен обличем и славен,
Ты благороден, прекрасен, да будет тебе поклоненье!
43. К тебе на поклон прихожу; знай — я царица,
Раджи сноха, жена раджи, зовут Дамаянти.
44. Мой отец выдарбхийцев владыка, могучий раджа,
По имени Бхима, хранитель земли, четырех каст
покровитель.
45. «Выжимание сомы» и «приношение коня» совершил он,
щедрый податель,
Жертв приноситель, наилучший из раджей, прекрасноокий,
46. Набожный и безупречный, правдивый, верный,
Праведный, многосчастливый, отважный, чистый,
47. Пастырь он всех видарбхийцев, врагов победитель
мощный,
Я его дочь, господин, к тебе пришла сегодня.

48. Мой свекор раджа нишадцев, меж людей наилучший,
Вирасены преславное имя носивший.
49. Счастливый сын того раджи, чтимый, воистину мощный,
Отца своего наследник, ныне правящий царством,
50. Налем зовётся черный, врагов крушитель, прозванный
Достохвальным,
Благочестив, знает Веды, красноречив он, чтит огонь и
пьёт сому.
51. Жертвы творит даятель, воитель, он управляет
всеми;
Владыка гор, знай, сюда я пришла, его подруга,
52. Утратив счастье, без покровителя, разлученная с мужем,
Угнетенная горем, в поисках мужа, преславного раджи.
53. Сотни твоих вершин, владыка гор, ты возносишь к небу;
С высот в ужасных дебрях не видал ли ты витязя Наля?
54. Отважный, как слонов повелитель, долгорукий, могучий,
необорный, мудрый,
Знаменитый, правдивый раджа, преславный супруг мой;
55. Он великий властитель нишадцев; ты здесь его не
заметил, Наля?
Что же меня смятенную и одинокую, гор повелитель,
56. Как свою скорбную дочь ты словом теперь не утетишь?
Витязь могучий, правдивый, блюститель закона,
великий владыка,
57. Если ты в этом лесу, яви себя, раджа!
Когда же ласковый голос, громopodobный, глубокий,
58. Амритоподобный Нишадца услышу и зов: «Видарбхийка!»
Прекрасную речь великодушного раджи,
59. Целящую горе мое, сходную с гимном священным?
Утешь меня, робкую, царь мой, преданный долгу
властитель!».

60. Лучшей из гор, молвив такое слово,
Милая царская дочь Дамаянти путь продолжала
на север.
61. Три дня и три ночи прекрасная шла; и вдруг увидала
Лес превосходный, обитель отшельников, райскую кущу;
62. Отшельники жили здесь, подобные Атри, Васиште,
Бригу;
Многодостигшие сдержанны были, кротки, умеренны,
чисты,
63. Листьями только питались, воду вкушали и воздух,
Высшей доле причастны, чувства смиряя, путь
к небесам искали.
64. В skóry, рогожи одеты были смиренные муні;
Жилища святых увидала, окрестную рощу;
65. Водились здесь разные звери, стада обезьян резвились,
Старцы сюда заходили; это увидев, она вздохнула
свободно.
66. Шла красотой сияя: волосы, брови, груди, бедра,
Зубы, прекрасные длинные очи — все совершенно
в ней было.
67. В лесную обитель вошла любимая дочь Вирасены,
Жемчужина женщин, причастная доле великой,
благочестивая Дамаянти.
68. Вежливо остановилась, приветствуя старцев;
«Мир тебе»,—ей отвечали все отшельники-риши.
69. Почтив приветом, как должно, «просим садиться», сказали,
«Скажи нам, что мы для тебя можем сделать?».
70. Широкобедрая им сказала: «Благополучны ли здесь вы?
В подвигах, жертвах, обрядах, в зверях и птицах, благие?
71. Счастливы будьте, многосчастливые, в ваших трудах и
дхарме!».
- Они отвечали: «Во всем мы, благая, счастливы.
72. Скажи нам, прекрасная, кто ты, что ты намерена делать?
Увидев твою красоту, твой блеск несравненный,

73. Мы пришли в изумленье; отдохни, не печалься!
Богиня ль ты этого леса, иль той горы, быть может?
74. Иль этой реки, почтенная, о безупречная, скажи нам
правду!». Она отвечала старцам: «Я не богиня ни этого леса,
75. Ни той горы, брамины, я не речная богиня;
Святые подвижники, знайте: я рода людского.
76. Все расскажу вам подробно, моему слову внимайте!
Защитник земли видарбхийской зовется царь Бхима;
77. Знайте, что я его дочь, лучшие из браминов!
Многославный владыка нишадцев, мудрый, зовется
Налем;
78. Витязь, в боях победитель, владыка племен—супруг мой:
Усердный богов почитатель, друг горожан и браминов,
79. Нишадского племени пастырь, многосильный, светлый.
Правдивый, знаток закона, разумный, держащий слово,
врагов победитель,
80. Благочестивый, покорный богам, почтенный, твердый.
сокрушитель,
Наль, из царей наилучший, владыке богов подобный,
81. Мой супруг большеокий, лунноликий, прекрасный,
Щедро жрецов дарящий, Вед и Веданты читатель,
82. Соперников в битве разящий, солнцу-луне подобный
сияньем.
Злые, презренные люди, лихие его супостаты,
83. Раджу, хранителя правды, играть затанули в кости,
Нечестной игрой, обманом, царства, богатств лишили;
84. Я, знайте, его супруга, первого между царями,
Имя мое Дамаянти, мужа я жажду видеть.
85. Горы, леса, озера, реки и даже болота,
Пущи я все исходила, повсюду, скорбя, искала
86. Моего супруга, победоносного достохвального Няля,
Великодушного, искуснооружного, славного в битве.

87. Не приходил ли в обитель, в вашу священную рощу
Наль повелитель, раджа, правитель нишадцев?
88. Из-за него я прошла этот лес бездорожный, ужасный;
Страшные дебри, жилище опасное тигров и всякого
хищного зверя.
89. Если еще не увижу несколько суток владыку Наля,
Я счастье себе добуду, освободясь от этого тела.
90. Какая цель в жизни ещё у меня без него остается, без
мощного тура?
Как теперь буду я жить, мучимая горем без мужа?»
91. Скорбящей, в лесу одинокой дочери Бхимы,
Отшельники, зрящие правду, молвили так Дамаянти:
92. «Прекрасная, светлое счастье скоро тебя ожидает;
Подвигов силой мы видим: вскоре ты встретишь
Нишадца.
93. Врагов победителя, Бхайми, нишадцев великого раджу.
Наля, блюстителя правды, благого; минуют беды,
94. Освобожденный от зла, возвратит он богатства;
Покорив супостатов, вернется городом править;
95. Врагов трепетать заставит, горе друзей развеет;
Таким ты увидишь мужа, прекрасная, славного родом
владыку».
96. Это сказав царевне, желанной супруге Наля,
Исчезли пустынники, с ними—обитель, огни, приношенья;
97. Увидев великое чудо, пришла в изумленье
Прекрасная Дамаянти, сноха царя Вирасены.
98. «Что это? Сон я видала? Что здесь со мной случилось?»
Где ж все отшельники? Мирная эта обитель?
99. Где же чистые воды? Где река, привлекавшая птицу?
Где ж все отшельники? Мирная эта обитель?
100. Так размышляла долго дочь Бхимы, прекрасная Дамаянти.
Печальная, бледная, скорбью о муже томясь непрестанно.

101. Пошла она в земли иные, причитая на голос
И там увидала, сквозь слезы, ашоку.
102. Дерево счастья—ашока, расцветало в пуще:
Густоветвистое, сердцу приятное, птиц оглашённое
пеньем.
103. К ней подошла Дамаянти: «Увы мне, дерево счастья,
Как повелитель гор счастливое, в пуще ты многими
блещешь цветами.
104. Скоро печаль утоли мне, приятная видом ашока!
Свободная от печали, бесстрашного не видала ль ты
раджу?
105. По имени Налъ, врагов покорителя, Дамаянти любимого
мужа?
Великого раджу нишадцев? Любимого ты не видала ль?
106. Одной половиной одежды закрывает нежную кожу
Постигнутый горем витязь, скитаясь в этих дебрях.
107. Дай отойти мне без горя, дерево счастья, сделай это!
Оправдай свое имя, ашока, утоли мое горе!».
108. И обойдя печально вокруг дерева счастья, Бхайми,
Дальше пошла, прекрасная, в более страшные страны.
109. Видала много деревьев, много прекрасных потоков,
Много красивых гор, много зверей и пернатых.
110. Видела также пещеры, долины, ущелья, реки
Бхимы прекрасная дочь, в поисках мужа блуждая.
111. И на большую дорогу прекрасноулыбная вышла тогда
Дамаянти.
Здесь караван увидала: шли слоны, колесницы, кони.
112. Переходил он широкую реку, с приятной и чистой водою,
Тихую, полноводную, обрамленную камышами.
113. Морские орлы, кулики, гуси её оглашали;
Водилось в ней множество рыб, черепах, крокодилов.
114. Увидев большой караван, славная подруга Наля,
Явилась, прекраснобёдрая, в среду людей вступила.

115. Половиной одежды покрытая, с безумным видом, худая,
Скорбная, бледная, грязная, с запылёнными волосами.
116. Люди, её заметив, те — убежали с испуга,
Эти — стояли в раздумьи, восклицали другие.
117. Иные над ней насмехались, кое-какие бранили,
Кто же, явив милосердье, спрашивать стал, Бхарата.
118. «Кто ты, прекрасная, чья ты, что ты в лесу искала?
Здесь тебя видя, пришли мы в смущенье; людского ль ты
рода?»
119. Правду скажи, ты богиня леса, горы или поля?
Или воды, прекрасная? О своём покровительстве просим.
120. Может быть якши, ракшази, или ты бога супруга?
Кто бы ты ни была, дай нам удачу, защити нас, благая.
121. Если случится встретить здесь караван какой-либо,
Благополучной нам сделай, прекрасная, ты эту встречу!»
122. Выслушав караванщиков, царская дочь Дамаянти,
Добрая, отвечала, скорбя о несчастьи мужа,
123. Караванщику и водителю, обступившим людям,
Юношам, старцам, детям и начальникам каравана:
124. «Знайте, я рода людского, дочь людского раджи,
Супруга царя, сноха раджи, мужа желаю встретить.
125. Царь видарбхийцев отец мой; муж повелитель
нишадцев,
Зовут его Наль многославный, непобедимого всюду ищущий.
126. Если тот царь вам известен, скорее любимого мне укажите:
Тигроподобного, толпы врагов крушащего Наля!».
127. Ей, прекрасносложённой, глава каравана ответил,
Каравановодитель Шучи: «Слову, прекрасная, внимли:
128. Ясноулыбная, ведай, я купец, каравана водитель;
Славная, человека по имени Наль не видал я;
129. Буйволов, тигров, слонов, леопардов, медведей,
Всяких зверей видал я в безлюдных дебрях,

130. Смертного же человека, кроме тебя, не видал в этом
лесу огромнѣм.
Пусть Манибхадра, владыка якшев, благосклонен к нам
будет!».
131. Тогда водителя каравана и всех купцов спросила:
«Куда же идет караван ваш, благоволите сказать мне».

Каравановодитель сказал:

132. О, дочь человека, в землю чедийского раджи Субага,
Истину зрящего, наш караван спешит для торговли.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
двенадцатая глава.

नलोपाख्यानम्

Г л а в а XIII

Брихадашва сказал:

1. Прекраснобедрая, выслушав речь главы каравана,
Пошла с караваном, желая встретить супруга.
2. Странствуя долгое время в огромном лесу, ужасном,
Большое, прекрасное озеро купцы увидали;
3. Благоухал там лотос, возле—деревья, травы,
Много цветов и плодов там было, разнообразные птицы
гнездились.
4. Сладки, чисты его воды, сердце пленяют прохладой;
Истомлённые люди и кони сердце водой утолили.
5. Каравановожатый позволил в лес превосходный войти **им**,
На западном берегу озера расположась, заночевал
караван огромный.
6. Тогда в полуночное время к истомленному каравану,
Спящему в тишине и прохладе, слоны подошли целым
стадом,
7. К горной реке направляясь пить воду, пьяные в течке
весенней;
Они караван увидали так же слонов, в караване
рожденных;
8. Тогда все лесные слоны, домашних слонов заметив,
Крайне взбешенные, стремительно сбежались, чтоб их
уничтожить.

9. Бег тех слонов удержать, также трудно было,
Как бег лавины, с горной вершины стремящейся в пропасть.
10. Но мчавшимся слонам дорогу преградили деревья леса;
На спящий караван и прекрасное озеро, свернув с дороги,
11. Беспрепятственно устремилось по ровному месту стадо;
«Увы нам, увы!»—кричали караванщики, ища спасенья;
12. Многие в заросли леса бросались, полуслепые спросонья,
Многих слоны затоптали, хоботами, клыками убили;
13. Много погибло верблюдов; люди и звери смешались,
Убивали друг друга, в страхе спасаясь бегством.
14. Испуская ужасные крики, валились на ровную землю,
На деревья взбирались, цеплялись, падали в ямы.
15. Многообразно свой жребий они от слонов получили;
Весь караван счастливый был уничтожен, раджа!
16. Раздавался ужасный крик, страх в трех мирах вызывая:
«Вон вспыхнул опасный огонь, бегите, спасайтесь отсюда!»
17. «Рассыпана здесь драгоценностей куча, что ж вы бежите,
хватайте!
Общее это добро, верное слово сказал я!».
18. «Эх, вспоминаю, сами глупцы рассудите!»
Так восклицая различно, все разбегались в страхе.
19. Дамаянти проснулась в тревоге и страхе
При гибели этой всеобщей.
20. Такое побоище видя, страшное для всего мира,
Досель небывалое, лотосокая Бхайми,
21. В ужасе закрыв лицо, вскочила затаив дыханье.
Те же из караванщиков, кому удалось спастись, неожиданно,
22. Рассуждали собравшись: «Чьих рук это дело?
Иль многословного Манибхадру мы не почтили,
23. Царя досточтимого якшей, Вайшравана-владыку?
Или обряд был прерван, иль свершен неумело?

24. Птицы ль накликali горе со стороны зловещей?
Недобрые ль звёзды? Иль что другое случилось?».
25. Иные же так говорили: «Горькая, без племени-роду,
Женщина с видом безумным, что в наш караван недавно,
26. Странная, в облике нечеловечьем, явилась,
Она, конечно, вызвала эти ужасные знаки!
27. Верно, она ракшази, иль якши, иль наводящая ужас
пишачи;
Всё это зло от неё, в том нет никакого сомненья.
28. Если увидим злодейку, караванопубийцу, принесшую
множество бедствий,
Камнями, комьями, стрелами, кулаками, палками,
29. Насмерть доканаем караван сгубившую».
Дамаянти услышав их грозные, страшные речи,
30. Стыдясь, трепеща, ужасаясь, в лесу поскорее скрылась;
Такого греха опасаясь, о себе сокрушалась:
31. «Горе, к судьбе моей тяжкой ещё этот грех ужасный,
великий!
Счастье, увы, скоротечно. Плод каких дел это горе?
32. Не вспоминаю, чтоб даже ничтожный проступок я
совершила
Делом, помыслом, словом; так плод каких дел это горе?
33. Видно, пал на меня тяжкий грех, в прежних рожденьях
свершенный;
Предела скорби-несчастья теперь я достигла!
34. Утраты супругом царства, родных утраты,
Разъединения с мужем, с дочерью-сыном разлуки.
35. Жизни в лесу полном зверей без защитника-мужа».
Дождавшись другого утра, избегшие гибели люди,
36. С этого места снялись скорбя о насильственной смерти
Братьев, отцов и друзей, повелитель народа.
37. Горевала тогда Видарбхийка: «Какой я грех совершила,
Что это людское море меня в пустынном лесу настигло?

38. Это убийство, что слоны совершили—моя несчастливая
доля:
Верно еще предстоит мне долгое, долгое горе.
39. «Каждый в свой срок умирает», — так поучают старцы:
Вот от чего я сегодня, горькая, стадом слонов не убита.
40. Но здесь без рока с людьми ничего не бывает;
Однако, я с детства не совершила проступка,
41. Ни делом, ни мыслью, ни словом, чтоб это горе вызвать;
Считаю, что на мой выбор пришедшие боги, хранители
мира,
42. Что были отвергнуты мной ради Наля,
Своей властью, конечно, меня подвергли разлуке».
43. Так снова отдавшись горю, прекрасная причитала;
Скорбела тогда Дамаянти, верная мужу супруга.
44. С уцелевшими от гибели браминами, Вед чтецами,
Она пошла, осенней луне подобна, о тигр среди раджей;
45. Вскоре, под вечер, та женщина достигла большого
Города чедийского раджи, истину зрящего Субаху.
46. Половиной одежды покрытая, вошла в прекрасный город,
Худая, простоволосая, робко-печальная, не совершив
омовений.
47. Как на безумную на нее горожане смотрели,
Когда она шла через город, столицу чедийского царства;
48. За ней с любопытством бежали крестьянские дети,
мальчишки,
Окруженная ими она близ дворца проходила.
49. С кровли дворца мать раджи ее в толпе заметив,
Кормилице сказала: «Иди, девушку ту приведи мне,
50. Сильно теснят ее люди, она покровительства ищет;
Такая красавица, вижу, мое озарит жилище!
51. Она, хоть и одета безумной, как длинноокая Шри
прекрасна».
Мамка людей растолкала, на дворцовую кровлю

52. Привела Дамаянти; удивленно мать раджи спросила:
«Ты красоту сохранила, хоть и постигнута горем;
53. Подобная молнии в тучах, кто ты, и чья Расскажи мне?
Твоя красота — не людская, хоть лишена ты нарядов.
54. Без спутников, богоподобная, как ты людей не боишься?»
Выслушав эти вопросы, слово ей молвила Бхайми:
55. «Знай, я людского рода, верная мужу супруга;
Знатных имея слуг, служителей вольнонаемных,
56. Я все же одна; корнями, плодами питаюсь, где вечер
застанет ночую.
Нет счета достоинствам мужа, он предан мне верно;
57. Этого витязя чту, как тень за ним следую всюду;
Но жребий его таков: чрезмерно к игре он пристрастен.
58. Побезденный в игре, одинокий, он в лес удалился,
Как безумный, смятенный, только в одной одежде.
59. В лес я пошла за ним, желая утешить супруга;
Однажды в лесу, по некой причине, витязь,
60. Мучимый голодом, безрассудно последнюю бросил
одежду.
За обуянным горем, как бы совсем безумным,
61. Следуя, много ночей я тогда не спала;
Раз, долгое время спустя, когда я заснула,
62. Невинную, он меня кинул, половину одежды отрезав.
В поисках своего супруга, я день и ночь горюю,
63. Не видя прекрасного лотоса, милого сердцу друга;
Любимого не нахожу, богоподобного, владыку жизни!».
64. Так, с полными слез глазами, много она причитала.
Опечаленной Бхайми мать раджи сказала, сама тоскуя:
65. «Живи у меня, красавица, очень ты мне приглянулась;
Счастливая, люди мои будут искать твоего супруга.
66. Может и сам он придет к нам, туда и сюда блуждая;
Так живи здесь, благая, получишь обратно ты мужа».

67. Вняв слову матери раджи, Дамаянти сказала:
«О витязей мать, только с таким условием я могу у тебя
остаться:
68. Есть не буду объедков, ног умывать не буду,
Посторонним мужчинам я не скажу ни слова.
69. Если ж меня добиваться станет какой мужчина, да будет
наказан:
Предай дерзновенного смерти; обет я такой положила.
70. Однако, ради поисков мужа, с браминнами видеться буду:
Если всё это исполнишь, жить я, конечно, останусь;
71. Себе другого жилища я не наметила в мыслях». Радуюсь сердцем, мать раджи ей так отвечала:
72. «Выполню всё, в добрый час пусть твой обет
утвердится!». О владыка народов, так обещав Дамаянти, мать раджи
73. К дочери своей Сунанде, обратясь, сказала, Бхарата:
«Божественно-прекрасную прими служанку, Сунанда,
74. Она тебе ровесница, пусть будет твоей подругой!
Беспечно всегда с ней вместе ты забавляться будешь!».
75. Полная радости Сунанда направилась тогда в покои,
Окружённая подругами, увела Дамаянти.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
тринадцатая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава XIV

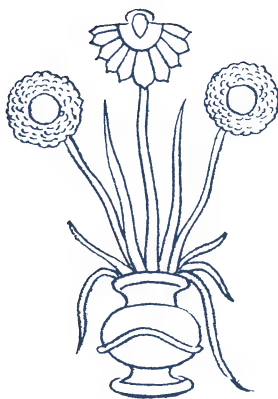
Брихадашва сказал:

- Наль, Дамаянти покинув, о владыка народа,
Увидел в густом лесу пламя большого пожара.
2. Чей-то крик услышал, из пламени он раздавался:
«Достохвальный Наль, приходи!» — взывал кто-то громко
и часто.
 3. «Не бойся!» Направясь на голос, Наль вошел в пламя
И там повелителя змиев увидел, лежал тот кольцом
свернувшись.
 4. Умоляя, змий трепетно Налю промолвил:
«Я змий Каркотака, царь нагов, знай это, раджа!
 5. Обманул я риши Нараду, он же, великий подвижник,
Проклял меня в сильном гневе, о людей повелитель!
 6. — Стой, как гора неподвижно, пока Наль когда-либо
Вынесет себя отсюда, тогда разрешится мое проклятье!
 7. По его слову не мог я ногою ноги коснуться.
Ждал я тебя, превосходный, спаси меня, владыка!
 8. Другом тебе я буду, нет мне подобного змия!
Легким тебе покажусь, взяв, уходи поспешно!».
 9. Это промолвив, царь нагов стал мерою в палец;
Подняв его, Наль из области пламени рышел.

10. Выйдя на воздух, в то место, где не свирепствовал
пламень,
Он положить хотел змия, но Каркотака вновь молвил:
11. «Дальше иди, считая шаги, Нишадец!
Там я тебе окажу, многомогущий, величайшее благо!».
12. Начал считать тогда Наль и на десятом шаге
Змий его укусил — изменился мгновенно Нишадца облик.
13. Наль с удивленьем смотрел на свою перемену;
Змий же вновь принял собственный облик, раджа.
14. Тогда наг Каркотака сказал, утешая Наля:
«Я изменил твою форму мысля: тебя не узнают люди.
15. Кто ж причинил тебе, Наль, столь великое горе,
В тебе будет жить, моим ядом мучимый.
16. Его тело проникнуто ядом; и пока он тебя не отпустит,
До тех пор, махараджа, он в тебе будет жить страдая.
17. Им без вины поражен ты, незаслуженно, раджа,
От его подлого гнева я тебя оградил, властитель!
18. По моей милости, витязь, не будут тебе опасны
Проклятья браминов, клыки, супостаты.
19. Яд мой тебе мучений не причинит, владыка народов,
И в битвах, царей властитель, всегда побеждать ты
будешь.
20. Иди отсюда, витязь, к царю Ритупарне; он мастер
В кости играть; скажись: «Я Вахука, возникший»;
21. В приятный город Айодху направляйся, владыка нишадцев,
Знание костей тебе даст его царь за лошадей познание.
22. Он из рода Икшваку, дружелюбен будет, даст счастье;
Став знатоком костей, благополучно одержишь победу;
23. Встретишься вновь ты с женой, не предавайся ж печали,
Царство, обоих детей получишь; все, что сказал я —
правда.

24. Когда же захочешь вернуть себе собственный образ,
Эту одежду накинув, вспомни меня, стважный;
25. Покрытый этой одеждой, свой образ опять ты примешь».
Так промолвив, змий дивные дал одежды Нишадцу.
26. Наставив его, снабдив одеждой, раджа,
Исчез властитель нагов, о радость Куру.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
четырнадцатая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава XV

Брихадашва сказал:

1. Когда наг исчез, отправился Наль, Нишадец,
В княжество Ритупарны и пришел туда на десятые сутки.
2. Явясь к царю, он сказал: «Я — Вахука;
Нет на земле мне равного в искусстве управлять конями;
3. Совет могу дать в труднейшем деле, науке,
Умею готовить пищу, как никто не умеет;
4. Какие только бывают в мире труднейшие искусства,
Все берусь исполнить, прими меня, Ритупарна!»

Ритапурна сказал:

5. Живи, Вахука, с миром, все, что сказал — будешь делать.
Я всегда был до скорой езды большой охотник;
6. Приложи старанья, чтоб кони мои борзыми стали;
Будешь ты главный конюший; сто золотых — твоя плата.
7. Варшнея, Дживала — в твоём подчинении,
Останешься ими доволен; живи у меня, Вахука».
8. Наль, почтённый такими словами, остался
В городе Ритупарны вместе с Варшнеей, Дживалой.
9. Там обитал этот раджа, помышляя о Видарбхийке;
Из вечера в вечер он пел постоянно одну только шлоку:

10. «Где ты ночуешь, страдалица, голодом, жаждой томима,
Вспоминая того безумца; кто ж ныне тебе помогает?».
11. Так говорящего раджу однажды ночью спросил Дживала:
12. «О ком постоянно скорбишь ты, слышать хочу, Вахука!
Чья жена, долговечный, по которой ты так страдаешь?».
13. Ему отвечал владыка нишадцев: «Высокочитимая супруга
Была у одного глупца, нетвёрдого в слове,
14. По некой причине тот глупец с женой разлучился;
Разлучась, безмозглый, блуждает, мучимый горем.
15. Ночью и днём постоянно тоской сжигаем.
В ночное время её вспоминая, поёт он одну только шлоку.
16. По всей земле он скитался и где-то встретился с кем-то,
Там и живёт, недостойный, горе своё вспоминая.
17. Она же, за тем человеком ушедшая в страшные дебри,
Покинута им, презренным, о горе, жива ли?
18. Иного достойная, одинокий ребёнок, пути не зная,
Голодом, жаждой томима, жива ли, о горькое горе!
19. В лесу, населённом зверями, огромном, ужасном,
Покинута, чтимая, этим безумцем несчастным!».
20. Так, владыка нишадцев о Дамаянти тоскуя,
Никому неизвестный, проживал у того раджи в доме.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
пятнадцатая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава XVI

Брихадашва сказал:

1. Когда Наль, утратив царство, пошёл с женой, как наемник, Бхима разослал браминов, увидеть Наля желая.
2. И наставлял их Бхима, дав им большие богатства:
«Ищите вы Наля и дочь мою, Дамаянти!»
3. Если успеете в деле и разузнаете, где царь нишадский, Тысячу дам я коров тому, кто ко мне приведёт их.
4. И деревню, городу равную, дам во владенья.
А привести не удастся Дамаянти и Наля,
5. Тому, кто доставит лишь вести, дам я прекрасных коров
десять сотен».
Радуюсь этим словам, во все стороны разошлись брамины,
6. В города и царства, искать Нишадца с женою.
Но нигде они не встретили Наля и дочери Бхимы.
7. В поисках за Видарбхийкой, дваждырождённый Судэва,
Попав в приятный город Чеда, увидал её в царских
чертогах.
8. В счастливый день приёма раджи вместе с Сунандой она
стояла
Слабая, но красы несравненной, славной;
Под дымчатым покрывалом, как солнце она сияла.

9. Большеюкую заметив, покрытую грязью, в горе,
Подумал он: «Бхайми!» и стал рассуждать сам с собою.

Судэва сказал:

10. Красотой эта женщина схожа с той, что я раньше видел;
Нынче я выполнил дело, найдя её, подобную Шри —
любимице мира.
11. Как луна прекрасной, чёрной, с роскошной, округлой
грудью,
Изливающей свет богине подобна, свободной от тьмы
во всех членах;
12. С большими, как лотос, глазами, подобна супруге
Манмата,
Свету полной луны подобна, желанной для всего мира.
13. С ногами, покрытыми грязью, как вырванный лотос
Из видарбхийского озера, исторгнутый волей судьбины,
14. Схожа с луной, в полнолуние похищенной Рагу,
Она горюет о муже, печальна, будто река с пересохшим
руслом.
15. Взмаломученному слонами лotosовому озеру подобна,
С испуганными птицами, с измятыми цветами схожа.
16. Прекрасная, нежная, о милых детях скорбит, о доме,
Как бы сжигается солнцем, как сорванный лотоса стебель.
17. Благородна, красива, достойна убранств, без убранства —
С новою схожа луной, синими тучами скрытой;
18. Лишена окруженья родных, наслаждений желанных,
Тело содержит печально, встретиться с мужем желая.
19. Женщину без украшений муж лучше всего украшает,
Эта ж, лишась супруга, хоть лучезарна — не светит.
20. Трудности все постоянно Налъ без неё переносит,
Сам о себе заботясь и не слабея от горя.
21. Черноволосая, лотосоокая, скорбит достойная счастья;
При виде её страданий, взволновался мой разум.

- 22. Когда же она достигнет конца этих бедствий,
С мужем соединясь, как с месяцем ясным Рохини?
- 23. После её возвращения достигнет Нишадец счастья
И свергнутый с царства раджа опять получит землю.
- 24. Равные нравом, летами, равные родом, семьёю,
Наль Видарбхийки достоин, а черноокая Наля достойна.
- 25. Несравненного, храброго, мудрого Наля супругу
Мне подобает утешить в скорби ее по муже.
- 26. Полной луне подобную, я утешать её стану,
Бедствий незнавшую раньше, ныне томимую скорбною
думой.

Брихадашва сказал:

- 27. Доводы, признаки так рассмотрев всесторонне,
К Бхайми тогда придя, сказал брамин Судэва:
- 28. «Я — Судэва, о Вадарбхийка, брата твоего дорогой
товарищ,
По велению Бхимы-царя, разыскивая тебя, сюда
пришел я.
- 29. Здоров твой отец, мать-царица, братья;
Долговечные дети твои, живущие там, здоровы оба.
- 30. Из-за тебя все родные как бы лишились рассудка;
Сотнями по земле блуждают, в поисках тебя, брамины».
- 31. Тогда Дамаянти, узнав Судэву, о Юдхистхира,
Расспросила по порядку о всех своих близких.
- 32. Видарбхийка рыдала тяжело, мучима горем, раджа,
Увидев внезапно Судэву, любимца брата, лучшего из
браминов.
- 33. Сунанда увидев, что Бхайми мучится горем, рыдает,
Беседуя с Судэвой наедине, Бхарата,
- 34. Родительнице сказала: «Служанка тяжело рыдает,
Стоя с брамином; что с ней, узнай, если можно».

35. Мать чедийского раджи из своих покоев
Пошла к стоящим вместе женщине и брамину;
36. Мать раджи, отведя Судэву, владыка народов,
Спросила: «Чья это дочь, чья жена, скажи мне?
37. Как разлучилась прекрасноокая с родными, с мужем?
Знаешь ли ты, певец, как добрая сюда попала?
38. Это желаю слышать от тебя всё подробно;
Мне, вопрошающей, правду скажи о прекрасной».
39. Так вопрошенный Судэва, лучший из дваждырождённых,
раджа,
Удобно усевшись, о Дамаянти всё рассказал по-правде.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
шестнадцатая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава XVII

Судэва сказал:

1. Есть раджа в Видарбхе: добрый, сиятельный Бхима,
Его это дочь, прекрасная, славная Дамаянти.
2. Наль — имя царя нишадцев, он сын Вирасены;
Красавица эта — супруга мудрого, достохвального Наля.
3. Братом в игре побеждённый, лишённый царства, владыка
Ушёл с Дамаянти вместе, куда — не известно.
4. В поисках Дамаянти странствуем мы повсюду.
Эту женщину здесь я встретил, её приняла ты в дом сына.
5. Нет в человеческом мире женщины столь же красивой;
Есть у неё меж бровей высший признак врождённый,
Чёрный, подобный лотосу; входя я его заметил,
Грязью покрыт он, подобно луне за тучей;
7. Этим великолепным знаком Дхатар её отметил;
В день новолуния месяц так же прекрасно сияет;
8. Но красота не погибла под грязью, покрывающей тело;
И без убранства, как золото, она, проявлясь сияет.
9. Прекрасную женщину по этому знаку
Узнал я, царица; по жару так скрытый огонь узнаётся.

Брихадашва сказал:

10. Выслушав слово Судэвы, владыка народов,
Сунанда омыла родинку, покрытую грязью.
11. Очищенная от грязи родинка Дамаянти
Засияла подобно луне, вышедшей из-за тучи.
12. Сунанда и мать раджи, знак увидав, Бхарата,
Обняли её, рыдая, и стояли так долго.
13. Наконец, проливая слёзы, мать раджи сказала нежно:
«Ты — дочь сестры, украшенная этим знаком;
14. Прекрасная: твоя мать и я — Судамна дети,
Великодушного раджи, повелителя дашарнов.
15. Бхиме-царю её дали, меня же потом — Вирабагу.
Новорождённой тебя в доме отца я видала.
16. Пусть тебе будет мой дом, прекрасная, отчим домом,
И твоя власть, Дамаянти, пусть с моей будет равной!».
17. Дамаянти с радостным сердцем, племён владыка,
Поклонясь сестре своей матери, так сказала:
18. «У тебя, даже безвестная, жила я счастливо,
Всё, что желала, имела, всегда ты меня охраняла.
19. Счастливей счастливого я у тебя бы жила, конечно,
Но соизволь отпустить меня, мать, скиталась я долго.
20. Я своих двух детей отослала, живут там младенцы,
Горюют они без отца, как же и мне их покинуть?
21. Если какую радость мне оказать желаешь,
Вели подать колесницу, я тороплюсь в Видарбху!».
22. Сестра матери радостно «иди» ей сказала, раджа,
С дозволения сына, под охраной большого войска,
23. На колеснице мать раджи отправила ее, Бхарата,
Счастливую, снабдив питьем и пищей.
24. Скоро вернулась Бхайми в видарбхийскую землю.
Там ее радостно встретили все родные с почетом.

25. Увидев здоровыми близких, своих детей малолетних,
Мать и отца, всех друзей, знакомых,
26. Славная царица Дамаянти превосходно почтила
Богов и браминов, владыка народов.
27. Царь тысячью коров наградил Судэву,
Радуюсь возвращенью дочери, подарил богатства, деревню.
28. Прекрасная, ночь проведя в отчем доме,
И отдохнув, сказала матери такое слово:
29. «Говорю тебе правду, мать, хочешь живой меня зилеть,
Так розыском Наля займись, лучшего из герсев!».
30. Выслушав Дамаянти, опечалилась очень царица,
Заливаясь слезами, не отвечала ни слова, раджа.
31. Все дворцовые женщины, видя её в печали,
«Горе, увы!» — восклицали и безутешно рыдали.
32. Тогда махарадже Бхиме супруга сказала слово:
«Твоя дочь, Дамаянти, скучает по муже
33. Не стыдись, она это сама сказала, раджа:
В поисках Достохвального пусть идут твои посланцы».
34. По ее настоянью, раджа отправил услужливых браминов
В разные стороны света: «Наля найти постарайтесь!».
35. Тогда по указу царя видарбхийцев, брамины,
К Дамаянти придя, «Мы отправляемся в путь!»—сказали.
36. Им отвечала Бхайми: «В каждой стране такое слово
Говорите везде среди людей, повторяйте снова и снова:
37. «Куда ты, игрок, половину одежды отрезав, скрылся
Сонную бросив в лесу, любимую, верную, милый?
38. Ждёт ведь она тебя там, где ей приказано было —
Женщина сильно палимая, покрытая половиной одежды.
39. Ей, льющей слёзы в непрестанной тоске, владыка,
Окажи поскорее милость, витязь, — откликнись.

नलोपाख्यानम्

Глава XVIII

Брихадашва сказал:

1. Долгое время прошло; дваждырождённый Парнада
Тогда, возвратясь в столицу, сказал такое слово Бхайми:
2. «Дамаянти, в поисках Нишадца, Наля,
Забрел я в город Айодху, пришел к Бхангасури.
3. Мудрая, слово твое, как его ты сказала,
Ритупарна многосчастливый от меня услышал.
4. Вняв, ничего не ответил Ритупарна, людей повелитель,
Также никто из собранья, хоть и не раз повторял я.
5. Когда ж отпустил меня раджа, в безлюдном месте
заговорил со мной некто,
Вахука по имени, один из людей Ритупарны,
6. Возничий того владыки, некрасивый, короткорукый,
В быстрой езде искусный, вкусно готовящий пищу;
7. Он, многократно вздыхая, снова и снова плакал;
Спросив меня о здоровье, так мне промолвил:
8. «Благородные женщины, добрые, достигшие неба,
Впадая в несчастье, сами себя охраняют, я верю.
9. Даже, если супруг их покинет, они не гnevятся нисколько.
Полна добродетели жизнь тех прекрасных женщин.

10. За то, что глупец страдая, утратив счастье,
Покинул её, пусть она не гневится.
11. Добыть пропитанье хотел он, но похитили птицы одежду,
Чёрная пусть не гневится на палимого горем.
12. Правая, если супруг к ней неправый вернётся,
Голодный, утративший царство и счастье, утопающий
в бедах».
13. Вняв его слову, я поспешил вернуться;
Сама оцени, услышав, и распознай владыку».
14. Это узнав от Парнады, с полными слёз глазами,
К матери быстро приблизясь, Дамаянти сказала:
15. «Ни в коем случае Бхиме не сообщай это дело,
О мать, при тебе научу я Судэву, лучшего из браминов.
16. Ты ж постарайся, если мне счастья желаешь,
Чтобы царь Бхима замысел мой не проведал.
17. Как быстро меня привел к родным Судэва,
Пусть с тем же счастьем Судэва пойдёт скорей, не медля
18. В город Айодху, мать, и приведет сюда Наля!».
Когда отдохнул Парнада, лучший из дваждырождённых,
19. Прекрасная Видарбхийка почтила его большими дарами.
«Певец, когда Наль вернётся, больше я дам богатства,
20. Ибо ты много способствовал, чтобы встретила скоро я
с мужем,
Сделать чего не сумел бы другой, о лучший из
дваждырождённых».
21. Выслушав это, почтив, благословив её на счастье;
Премудрый домой удалился, свое дело исполнив.
22. Тогда Дамаянти, позвав Судэву, о Юдхистхира,
Сказала при матери, предавшись горю и скорби:
23. «В город придя, Судэва, правителю граждан Айодхи
Ритупарне весть передай, будто бы сам от себя сообщая:

24. Опять Дамаянти, дочь Бхимы, готовит свой выбор.
Туда сходятся все раджапутры и раджи;
25. Но считано время: завтра он будет, утром.
Если ты быть намерен, иди не медля, врагов победитель!
26. Она с восходом солнца выберет второго мужа,
Ведь неизвестно о витязе Нале, жив ли он, нет ли».
27. Все, как она сказала, тогда придя, Ритупарне
Передал брамин Судэва, о махараджа.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
восемнадцатая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава XIX

Брихадашва сказал:

1. Услышав слова Судэвы, Ритупарна, правитель народа,
Просительным, нежным голосом молвил Вахуке:
2. «Отправиться хочу я в Видарбху на выбор Дамаянти,
Возможно ль за день доехать, знаток лошадей, Вахука?».
3. От таких слов Ритупарны, о, Каунтея, у Наля
Горем терзалось сердце; многомудрый подумал:
4. «Ужель это речь Дамаянти? Иль горе затмило ей разум?
Иль ради меня, увы, ничтожного, благочестивая
Видарбхийка
5. Измыслила такую большую хитрость,
Оскорбленная мной, многогрешным, страдая тяжко?
6. Женское сердце изменчиво в мире, а грех мой ужасен;
Может её любовь истощилась в разлуке, что она так
поступает?
7. Моей бедой поражённая, видно отчаялась тонкостанная,
А то никогда б не решилась так поступать, да еще детей
имея.
8. Только поехав узнаю, где тут неправда, где правда;
Ритупарны желанье ради себя исполню!».

9. Порешив так в сердце, Вахука, глубоко-печальный,
Руки сложив, так ответил царю Ритупарне:
10. «Твое слово исполню — доедем, людей владыка.
За один день, повелитель, в город Видарбху, раджа».
11. Тогда, по воле царя Бхангасури, стал тот Вахука,
Придя в конюшню, испытывать лошадей, владыка!
12. Сильно его торопил Ритупарна; Вахука ж,
Лошадей распознать желая, обходил их снова и снова.
13. К поджарым коням подошёл, годным в дорогу,
Сильным и очень горячим, породистым, борзым,
14. От гибельных знаков свободным, широконоздрым, крепким*
С десятью завитками, в Синдху рожденным, как ветер
быстрым
15. Поразился, увидев их раджа, сказал раздраженно:
«Что это хочешь ты делать, иль обмануть нас собрался?»
16. С коротким дыханием, слабые, как довезут эти кони?
Как пробежать они могут такую большую дорогу?».

Вахука сказал:

17. У них есть знак на лбу, на голове—два, на боках по паре.
Знак на хребте, да на груди два знака.
18. Добегут до Видарбхи кони, нет сомнения в этом;
Коль мыслишь иначе — скажи, я ж их запрягаю, раджа.

Ритупарна сказал:

19. Ты в лошадях знаешь толк и опытен, Вахука,
Которых считаешь годными, тех запрягай скорее!

Брихадашва сказал:

20. Четвёрку добрых коней, породистых, нравом хороших,
Быстрых, опытный Налъ запряг в колесницу.
21. Когда ж на запряженную колесницу царь взошёл
поспешно,
На колени долу превосходные кони упали.

22. Но могучий Наль, досточтимый раджа, племён
властитель,
Тех скакунов успокоил, горячих, сильных.
23. И, подобрав вожжи, Наль тронул коней ретивых;
Всзницу Варшнею с собой посадив, помчался быстро.
24. Вахука подстегнул лошадей как нужно; борзые,
Как бы взбесясь, колесницу подняли на воздух.
25. Увидев коней бегущих, точно ветер быстрых,
Счастливый властитель Айодхи весьма изумился.
26. Колесницы слушая грохот, дивясь управлению конями,
Стал размышлять Варшнея о мастерстве Вахуки.
27. «Уж не Матали это, владыки богов возникший,
Под видом молодца Вахуки появился, великий?
28. Иль это—Шалихотра, знаток лошадей, их свойств, породы,
Божественно-прекрасный, принявший вид человека?
29. Иль это — Наль-владыка, враждебных твердынь
покоритель,
Сюда явился, хранитель народа?» — так размышлял
Варшнея.
30. «Ведь те же науки, что Наль, и Вахука знает
Равны в познании наук, я вижу, Наль и Вахука.
31. Также летами они равны, Наль и Вахука;
Так уж не Наль ли это, доблестный, мудрый?
32. Бывает, здесь на земле великие странствуют тайно,
Причастные божеской доле, переменив свой образ.
33. Но мысль мне проверить нужно: ведь изменил он свой
образ;
Неубедителен довод — таково моё мнение.
34. Вот доказательство: возраст; он равен, но форма — иная;
Все достоинства, что есть у Наля, у Вахуки есть также».
35. Так размышлял Варшнея долго, о, махараджа,
Возничий Нишадца все взвешивал в сердце.

नलोपाख्यानम्

Г л а в а XX

Брихадашва сказал:

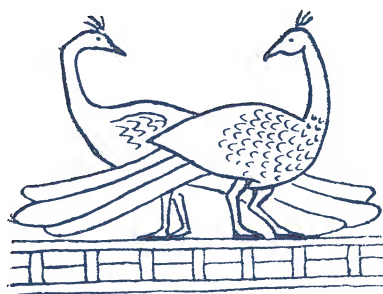
1. Горы, реки, леса, озера проезжал он быстро,
В воздухе паря, подобно птицам.
2. Так на колеснице мчась, царь Бхангасури
Заметил: слетел его плащ, о, городов разрушитель.
3. Как только сорвалась одежда, великодушный владыка,
«Я подниму,—Налю сказал торопливо, —
4. Сдержи ретивых коней, многомудрый,
Пока мне Варшнея сюда принесёт одежду».
5. Налъ же ему отвечал: «Твой плащ далеко позади остался,
Йоджану мы проехали, его не принести обратно».
6. Пока Налъ говорил, царь Бхангасури мимо вибхитаки,
Обсыпанной плодами, в лесу проезжал, о, раджа,
7. Увидя ее, спешивший раджа так молвил Вахуке:
«И моё, возникший, познай великое уменье счёта —
8. Один всего знать не может, никто всеведением не обладает:
Не сосредоточилось познание лишь в одном человеке.
9. Я знаю, сколько на дереве листьев, сколько плодов,
Здесь вот сто один плод упал, Вахука.
10. Знаю, сколько плодов осталось, сколько листьев:
Есть пятьдесят миллионов листьев на этих двух ветках.

11. Если выделить эти две ветви из всех других, Вахука,
— На этих двух ветках две тысячи сто плодов без
пятёрки».
12. Тогда, удержав колесницу, Вахука промолвил радже:
«Сомнительны, раджа, мне твои речи, врагов победитель».
13. Очевидность хочу им придать, срубив вибхитаку;
Когда мы сочтем, владыка, не будет сомненья.
14. Перед твоими глазами я срублю вибхитаку:
Верно или неверно сказал ты, не знаю.
15. Я при тебе, владыка, эти плоды сосчитаю.
Разом Варшнея вожжами сдержал быстроногих.
16. Царь возникшему молвил: «Нет времени мешкать!».
Вахука ж с большим увлеченьем ему ответил:
17. «Минутку тебе погодить придется, если ж, владыка,
спешишь ты,
Добрый путь, поезжай, Варшнея тебя доставит».
18. Просяще сказал Ритупарна, о радость народа Куру:
«Нет на земле возникшего лучше тебя, Вахука,
19. С тобой, знаток лошадей, я хочу ехать в Видарбху,
Я обращаюсь к тебе с мольбой: не чини задержки!
20. Исполню твое желанье, какое мне скажешь, Вахука,
Коль в Видарбхийскую землю меня привезешь до заката!».
21. Так отвечал Вахука: «Только сочтя вибхитаку,
Поедем в Видарбху, исполни мне это слово!».
22. Раджа ему с неохотой «Считай, — промолвил, —
Ветки с одной стороны; буду тебя направлять,
безупречный,
23. Сочтя, ты узнаешь правду, исполнишь свое желанье».
Соскочив с колесницы, проворно Вахука срубил вибхитаку.
24. Затем, сосчитав, он радже сказал пораженный:
«Столько плодов, сколько ты указал, владыка,

25. Удивительно это, твою силу я видел;
Царь, я хочу знать науку, дающую это умение!».
26. Тогда торопившийся ехать раджа ему ответил:
«Я знаток игры в кости, опытен в науке счета».
27. Вахука ему промолвил: «Дай же мне это познание,
От меня ж возьми знание коней, могучий!».
28. Тогда царь Ритупарна, из-за желанья знать лошадей и
важности дела,
Вахуке такое промолвил слово: «Ладно,
29. Высшее знание костей возьми, как просил ты,
Мне же за то передай твоё знание коней, Вахука!».
30. Это сказав, Ритупарна дал своё знание Налю,
Лишь только науку костей, он постиг, его тело покинул
Кали,
Жгучий яд Каркотаки изо рта извергая.
31. Так пламя проклятия Кали покинуло Наля,
Им долгое время мучимый царь не владел собою.
32. Освободясь от яда, Кали принял свой облик;
В гневе хотел проклясть его Наль, владыка нишадцев.
33. Испуганно Кали взмолился ему, трепеща, сложив руки:
«Царь, удержи свой гнев, дам тебе высшую славу!
34. Уже прокляла меня гневаясь, родительница Индрасена,
Когда ты её покинул; с тех пор, сраженный,
35. Я в тебе обитал, страдая тяжко, необорный, владыка:
Яд повелителя нагов палил меня днём и ночью.
36. Смилуйся, выслушай слово: если меня пощадишь ты,
Людей, которые будут тебя прославлять усердно,
37. Никогда не постигнет беда, порождённая мною:
Я пред тобой трепещу, о милосердии взываю!».
38. Внял ему Наль, гнев свой сдержал владыка;
Испуганный Кали быстро вошёл в вибхитаку.

39. Был он другим не видим, при разговоре с Нишадцем.
Лишь прекратилось страданье, победитель врагов,
нишадцев владыка,
40. После ухода Кали, плоды исчислив, раджа,
Преисполненный радостью, причастный высшему блеску,
41. На колесницу взошёл сияя и тронул коней ретивых.
А вибхитака оскверненной стала от вселения Кали.
42. Быстрые кони летели дальше и дальше, как птицы;
Наль в своем сердце был торжеством преисполнен.
43. Направился прямо в Видарбху, многопрославленный
раджа,
Кали ж домой пошёл, когда Наль удалился.
44. Так прекратилось страданье владыки Наля:
Он стал свободен от Кали, только свой образ
не принял, раджа.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
двадцатая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава XXI

Брихадашва сказал:

1. О прибытии в Видарбуху мощного Ритупарны,
На закате люди сообщили властителю Бхиме.
2. С разрешения Бхимы, въехал тот царь в Кундину —
 город,
Все окрестности оглашая грохотом колесницы.
3. Лошади Наля этот грохот колёс услышав,
Радостно взволновались, как бы в присутствии Наля.
4. И Дамаянти, заслышав грохот колесницы Наля,
Подобный глухому грому несущейся тучи,
5. Была восторгом объята, слушая звук многозвонный.
«Как будто бы Наль управляет конями как прежде,—
6. Подумала Бхайми,—топот этих коней знаком мне».
Живущие во дворце павлины, слоны и лошади в стойлах
Колесничному шуму внимали, владыка народов.
7. Этот грохот услышав слоны, павлины,
Радуюсь, как грому в тучах, насторожась, кричали.

Дамаянти сказала:

8. «Как этот грохот колёс, будто наполнив землю,
Радует сердце моё; это Наль, великий владыка!

9. Коль не увижу сегодня луноподобного Наля,
Витязя многодостойного, я несомненно погибну!
10. Если не буду сегодня в его могучих объятьях,
Не получу его ласки, жить не останусь, конечно!
11. Если ко мне Нишадец не придет тучегромный,
Сегодня же брошусь в золотое пламя!
12. Если сильный, как лев, страстный, как слон могучий,
Ко мне не придет, владыка, я несомненно погибну!
13. Не вспоминаю обиды, не помню какой-либо кривды,
Даже случайного, не помню худого слова.
14. Он терпелив, благороден, щедр, всех царей превосходит.
Не согрешит даже тайно, мой Нишадец верен, как евнух.
15. С ним разлученная, ночью и днем доблесть его вспоминаю;
Без моего любимого разрывается сердце от горя».
16. Так причитая, как бы лишась рассудка, Бхайми
Взошла на высокую кровлю, достохвального желая
видеть.
17. И во дворе разглядела прибывших на колеснице:
Владыку земли Ритупарну вместе с Варшнеей, Вахукой.
18. Варшнея, Вахука сошли с колесницы прекрасной,
Лошадей распрягли, поставили колесницу.
19. Повелитель людей Ритупарна, сойдя с колесницы,
Приблизился к махарадже Бхиме, страшному силой.
20. Тогда его Бхима принял с великой честью,
Но прибывшего без причины, поспешно, не считал несущим
счастье.
21. «Добро пожаловать! Что тебе нужно сделать?»
— приветствовал раджа;
Владыка народа не знал, что гость ради дочери прибыл,
Бхарата.
22. Мудрый царь Ритупарна, поистине сильный,
Царей и царевичей нигде не приметил,

23. Также признака выбора: стеченья певцов — браминов;
Тогда, прикинув в уме, владыка кошальцев
24. Промолвил: «Приветствовать тебя я прибыл».
Про себя между тем рассуждал улыбаясь царь Бхима:
25. «Ради такой причины больша ста йоджан,
Много сёл проехать — не для того он явился.
26. Уж слишком ничтожна названная причина приезда;
Позднее, со временем выясню, какая была причина,
27. А не теперь». С этим почтил и отпустил владыка гостя.
«Нужно на отдых, ты утомился...» и прочее так говорил он
28. Радужным царём угощённый, радостный и довольный,
В указанную горницу в сопровожденьи придворных он
удалялся.
29. Когда Ритупарна ушел, вместе с Варшнеей
Взяв колесницу, её в сарай вкатил Вахука.
30. Отвязав лошадей, о них позаботился он, как должно,
Сам же, задав им корму, в колеснице уселся.
31. Загоревала Дамаянти, увидев царя Бхангасури,
Также Варшнею, сына возничного, и странного видом
Вахуку.
32. Размышлять Видарбхийка стала: «Чей это звон
колесничный?
Был он велик, будто бы Наля, однако Нишадца не вижу.
33. Варшнея, конечно, знает, грохот чьей колесницы
Здесь раздавался сегодня, будто бы Наль приехал.

34. Иль Ритупарна, быть может, подобен властителю Налю;
И шум от его колесницы такой же, как у Нишадца?».

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
двадцать первая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава XXII

Дамаянти сказала:

1. Иди, Кешини, разведай, кто этот возникший,
Что там в колеснице уселся, короткорукый уродец.
2. Подойдя, приветствуй, добрая, ласково и прилично,
Спроси того человека, как обычай велит, благая.
3. Подозреваю очень, не Наль ли это, владыка,
Взволнован мой разум, моё сердце ликует!
4. Повтори ему в разговоре слово Парнады,
Ответ же, прекраснобёдрая, запомни, благая.

Брихадашва сказал:

5. Пошла усердная вестница, заговорила с Вахукой,
Прекрасная же Дамаянти наблюдала их с кровли.

Кешини сказала:

6. С приездом, людей повелитель, мира тебе я желаю,
Внимай словом Дамаянти, могучий.
7. Когда собрались вы в дорогу? Зачем вы сюда явились?
Как следует это поведай, Видарбхийка желает слышать

Вахука сказал:

8. Великодушный правитель Каушали услышал, что
Дамаянти
Вновь назначает выбор; «он будет скоро»,—говорил
Судэва.
9. Узнав это, царь на конях, сто йоджан проходящих,
Быстрых как ветер отправился; я ж — его возничий.

Кешини сказала:

10. А кто же тот третий с вами, откуда он, чей он?
Сам ты чей? Как ты попал на эту работу?

Вахука сказал:

11. Достохвального это возничий, Варшнеей зовется,
Он после бегства Наля ушел к Бхангасури.
12. Я — знаток лошадей и отменный возничий,
Служу колесничим и поваром у Ригупарны.

Кешини сказала:

13. А знает Варшнея, куда скрылся Наль, владыка?
Как он тебе рассказывал про это, Вахука?

Вахука сказал:

14. Сюда привез он детей многогрешного Наля,
Потом пошел по воле, не знает он, где Нишадец.
15. И никакой другой человек, славная, не знает про Наля;
Тайно странствует в мире, изменив свой образ, владыка.
16. Даже милая сердцу столько же знает о Нале,
Ибо Наль хранит в тайне свои приметы.

Кешини сказала:

17. Тот брамин, что первым пришёл в Айодху,
Такие слова жены повторял снова и снова:

18. «Куда ж ты, игрок, половину одежды отрезав, скрылся?
Сонную бросив в лесу, любимую, верную, милый?»
19. Ждёт ведь она тебя там, где ей приказано было,
Половиной одежды прикрытая, скорбью палимая
днём и ночью.
20. Постоянно рыдающей в горе, могучий,
Милость свою яви, дай ответ, властитель!
21. На эту речь любимой ответь, многомудрый,
Слово твоё безупречная Видарбхийка желает слышать.
22. Прежде данный тобой ответ, повтори, желанный,
От тебя Видарбхийка его снова услышать хочет».

Брихадашва сказал:

23. Наль слушал Кешини, о радость народа Куру,
И сердце его сжималось, глаза наполнялись слезами.
24. Владыка земли сгорал, но подавлял свое горе;
И снова он так промолвил — дрожали в голосе слёзы:
25. «Благородные женщины, добрые, достигшие неба,
Впадая в несчастье, сами себя охраняют, я верю.
26. Даже если супруг их покинет, они не гnevятся нисколько:
Полна добродетели жизнь тех прекрасных женщин.
27. За то, что глупец, страдая, утратив счастье,
Покинул её, пусть она не гневится!
28. Добыть пропитанье хотел он, но похитили птицы одежду,
На кручиной палимого, чёрная, пусть не гневится,
29. Правая, если супруг к ней неправый вернётся,
Голодный, утративший счастье, утопающий в бедах».
30. Наль очень скорбел, эти слова повторяя,
И слёз удержать не мог, зарыдал он, Бхарата.

31. Тогда, возвратясь к Дамаянти, передала Кешини
Всё, что сказал он, а также о перемене его обличья.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
двадцать вторая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава XXIII

1. Дамаянти, ей внемля, сильно скорбела;
Рассудив, что здесь Наль, она сказала Кешини:
2. «Снова, Кешини, последи за Вахукой,
Не заговаривай с ним, но возле держись, наблюдай,
благая.
3. Если он, прекрасная, что-нибудь начнет делать,
Следи, как он будет выполнять работу.
4. Чтоб ему помешать, не давай огня, Кешини;
Для варки пищи воды не давай, коль попросит;
5. Все наблюдай, что случится, потом доложи мне;
Необычайные знаки наблюдай у Вахуки».
6. Выслушав наказ Дамаянти, отправилась Кешини.
Возничего знаки приметив, она вернулась снова.
7. Все, что случилось рассказала она Дамаянти:
О нечеловеческих знаках, примеченных у Вахуки.

Кешини сказала:

8. Я никогда не видала и не слыхала раньше,
Чтобы стихии слушались так человека, Дамаянти.
9. Он ничуть не сгибается, в низкий проход вступая:
Вход, при виде его, сам становится выше, как нужно.

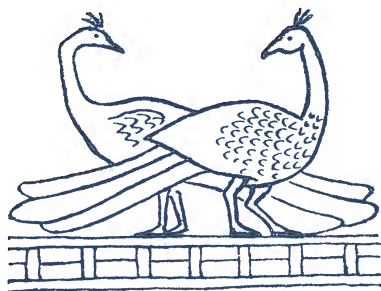
10. Для Ритупарны принесли ему разную пищу:
Раджа туда послал мясо многих животных.
11. Чтобы его обмыть, принесли большие сосуды;
Они под взглядом Вахуки сами водой наполнялись.
12. Тогда, обмыв мясо, пошел колесничий Вахука,
Горсть травы захватил, подержал на солнце,
13. Вдруг, сам собою огонь возгорелся; я поразилась,
Необычайное чудо увидев, и поспешила вернуться.
14. Прекрасная, я у него и другое дивное диво видала:
Если огня он коснётся, не жжет его пламя.
15. Притекает вода по его желанию и утекает быстро.
Много других чудес я у него насмотрелась.
16. Если цветы он поднимет, руками погладит нежно,
Под лаской его руки эти цветы оживают,
17. Становясь ароматней, еще свежее, чем были.
Такие чудные знаки увидев, сюда я бегом прибежала.

Брихадашва сказал:

18. Услышав про эти дела Достохвального, Дамаянти
Решила, что Наль, приехав, открывается в знаках.
19. Считая, что Наль, её муж, принял облик Вахуки,
Нежно опять Кешини она со слезами сказала:
20. «Вернись и стряпни этого чудака Вахуки
Принеси, прекрасная, возьми на кухню мяса!».
21. Кешини, придя к Вахуке, очень горячего мяса
Торопливо кусок утащила и незамедля
Принесла Дамаянти в угоду, о радость народа Куру!
22. Она же, раньше к стряпне привыкшая Наля, отведав мяса,
Убедясь, что тот возникший — Наль, закричала в скорби.
23. Крайне волнуясь, обоих детей послала с Кешини,
Предварительно лица умыв им, Бхарата.

24. Индрасену и брата её узнал Вахука;
Раджа к ним подбежал, обнял, к груди прижимая.
25. Вахука, приблизясь к богоподобным детям,
Громко рыдал, охваченный мощной скорбью.
26. Многократно подавляя волненье, Нишадец,
Быстро детей оставив, сказал Кешини:
27. «На моих двух детей, блаженная, эти ребята очень похожи,
Оттого, их увидя, пролил я слёзы внезапно.
28. Тебя в грехе заподозрят люди, если часто являться
будешь,
Мы гости этой страны, иди же, благая, счастливо.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказния о Нале
двадцать третья глава.

नलोपाख्यानम्

Глава XXIV

Брихадашва сказал:

1. Большое волнение видя мудрого Пуньяшлоки,
Кешини, возвратясь поспешно, всё Дамаянти сказала.
2. Тогда Дамаянти снова к матери послала Кешини,
Сгорая желаньем увидѣться с Налем:
3. «Я хорошо испытала Вахуку, заподозрив в нём Наля,
Сомнителен мне только облик, лично хочу убедиться.
4. Мать, или меня отпустить соизволь, или вели, чтоб
пришѣл он
С ведома раджи-отца, без того ли; знать хочу правду».
5. Выслушав Видарбхийку, царица сказала Бхиме
О намереньи дочери; царь ей позволил.
6. С разрешенья отца и матери также, славный Бхарата,
Призвала Дамаянти в свою обитель Наля.
7. Владыка Наль, Дамаянти внезапно увидев,
Охваченный тягчайшим горем, залился слезами.
8. И Дамаянти, увидев Наля в таком волненьи,
Прекрасная, тоже была охвачена тягчайшей скорбью.
9. В мочальной одежде, с волосами, сплетѣнными в косы,
раджа,
Покрытая грязью и пылью, Дамаянти сказала Вахуке:

10. «Женщины ты не видал ли, знающий дхарму Вахука,
Сонную, в дебрях лесных её супруг покинув, скрылся?
11. Невинную, истомлённую, любимую супругу
Кто же оставил в безлюдьи, как не Наль достохвальный?
12. Или я девством была перед ним виновата,
Что, бросив меня в лесу, ушел он, земли владыка?
13. Явно богам отказав, некогда его избрала,
Верно любила, детей имела; за что ж он меня покинул?
14. Кто, над огнём, взяв руку, перед богами поклявшись:
«Буду, воистину» — клятву свою забывает?».
15. Когда Дамаянти говорила всё это, врагов покоритель,
Горем рождённая влага из её скорбных очей струилась.
16. Чёрных очей, как лотос прекрасных, влагу,
Горе, отчаянье видя, Наль так промолвил:
17. «Не я в том виной, что мое царство погибло,
Что я тебя, робкая, бросил — всё это Кали сделал,
18. Пораженный твоим проклятьем в час нарушения дхармы;
Скорбно в лесу ты скиталась, день и ночь обо мне
горюя,
19. Его ж, в моём теле живущего, неустанно палило твое
проклятье:
Жгучим огнём твоё проклятье для него разгоралось.
20. Он побеждён, прекрасная, моей непреклонной волей,
Подвигом, нашему горю конец положившим.
21. Когда удалился он, грешный, куда я пришел свободным,
Ради тебя, полнобедрая; нет у меня иной цели.
22. Но какая же супруга, бросив законного, верного мужа,
Подобно тебе, робкая, выбирает другого?
23. По велению царя всюду глашатаые ходят:
«Второго супруга выбирает Бхайми,
24. Подходящего ей, выбирая свободно, по сердцу!»
Бхангасури прослышав об этом поспешил явиться».

25. Дамаянти внимала таким упрекам Наля,
Дрожащие руки сложив; в страхе она сказала Налю:
26. «Благоволи, прекрасный, не обвинять в пороке;
Я, пренебрегши богами, тебя избрала, владыка нишадцев!»
27. Чтобы тебя привести, всюду брамины ходили,
Десять стихов распевая, сложенных мною.
28. Тогда многомудрый брамин Парнада, о раджа,
Пришел в Кошали, обитель Ритупарны.
29. Он, повторив мои шлоки, ответ получил твой, раджа;
Затем я на хитрость пошла, чтобы тебя привлечь,
Нишадец!
30. Кроме тебя, во всём мире нет никого иного, властитель,
Кто мог бы за день сто йоджан лошадьми проехать,
владыка!
31. С этой правдой касаюсь твоих ног, о земли повелитель,
Даже в мыслях недоброго я не свершила!
32. В мире блуждающий ветер, свидетель существ, Садагата,
Пусть лишит меня жизни, если я грех совершила!
33. Тигманшу, лучистое Солнце, ходит всегда над землею —
Пусть лишит меня жизни, если я грех совершила.
34. Как свидетель, месяц во все существа вникает,
Пусть лишит меня жизни, если я грех совершила!
35. Держат весь тройственный мир эти три бога —
Пусть подтвердят мою правду или меня покинут!».
36. Призванный ею ветер из поднебесья промолвил:
«Наль, она не свершила греха, говорю тебе правду!»
37. Сокровище добродетелей хорошо бережет Дамаянти,
раджа,
Ее хранителями и свидетелями мы были три года.
38. Ради тебя, несравненного, задумана эта хитрость:
Кроме тебя никто не может за день сто йоджан проехать.

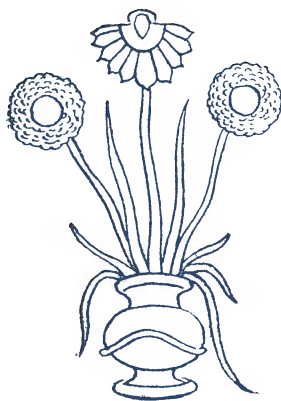
39. Верна тебе твоя Бхайми и ты ей также, земли владыка,
Без всякого сомненья сойдись со своей женою!».
40. Пока говорил так ветер, цветы дождем сыпались с неба,
Тимпаны богов звучали, веяли ветры благие.
41. Царственный Наль, увидав это диво, могучий Бхарата,
Подозрение снял с Дамаянти, врагов победитель.
42. Незапыленную одежду накинул тогда властитель;
Помянув того владыку нагов, принял свой собственный
образ;
43. Дочь Бхимы увидела мужа, принявшего собственный
образ,
Безупречная закричала на голос и обняла Пуньяшлоку
44. И царственный Наль, сияя как прежде, обнял Дамаянти,
Также своих детей приветствовал он, как должно.
45. К своей груди прекрасная его лицо прижала;
Вздохнула длинноокая, пораженная болью.
46. Покрытую грязью и пылью, ясноулыбную обнял
Тигр средь людей и долго стоял, преисполненный скорбью.
47. Царь, все, что случилось с Налем и Дамаянти
Радостно мать видарбхийки рассказала Бхиме.
48. Тогда махараджа сказал: «Завтра, свершив омовенья,
Пусть ко мне явится Наль с Дамаянти, ночь проведя
счастливо».

Брихадашва сказал:

49. Оба супруга радостно ночь провели в рассказах
О своих скитаньях в лесных дебрях, властитель.
50. В доме Бхимы-царя, наслаждаясь друг другом,
Радостно жили Нишадец и его Видарбхийка.
51. После четырехлетней разлуки сойдясь с женою,
Желания все утолил он, высшее счастье вкушая.

52. И Дамаянти, получив супруга, преисполнилась силой,
Как земля, несущая семя, наполняется влагой.
53. Когда она встретилась с мужем, усталость прошла,
горячка,
Бхайми сияла страстью, как ночью луна при восходе.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
двадцать четвертая глава.

नलोपाख्यानम्

Г л а в а XXV

Брихадашва сказал:

1. Проведя эту ночь, царственный Наль и Бхайми,
Надев убранства, лицезрели владыку земли в урочное
время.
2. Подойдя, Нишадец приветствовал тестя;
Прекрасная Дамаянти после него отца почтила.
3. Как сына, с большим ликованием, принял его царь Бхима,
Почтил, как должно; был утешен преславный,
Что Наль получил Дамаянти, верную свою супругу.
4. Царственный Наль по правилам принял эту почесть,
Как подобает, явил он повиновение тестю.
5. В городе звон был великий, ликованием рождённый,
Люди радостно толпами приходили увидеть Наля.
6. Флагами, венками был разукрашен город,
Царский путь усыпали благовонными цветами.
7. От двери к двери горожане цветы бросали.
Все алтари блаженных разукрасили цветами.
8. Ритупарна услышав, что Вахука превратился в Наля,
И с Дамаянти сошелся, обрадовался очень.
9. Встретясь, царственный Наль стал перед ним извиняться,
Тот же сам извинялся, мудро приводя причины.

10. Почтённый, земли владыка, говорил с изумлённым лицом
Нишадцу:
«Счастье какое! Ты встретился вновь с женою!
11. Не обидел ли я, Нишадец, тебя, когда неизвестный
Ты обитал в моём доме, земли повелитель?
12. Если сознательно иль по незнанию как-либо
Я поступал недолжно, благоволи не гневаться!».

Наль сказал:

13. Ты ни малейшей обиды не наносил мне, раджа,
Да, если б она и была, не гневаясь, я простил бы.
14. И раньше ты был мне другом родным, людей повелитель,
С этой поры и впредь ты приумножь мою радость.
15. В полном довольстве я жил у тебя счастливо,
И в собственном доме не жил бы я лучше, раджа,
16. Твоё знанье коней у меня осталось,
Его я хочу передать, коль соизволишь, раджа.
17. Это сказав, Ритупарне передал знанье Нишадец;
Охотно тот его принял с надлежащим обрядом.
18. Знанье коней получив, царь Бхангасури, раджа,
Взяв другого возникшего, возвратился в свой город.
19. После его ухода, о раджа, Наль, племён владыка,
В городе Кундине прожил не очень долгое время.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
двадцать пятая глава.

नलोपाख्यानम्

Глава XXVI

Брихадашва сказал:

1. Месяц прожив, Нишадец простившись с Бхимой,
Каунтея,
Взяв несколько слуг, из города вышел в нишадскую землю.
2. На колеснице блестящей, с шестнадцатью слонами,
С шестьюстами пехотинцами, с пятьюдесятью конями,
3. В спешном движеньи, как бы колебля землю,
Быстро пришел многомудрый, пылая сильным гневом.
4. Сын Вирасены, Наль, явясь к Пушкаре,
Сказал: «Сыграем снова, много добыл я богатства,
5. Дамаянти и все, чем владею, вот залог мой,
Твой же, Пушкара — царство!
6. Игра должна снова начаться; мое решение твердо;
В заклад за одно поставь — благо тебе — наши жизни.
7. Пусть победивший получит царство или богатство;
«Подобает давать отыгаться» гласит закон
безусловный.
8. Если ж играть не желаешь, спор пусть решает битва:
Смерть тебе, царь, иль мне пусть принесет поединок!
9. Наследное царство подобает вернуть непременно,
Средством любым,—так заповедали предки.

10. Ныне два способа эти ведут к одной цели, Пушкара:
Или в кости игра, иль стрела в сраженьи.
11. Такие слова Нишадца с улыбкой Пушкара слушал,
Считая свою победу верной, ответил владыке народа:
12. «Хорошо, что богатства добыл ты для игры, Нишадец!
Хорошо, что недостижимая Дамаянти мне достанется
скоро!
13. Хорошо, да живешь ты, мощный, и жена твоя, раджа!
Мне теперь принесет игра с этим богатством и Бхайми!
14. Стоит она предо мной всегда, как с неба Шакры апсара.
Постоянно её вспоминая, ждал я тебя, Нишадец!
15. Не было радости мне в игре с друзьями;
Безупречно-прекрасную Дамаянти, выиграв ныне,
16. Я останусь доволен, в сердце она у меня постоянно».
За эти долгие речи, неразумно-пустые,
17. Наль в гнев мечом хотел ему голову срезать,
Очи царя покраснели, гневно смеясь он промолвил:
18. «Полно болтать, сыграем, а проиграв, ты умолкнешь!».
Тогда началась игра Пушкары и Наля.
19. Сразу же, с первой игры, витязь Наль одержал победу:
Выиграл весь заклад, вернул все богатства.
20. Победив Пушкару, раджа сказал ему насмехаясь:
«Враг побеждён, я полностью царством владею.
21. На Видарбхийку ты и смотреть не смеешь, лишённый
царства!
Безумец, служить ты ей вместе с рабами будешь!
22. Не твоя вина, впрочем, что был побежден я раньше;
Кали все это устроил, ты ж это, глупый, не ведал.
23. Не обращаю на тебя никогда другим возбуждённого гнева
Живи, как захочешь, я тебе жизнь дарую!
24. Отдаю тебе также всю твою долю наследства;
Я к тебе расположен, не сомневайся, витязь!

25. Моя дружба с тобой пусть нерушимой будет,
Пушкара, ты ведь мой брат, сто лет живи счастливо!».
26. Так истинно-мощный Наль утешил брата;
Обняв многократно, послал его в собственный город.
27. Утешенный Нишадцем, отвечал Пушкара
Тогда Достохвальному, руки сложив, склонясь, раджа:
28. «Вечная слава тебе, тысячи лет живи счастливо!
Ты мне жизнь даровал и город, владыка!».
29. Как почётный гость провёл он месяц у раджи;
И радостно в свой город Пушкара пошел со свитой,
30. Со многими домочадцами, с большим войском,
Красотой сияя, как солнце, мощный владыка.
31. Раджа, отпустив Пушкару, вошел в богатый, цветущий,
Счастливый, разукрашенный город,
32. Войдя, утешил граждан этот владыка нишадцев.
33. Жители города, сёл были потрясены восторгом,
Руки сложив, говорили во главе со старцами люди:
34. «Счастливы мы сегодня в городе, в сёлах, раджа,
Пришли тебя снова почитать, как мощного, светлого бога!».
35. Успокоив, одарив Пушкару, празднества закончив, раджа
Радостно, с большим войском привёл к себе Дамаянти.
36. Отец Дамаянти, великодушный Бхима, врагов победитель,
Отпустил её, оказав гостеприимство.
37. Когда вместе с детьми прибыла Видарбхийка,
Блаженствовал Наль, как владыка богов в Нандане.

38. Славу стяжав в Джамбудвипе меж раджей,
Снова владел преславный возвращенным царством,
Многие щедрые жертвы творил согласно обрядам.

Так гласит в святой Махабхарате
в книге «Лесная» сказания о Нале
двадцать шестая глава

Закончено сказание о Нале.

एदगापदमरुतसप्र
हदमरुतस

पतिव्रतायाहात्म्यं

पतिव्रतामाहात्म्यं

Глава I

Маркандея сказал:

1. Слушай о женщине, раджа, многопрославленной,
знатной,
Вот, Юдхиштхира, что совершила царица Савитри.
2. Был у мадрасов царь—великодушный и правосудный,
Благочистивый, верный защитник, сдержанный
в чувствах.
3. Творил жертвы, был щедр, удачлив, горожан и селян был
другом.
Имя царя — Ашвапати; о благе радел он общим.
4. Сдержанный, кроткий, правдивый, оставался бездетным;
Достигнув преклонных лет, он предался подвигам строгим;
5. Ради рожденья потомства, тяжкие соблюдал обеты;
В сроки трапезы ел очень мало, смирял целомудренно
чувства.
6. Лучший из раджей, принёс он сто тысяч жертв богине
Савитри;
Ел только раз в двое суток, и то не досыта.
7. Так восемнадцать лет этих держался обетов;
Когда ж истекло восемнадцать лет, удовлетворилась
Савитри.

8. Она, воплотясь, явилась тому владыке, раджа,
Из священного пламени встала, полна ликованием великим.
Такое промолвила слово, дар предлагая владыке.

Савитри сказала:

9. Чистотой твоего целомудрия, строгим обетом, дарами,
Благоговеньем духовным твоим я осталась довольна.
10. Любой дар выбирай, Ашвапати, мадрасов раджа,
Чтобы не совершить упущенья в законах.

Ашвапати сказал:

11. Ради потомства я эти обеты предпринял, закон соблюдая,
Дай много детей мне, богиня, продолжателей рода.
12. Если ты мной довольна, богиня, я этот дар избираю:
Высший закон есть продление рода, так мне сказали
брамины.

Савитри сказала:

13. Зная заранее, царь, такое твое желание,
Я о детях твоих просила Великого Предка.
14. Милость тебе Самосуций ниспосылает на землю:
Лучезарно-прекрасная, милая дочь у тебя скоро будет.
15. Лучшего нет ничего, что тебе возвестить могла бы,
Я даром предка довольна, о нём и тебе сообщаю.

Маркандея сказал:

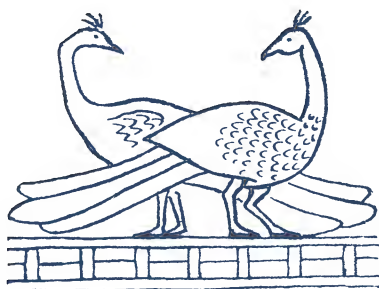
16. Тогда, вняв этим словам Савитри, владыка
Снова воззвал: «Пусть это скоро свершится!».
17. Когда же исчезла Савитри, раджа в свой город вернулся.
Доблестный, он пребывал в своём царстве, правя народом
по-правде.

32. «Дочь неотдавший замуж, в брак не вступивший мужчина,
Сын, мать-вдову не хранящий — все порицанья достойны».
33. Вняв от меня это слово, спеши на поиски мужа,
Сделай так, чтоб меня не постигло богов порицанье.

Маркандея сказал:

34. Дочери, это сказав, велел он почтенным придворным, свите:
«Собирайтесь скорей в дорогу!» — так торопил их.
35. В ноги отцу поклонилась смиренная, чистая дева,
Вняв указаньям родителя, без колебания вышла.
36. На золотой колеснице, в сопровождении знатных
придворных,
Двинулась в мирные пуши, обители царственных риши.
37. Там досточтимым старцам она поклоненье свершала,
Все эти пуши, одна за другой, обошла царица,
38. Милостыню раздавала в разных священных купальнях;
Лучших из дваждырожденных во всей стране посетила.

Так гласит в святой Махабхарате в книге «Лесная»
сказания о супружеской верности
первая глава.

पतिव्रतामाहात्म्यं

Глава II

Маркандея сказал:

1. Однажды сошлись, владыка мадрасов с Нарадой,
раджа,
В царских покоях они сидели, предавшись беседе,
Бхарата.
2. Тогда, посетив все обители и святые купальни,
Савитри с придворными в отчий дом вернулась.
3. Увидев сидящих вместе отца и риши Нараду,
Прекрасная им обоим поклонилась земно.

Нарада сказал:

4. Царь, где была твоя дочь, вернулась откуда?
И почему ты не выдашь зрелую девушку замуж?

Ашвапати сказал:

5. Именно за этим делом посылал я дочь, теперь она
вернулась;
От неё самой услышь, дэвариши, кого она избрала
супругом.

Маркандея сказал:

6. «Всё расскажи подробно», — молвил отец прекрасной;
Она же так отвечала, слову отца повинуюсь.

Савитри сказала:

7. В шаловской земле был властитель, кшатрия
 благочестивый,
Звали его Дьюматсена; он зренья лишился.
8. У мудреца слепого—сын его был младенцем—
Давнишний враг, соседний раджа, царство отнял
 у калеки.
9. Вместе с женой и младенцем раджа отправился в пущу,
 там средь густого леса,
Подвигам стал предаваться, держался великих обетов.
10. Его рождённый в городе сын в скиту отшельников вырос.
«Сатьяван прекрасный будет мне мужем»—мысленно
 я избрала.

Нарада сказал:

11. Увы, увы, владыка, большую беду по незнанию
Савитри свершила, доблестного Сатъявана выбрав.
12. Отец его правду любит, матушка также правдива,
Вот почему брамины сына называли «Правдивый».
13. Он лошадей любил с детства, лепил их из глины,
Потом раскрашивал пёстро, прозван за это «Читрашва».

Раджа сказал:

14. Но ведь теперь он могучий, благоразумный царевич; Стойкий он витязь, Сатьяван, отца любимец?

Нарада сказал:

15. Как Вивасван, он могуч, равен умом Брихаспати,
Мужеством Индре подобен, и как земля он вынослив.

Ашвапати сказал:

16. А щедр Сатьяван, благочестив ли царевич?
И благороден ли видом, красив ли собой, приятен?

Нарада сказал:

17. Щедростью он Ратнидэве, рода Санкрити поскольку
возможно равен,
Благочестив и правдив он как Шиби, сын Ушинары.
18. Благородством Яяти подобен, приятен собой, как Сома,
Красотой же подобен Ашвинам могучий сын Дьюматсены.
19. Щедрый, правдивый, кроткий витязь, он сдержан
в чувствах,
Он дружелюбен, тверд, величав, послушен,
20. Всегда прямодушен, стойкость его нерушима;
Словом, подвижники-старцы его считают наилучшим.

Ашвапати сказал:

21. О его красоте и достоинствах всех ты рассказывал мне,
чтимый,
Теперь и его недостатки, если такие в нем есть, назови мне.

Нарада сказал:

22. Есть в нем один недостаток, все качества он затемняет,
Даже большое усилие его устранить не может.
23. Есть в нем один недостаток, и нет у него другого: с этого
дня год минует
И Сатьяван кратковечный с телом свершит расставанье.

Раджа сказал:

24. Ступай же Савитри, иди, прекрасная, избери другого,
Один недостаток огромный все его качества
превозмогает.
25. Как досточтимый Нарада, угодный богам, мне поведал,
В срок годичный недолговечный, царевич с телом
свершит расставанье.

Савитри сказала:

26. Раз выпадает жребий, раз идёт девушка замуж,
Раз обещал ты: «Я выдам»—эти три лишь однажды
бывают.

27. Долговечный ли, иль, кратковечный, полный достоинств,
без них ли,
Раз мною избран супруг, дважды искать я не буду.
28. Сделанный сердцем выбор выразить нужно словами,
И завершить подобает делом. Мерой мне сердце служит.

Нарада сказал:

29. Стоек разум царевны Савитри, о лучший витязь;
Дочь твоя следует долгу, кто удержать её может?
30. Равного нет Сатьявану, между людьми он наилучший,
А потому одобряю брак твоей дочери, раджа.

Раджа сказал:

31. Незыблемо это слово, осуществить его должно;
Выполню всё, досточтимый, ведь ты мой учитель.

Нарада сказал:

32. Пусть беспрепятственно выйдет Савитри, дочь твоя,
замуж,
Я же теперь удаляюсь, мир с вами всеми да будет!

Маркандея сказал:

33. Это промолвив, вознёсся к третьему небу Нарада,
А царь стал готовить своей дочери свадьбу.

Так гласит в святой Махабхарате в книге «Лесная»
сказания о супружеской верности
вторая глава.

पतिव्रतामाहात्म्यं

Глава III

Маркандея сказал:

1. Дочь выдавая, раджа обдумал в подробностях свадьбу;
Всё приготовил, как должно, всякую брачную утварь.
2. Лучших из дваждырождённых, всех жрецов-пурохитов,
Созвав в день счастливый, с дочерью в путь он вышел.
3. Священной пущи достигнув, где обитал Дьюматсена,
Пеший, с браминами вместе, к риши-царю подошел тот
властитель.
4. Там увидал превосходного: прислонясь к стволу шали,
На подушке из куша-травы сидел ослепший раджа.
5. Царь приветствовал риши, как подобает, с почтеньем.
Особенно скромной речью весть о себе подавая.
6. Дхармы знаток сперва предложил сиденье, спросил
о дороге,
Затем: «С чем пожаловал, раджа?»—так обратился
к гостю.
7. Намеренье дочери, твердое её решение,
На Сатьявана взирая, поведал подробно раджа.

Ашвапати сказал:

8. Эта красавица—дочь моя, имя её Савитри, риши,
Невесткой её по закону прими от меня, знаток закона.

Дьюматсена сказал:

9. Ведь лишённые царства, в лесу укрываясь,
Подвижники, мы закон исполняем смиренно;
Как, иного достойная, будет жить твоя дочь
В этих лесных скитах, подвергаясь лишениям?

Ашвапати сказал:

10. Непостоянство несчастья и счастья
Умею постигнуть и дочь моя также.
Подобных речей мне говорить не нужно:
Я с твёрдым решением пришел к тебе, раджа.
11. Не убивай надежды у просящего друга:
Ты отказать не должен приходящим с любовью,
без страха.
12. Мы ведь достойны друг друга и породниться нам нужно,
Прими мою дочь в невестки, доброй женой Сатьявана.

Дьюматсена сказал:

13. Некогда я добивался с тобой породниться;
«Но я лишился царства», — сказал; это меня удержало.
14. Такое ж твоё начинанье, давно желанное мною,
Да совершится, будь ныне гостем моим желанным.

Маркандея сказал:

15. Тогда, всех дваждырождённых созвав, находившихся
в пуще,
Оба царя совершили свадьбу согласно обрядам.
16. Выдав дочь, оставив приданое, как подобает,
Ашвапати вернулся домой, преисполнен великим
счастьем.
17. И Сатьяван был рад, получив одаренную всем хорошим
супругу,
Она ж была рада, добившись желанного сердцем мужа.
18. После ухода отца, сняла она все украшения,
Платье из грубой мочалы бурого цвета надела.

19. Свойствами всеми своими: покорностью и смиреньем,
Услужливостью, исполнительностью—она всем угодила.
20. Изготовлением одежды и другой работой, личным
почтеньем свекрови,
Свекру—богов почитаньем, сдержанной, скромной
речью.
21. Кротостью, ловкостью, ласковым словом,
Наедине услуженьем—вполне угодила супругу.
22. Так проживала она с ним, благим, в той пуще
Время в трудах проходило, срок приближался, Бхарата
23. В скорбном сердце Савитры ночью и днем раздается
Вещее слово Нарады, в мыслях оно непрестанно.

Так гласит в святой Махабхарате в книге «Лесная»
сказания о супружеской верности
третья глава.

पतिव्रतामाहात्म्यं

Глава IV

Маркандея сказал:

1. Когда уж немалое время протекло постепенно,
Приблизился срок Сатьявану, час его смертный, раджа.
2. Савитри день ото дня времени ход отмечала,
В сердце её непрестанно звучали слова Нарady:
3. «Четверо суток ещё и умрёт он». Томимая этой думой,
Почтенная выполнить хочет стоянье, ночью и днём—трое
суток.
4. Узнав об её решении, царь весьма огорчился;
Встав, обратился к Савитри с ласковым словом.

Дьюматсена сказал:

5. Царевна, чрезмерно тяжкий ты задумала подвиг,
Стояние ночью и днем слишком мучительным будет.

Савитри сказала:

6. Не тревожся, отец мой, я только обет выполняю;
В сердце он произнесен твердо, надо твердо его
исполнить.

Дьюматсена сказал:

7. Если ты связана словом, тебе не могу я перечить,
«Исполни решение»,—так посоветует каждый тебе в этом
деле.

Маркандея сказал:

8. Это сказав, Дьюматсена умолкнул, мудрый,
Савитри ж в своём стоянии остолбеневшей казалась.
9. Настало утро—канун кончины её супруга;
Объятая скорбью она стояла; и ночь протекла,
Бхарата.
10. «Ныне—тот день!»—так помыслив, пламя насытила
жертвой,
В срок, после восхода солнца, утренние свершила
обряды.
11. Затем, к дваждырожденным старцам, к свекру,
свекрови
Обратясь поочередно, смиренная стала, сложив
молитвенно руки.
12. Для предотвращения вдовства, за Савитри благие
молитвы
Произнесли все подвижники, обитатели скита.
13. Погрузясь в размышление, «Да будет так!» повторяла
Сосредоточенной мыслью Савитри, внимая гимну.
14. Рокового срока, мгновенья ожидает царевна,
В тяжкой тоске размышляя о словах Нарады.
15. Тогда свекровь и свекор к одиноко стоящей царевне
Обратились с ласковой речью, лучший Бхарата.
16. «Вот, тобой данный обет ты до конца совершила.
Настало время трапезы, приступай к ней скорее!»

Савитри сказала:

17. Только как солнце домой вернётся, по исполненьи
желанья,
Пищу приму, так я в сердце решила; это решение
исполню.

Маркандея сказал:

18. Так отказалась Савитри от пищи; пока говорила,
Подошел Сатьяван с топором на плече, он в лес
собирался.

19. Савитри сказала супругу: «Один не ходи, сделай милость! Я пойду вместе с тобой, не могу я тебя покинуть!».

Сатъяван казал:

20. В лес не ходила ты раньше, а путь утомителен будет.
Тяжким постом изнурясь, как ты пройти его сможешь?

Савитри сказала:

21. Не изнурил меня пост, не утомилась я вовсе,
Итти я твёрдо решила, не чини мне препятствий!

Сатьяван сказал:

22. Если ты твёрдо решила итти, исполню твоё желанье,
Только спроси родителей, чтоб не свершить мне ошибки.

Маркандея сказал:

- [illegible]

24. Прошу дозволения пойти, досточтимые свекровь
и свекор,
Сегодня мне с ним невыносима разлука!

25. Для принесения жертвы чтимому Агни отправляется
сын ваш.
Его удержать бы надо, если б не эта причина.

26. Я уже почти год не покидала обитель,
И живописный лес мне очень хотелось бы видеть.

Дьюматсена сказал:

27. С тех пор, как Савитри дана мне отцом в невестки,
Помнится, она к нам с просьбой не обращалась ни раз.

28. Пусть же, невестка, исполнится это твоё желание;
И позаботься, дочь, о муже твоём, Сатьяване.

Маркандея сказал:

29. Так с разрешенья обоих, прекрасная пошла за мужем,
Как будто б с улыбкой, а в сердце со жгучей болью.
30. Многоцветные, приятные рощи всюду она видала,
В них за стадами павлинов широким взор следила;
31. «Как чисты речные воды, как прекрасны цветы деревьев,
Взгляни, Савитри»,—Сатьявân ей ласковым голосом
молвил.
32. Вполне безупречная, взирая на мужа, мёртвым его
представляла,
Вспоминая о сроке, предсказанном мудрым Нарадой.
33. Вслед за супругом шла она поступью мягкой,
Сердце ж её разрывалось, срок роковой ожидая.

Так гласит в святой Махабхарате в книге «Лесная»
сказания о супружеской верности
четвёртая глава.

पतिव्रतामाहात्म्यं

Глава V

Маркандея сказал:

1. Стал с женой плоды собирать царевич,
Ими наполнив корзину, начал рубить деревья.
2. Когда он рубил дрова, пот у него появился,
От напряжённой работы голова разболелась.

Сатьяван сказал:

3. Болит у меня голова от этой тяжелой работы,
Все разломило суставы, будто горит моё сердце,
Савитри,
 4. О, молчаливая, кажется мне, нездоров я,
В голову будто бы дротик вонзился;
Прекрасная, хочется спать мне, нет сил на ногах
держаться!
 5. К нему подошла Савитри, опустилась на землю
И положила голову мужа к себе на колени.
 6. О предреченном Нарадой подвижница размышляла:
День, час, минута, мгновение в точности совпадали.
 7. В тот самый миг, человек появился в багряной одежде,
Лучезарный как солнце, прекрасный венчанный.
 8. Пепельно-бледный и огненноокий, страшный, держащий
верёвку.
- На Сатьявана смотрел он пронзительным взором.

9. Увидев его, она вскочила, отстранив осторожно голову
мужа,
Руки молитвенно сжав, сказала с трепещущим сердцем:
10. «По красоте неземной я узнаю в тебе бога;
Благоволи сказать, владыка, кто ты и что хочешь делать».

Яма сказал:

11. Ты предана мужу, Савитри, и подвигам предавалась
Поэтому я отвечу: ты видишь, прекрасная, Яму.
12. Недолговечен супруг твой, Сатьяван царевич,
Связав, его унесу—вот что намерен я делать!

Савитри сказала:

13. Говорят, своих вестников к людям ты посылаешь,
владыка,
Так почему ж, светозарный, его увести ты сам явился?

Маркандея сказал:

14. На эти слова ответил чтимый владыка предков,
Благоволил разъяснить ей всё, что желал совершить он.
15. «Муж твой—хранитель закона, доблестей всех
преисполнен, прекрасный;
Слуг посылать за ним мало, сам я за ним явился».
16. Тогда, Сатьявана покорное тело связав верёвкой,
Яма насильно извлёк из него, мерой в палец, душу.
17. Лишённый жизни, лишённый дыханья, красоты
лишённый,
Безразлично-застывший труп был неприятен видом.
Яма же, душу его связав, отправился к югу.
18. Савитри, поражённая скорбью, также пошла за Ямой,
Совершенно обет держащая, причастная великой доле,
верная мужу.

Яма сказал:

19. Возвратись, иди, Савитри, соверши его погребенье;
Со смертью мужа ты свободна от долга, иди своей
дорогой.

Савитри сказала:

20. Куда моего супруга уводят иль куда сам он уходит,
Туда и мне подобает идти—таков закон непреложный.
21. Ради подвига, благоговения к гуру, любви и брачных
обетов,
И твоего милосердия ради—не преграждай мне дороги!
22. Именуют постигшие мудрость семиступенной дружбу;
Первенство брака признав, внемли тому, что скажу я.
23. Познавшие Атмана разнообразно,
В лесах выполняют дхарму: пустынножительством,
трусами;
Мудрецы превозносят Дхарму,
Поэтому Дхарму признают наивысшим.
24. По мысли благих всем избрать подобает
Одного только долга дорогу;
Желать другого иль третьего не подобает,
Поэтому Долг именуют наивысшим.

Яма сказал:

25. Вернись, я доволен твоими словами,
Их выражением, складом, звучаньем;
Так избери, безупречная, дар, какой хочешь,
Дам я любой, кроме жизни супруга.

Савитри сказала:

26. Ослепший мой свекор, лишившийся царства,
Ушел, как изгнанник в лесную обитель;
Пусть мощному радже вернется зренье
Твоим милосердием, солнцеподобный!

Яма сказал:

27. Я этот дар, безупречная, предоставлю:
Как ты сказала, пускай так и будет;
Но кажешься ты утомленной тяжелой дорогой,
Вернись, уходи, не утруждай себя больше.

Савитри сказала:

28. Не знаю усталости возле супруга,
Путь мужа — мой путь неизменный;
Куда ты уносишь мужа, туда и я направляюсь;
Но внемли дальнейшим моим словам, богов владыка.
29. Общение с добрым — желанное благо,
«Наивысшая дружба»—его так именуют;
И встреча с благим человеком не может остаться
бесплодной,
Поэтому к обществу добрых всем нужно стремиться.

Яма сказал:

30. Сказала ты слово, что сердце смягчает,
Оно справедливо, разумно и возвышает разум;
Царевна, прими второй дар, какой хочешь,
Только не жизнь Сатьявана.

Савитри сказала:

31. Пусть раньше отнятое царство,
Царь, мудрый мой свекор, получит обратно,
Но так, чтобы этим почтенный не нарушил правды;
Второй этот дар у тебя выбираю.

Яма сказал:

32. Царь скоро вернет свое царство
И не нарушит он этим правды;
Желанье твое я исполнил, царевна,
Иди ж, возвращайся, не утруждай себя больше.

Савитри сказала:

33. Тобой укращаются все поколения,
Покорив, ты их властно уводишь;
Тебя «Укротитель» назвали за это;
Внемли ж, владыка, словам мною пропетым.
34. Невраждебность ко всем существам, помыслом, словом,
делом,
Приветливость, щедрость—это благих нерушимая правда.
35. Много людей на свете, их силы различны,
Но только благие равно милосердны к недругу, к другу.

Яма сказал:

36. Как в жажду приятен напиток,
Так приятно тобой сложенное слово,
Избери, прекрасная, третий дар, какой хочешь,
Но не жизнь Сатьявана.

Савитри сказала:

37. Владыка земли, мой отец бездетен,
Сто кровных сынов пусть родит он;
Да совершится продление рода;
Этот третий твой дар выбираю.

Яма сказал:

38. Прекрасная, у твоего отца пусть будет
Сто славных сынов для продления рода;
Желанье твоё я исполнил, царевна,
Так возвращайся, далекий ты путь избрала!

Савитри сказала:

39. Мне путь недалёк близ супруга
И сердце моё устремляется в дали,
Теперь я продолжу начатое слово,
Что дальше скажу, послушай владыка.

40. Ты—сын Вивасвана, величия полный,
Мудрецы Вайвасвантом тебя именуют,
Все существа соблюдают единую правду,
И тебя называют «Владыка правды».
41. Быше доверья, чем к добрым, в нашей душе не бывает,
Вот почему все стремятся к расположению добрых.
42. Вызывает доверье, ко всему сущему дружба,
И потому так охотно к добрым доверчивы люди.

Яма сказал:

43. Речей, подобных твоим, прекрасная, слышать
Мне не случалось где-либо; я ими доволен;
Чётвертый мой дар, но не жизнь Сатьявана,
Ты выбери снова и возвращайся!

Савитри сказала:

44. Пусть кровных детей я рожу Сатьявану,
Пусть род нас обоих продлится:
Дай сто сыновей мне отважных, могучих—
Этот четвёртый твой дар выбираю.

Яма сказал:

45. Сто сыновей ты родишь отважных, могучих,
Силой своей они тебя радовать будут,
Вернись, не утруждайся чрезмерно, царевна,
Слишком далёкий путь ты избрала.

Савитри сказала:

46. Вечная дхарма—путь жизненный добрых,
Не унывают благие, не поддаются сомнению;
Общение с добрым плод добрый приносит,
Добрый не вызовет в добром боязни.
47. Истине добрых и солнце покорно,
Земля стоит подвигом добрых,
Добрые—путь всех существ и начало,
Между благих не погибнут благие, раджа!

48. Приятен арийцам такой образ жизни, он вечен;
К великой цели стремясь, добрый не ищет награды.

49. Но в людях любовь живёт не напрасно:
Вознаграждение и честь не погибнут.
Это у добрых—закон неизменный,
Добрый всегда готов стать на защиту.

Яма сказал:

50. Чем лучше ты Дхарме слагаешь хваленье,
Прекрасное, мерное, светлое слово,
Тем лучший мой дар выбирай последний,
В силу твоей любви, о верная мужу!

Савитри сказала:

51. Благое даянье твое безусловно,
Условными прежние были дары, милостивец,
Жизнь Сатьявана как дар выбираю,
Ведь как мёртвая я без супруга!

52. Без мужа мне счастья не надо,
Без мужа не надо света,
Не надо радости мне без супруга,
Я жить не хочу, утратив мужа.

53. Сто сыновей мне в дар обещал ты,
И обещав—уводишь мужа.
Жизнь Сатьявана как дар выбираю,
Тогда лишь исполнится слово твоё, могучий.

Маркандея сказал:

54. Выслушав это, узы его расторг сын Солнца, Яма;
Радостно владыка закона к Савитри так обратился:

55. «Мир тебе, муж твой свободен, о рода надежда, иди же
Здоровым его уводи, он будет счастлив.

56. Вы проживёте вместе четыре столетья,
Правдой и жертвами он в этом мире заслужит славу.

57. От Сатьявана сто сыновей у тебя родятся:
Все эти витязи—раджи, будут иметь сынов, внуков,

58. Будут носить твоё имя, в роды и роды продлятся.
У твоей матери сто сыновей от отца твоего родится;
59. Малавья зовётся их мать, они ж назовутся малавцы
в сынах и внуках;
Кшатрии, будут подобны тридцати богам твои братья».
60. Пожаловав эти дары, пресветлый владыка закона,
Отпустил Савитри, и в своё царство вернулся.
61. Яма ушел, а Савитри, вымолив мужа,
К тому месту пошла, где бренное тело супруга лежало.
62. Увидав его долу, она подошла, обняла супруга,
К себе на колени взяла его голову, сев подле на землю.
63. Вновь получив сознание, он обратился к Савитри,
Взирая с любовью всё снова и снова, как после долгой
разлуки.

Сатьяван сказал:

64. Ах, очень долго проспал я, ты почему не будила?
Где же тот человек, что меня увлекал куда-то?

Савитри сказала:

65. Долго ты спал, могучий, здесь у меня на коленях;
Сюда приходил досточтимый дэва, людей укротитель,
Яма.
66. Ты отдохнул, счастливый, проснулся, царевич,
Погляди, наступает ночь, встань, если только можешь

Маркандея сказал:

67. Когда вернулось к нему сознание, как после хорошего
сна, Сатьяван поднялся,
По сторонам огляделся, дебри окинул взором.

Сатьяван сказал:

68. Я в лес за плодами ушел, прекрасная, с тобою вместе;
Потом, когда рубил дрова, голова у меня разболелась.

69. Измученный головою болью, я на ногах не держался,
И на твоих коленях заснул, прекрасная, так вспоминаю,
70. Ты обняла, и сознание в глубокий сон погрузилось;
В глубокой тьме очутясь, я увидал исполина,
71. Если его ты узнала, стройная, кто он, скажи мне.
Или во сне я видал, иль наяву это было?
72. Тогда отвечала ему Савитри: «Ночь наступает,
Завтра тебе расскажу я все по порядку, царевич.
73. Мир тебе, бодро вставай, вспомни родителей, верный,
Ночь наступила и скрылся Владыка света.
74. Вылезит ночная нежить, страшная чарами злыми,
Слышно шуршание листьев, звери в лесу шевелятся,
75. Завыли на юго-запад ужасные, злые шакалы.
Они своим воем тяжко мне сердце тревожат».

Сатьяван сказал:

76. В ужасном лесу, окутанном страшным мраком,
Ты не найдёшь дороги, итти не будешь в силах.

Савитри сказала:

77. Я нынче видала зажженный пень в этой пуще,
Только ветер подует, появляется пламя местами.
78. Сюда принесу огонь и разожгу повсюду;
Вот здесь есть деревья, так отбрось кручину!
79. Если не можешь итти, значит ещё ты болен,
В лесу окутанном мглою, ты не найдёшь дороги.
80. Если позволишь, мы утром пойдём, когда лес озарится;
Переночуем же тут, безупречный, если тебе угодно.

Сатьяван сказал:

81. Унялась головная боль, тело моё здорово,
Мать и отца хочу видеть, ты мне итти поможешь.

82. Ведь никогда на ночь глядя не уходил я из дома,
Мать, только вечер наступит, не позволяет итти мне.
83. Даже и днем, когда выйду, родители оба в тревоге.
В сопровожденьи пустынников ищет меня отец всюду.
84. И прежде отец мой и мать не раз в большом страдании оба
Так меня упрекали: «Как часто приходишь ты слишком
поздно».
85. Подумай, из-за меня, что они терпят сегодня!
Тяжко скорбеть они будут, если меня не увидят.
86. Старики говорили и раньше, по ночам надо мной
склоняясь,
Острой тревогой томимы, движимы страстной любовью:
87. «Тебя лишаешь, сынок, не проживем и мгновенья,
Сколько, сынок, проживешь, столько и мы будем
живы.
88. Старцев ослепших ты зренье, держится род наш тобою,
В тебе—наши жертвы, слава, продление рода».
89. Мать уж стара, стар и отец мой; я—их опора, конечно.
90. Я на свой сон негодую: из-за него мой родитель
И кроткая мать обо мне в такой сильной тревоге.
91. Я также охвачен тревогой, томлюсь тяжким горем:
Мать и отца утратив, жить не смогу я дольше.
92. Ясно: душевно взволнован отец мой ослепший,
И поминутно отшельников он обо мне вопрошает.
93. Не о себе я скорблю, прекрасная, но об отце
сокрушаюсь,
И о матери дряхлой, вслед за супругом идущей.
94. Из-за меня они ныне так жестоко страдают;
Их жизнью живу, они же—моей существуют.
Я постоянно их радовать должен, хорошо это знаю.

Маркандея /сказал:

95. Родителей чтущий, их радость, набожный, так
Громко рыдал, руки закинув в печали, говорил он,
96. Видя супруга в унынии, с очей вытирая слезы,
Стала его утешать, твердая духом, Савитри.
97. «Если свершила я подвиг, если я жертвы творила,
Свекровь и свекор мои этой ночью счастливыми будут.
98. Помню, неправды, даже случайно, не говорила я прежде;
Наших родителей пусть эта правда поддержит».

Сатьяван сказал:

99. Видеть родных желаю, в путь торопись, Савитри,
Если я мать и отца в несчастьи увижу,
Жить я не стану, стройная, сам с собой покончу.
100. Если ты долгу покорна, если ты хочешь, чтоб жил я,
Если хочешь мне сделать радость, вернёмся в обитель!

Маркандея сказал:

101. Тогда, заплетши косы, красавица Савитри встала,
Супругу помогла подняться, поддержала за плечи.
102. Встал Сатьяван, растирая руками суставы,
По сторонам оглянувшись, посмотрел на корзину;
103. Но возразила Савитри: «Завтра плоды принесёшь ты,
Для безопасности всё же этот топор захвачу я».
104. К склонённым ветвям, подвесив корзину с грузом,
Топор захватив, в обратный путь она пошла близ мужа.
105. К себе на плечо положила левую руку супруга,
Правой его обнимая, тихо, как слон, выступала.

Сатьяван сказал:

106. Путь мне знаком, робкая, здесь проходил я часто,
Вижу сиянье луны между ветвями деревьев.

107. Этим путём проходили мы вместе, плоды собирая,
Возвращайся, прекрасная, той же дорогой, иди, не
сбиваясь.

108. В гуще этих кустов раздвоится наша тропинка,
Той, что на север дорогой иди, торопись же!

109. Я бодр и здоров, очень хочу обоих родителей видеть»
Так говоря, он спешил, направляясь в обитель.

Так гласит в святой Махабхарате в книге «Лесная»
сказания о супружеской верности
пятая глава.

पतिव्रतामाहात्म्यं

Глава VI

Маркандея сказал:

1. Вдруг просветлели очи могучего Дьюматсены;
В это самое время, он ясно стал видеть.
2. И всю обошел обитель вместе с Шайбьй, женою,
В тяжелой тревоге за сына, о, лучший Бхарата.
3. Пустынь, леса, реку, озера они обыскали,
Вместе скитались оба, муж и жена, этой ночью.
4. Случайный ли шум раздастся, слушают, с мыслью о сыне:
«Вот идут Сатьяван с Савитри!»—так они восклицают.
5. Камыш им изранил ноги, оба забрызганы кровью,
Оба в колючих занозах, как обезумели оба.
6. Тогда, истомленных, брамины, что обитали в пуще,
Обступив, утешали, привели в обитель.
7. Здесь вместе с супругой тот царь, в кругу благочестивых
старцев,
Внимал назиданиям разным, преданьям о древних
раджах.
8. Старики, успокоясь немного, сына мечтая увидеть,
Сильно скорбя, вспоминали случаи из его детства.

9. И жалобно снова они восклицали, мучимые горем:
«Милый наш сын скажи нам, где ты, о, где ж ты!»—
рыдали.

Брамин Суврача сказал:

10. Жив Сатьяван, в том порукой благочестье, смирение,
Подвиг духовный Савитри, его супруги.

Гаутама сказал:

11. Изученьем Вед и Веданты я накопил заслуги,
Во славу гуру и Агни с юности нёс воздержанье.
12. Строго хранил обеты, строгий пост соблюдая,
Воздухом только питался по предписанью закона,
13. В силу заслуг моих многих я обладаю прозреньем:
Постигните эту правду: в живых Сатьяван остался!

Ученик сказал:

14. Что изрекает учитель, всегда сбывается точно,
Не ошибался он раньше: жив Сатьяван этой правдой.

Риши сказали:

15. В силу того, что Савитри носит все лучшие знаки,
Останется жить Сатьяван, не предстоит овдоветь ей.

Бхарадваджа сказал:

16. Жив Сатьяван, в том порукой благочестье, смирение,
Подвиг духовный Савитри, его супруги.

Даулбхья сказал:

17. Как ты прозрел, как Савитри верно обет свой сдержала,
Пост соблюла, так верно, что жить Сатьяван остался.

Апастамба сказал:

18. Спокойны стороны неба, звери и птицы вещую
Царственный рок тебе, раджа, значить жить Сатьяван
остался.

Дхаумья сказал:

19. Добрыми свойствами сын твой, друг всех людей,
обладает,
Знак долголетия он носит, значит он жить остался.

Маркандея сказал:

20. Утешен отшельников правдой, успокоясь немного, Царь стал искать причины, задержавшей сына.
21. Вдруг Сатьяван появился, с ним и его супруга, Ночью, придя в обитель, радостно они явились.

Брамины сказали:

22. Раджа, ты встретился с сыном, он тебя зрячим видит,
О всём происшедшем мы вас вопрошаем, раджа.
23. Сын твой вернулся, ты снова видишь Савитри,
И получил прозрение,—ты вознесён тройным счастьем.
24. Что мы тут все сказали, сбудется без сомненья,
Скоро всё больше и больше будет расти твоё счастье.

Маркандея сказал:

25. И дваждырожденные там огонь разложили,
Почтив Дьюватсену как махараджу, Партха.
26. Подле стояли Шайбья, с ней Сатьяван и Савитри,
По их приглашенью, все беспечально уселись;
27. Сидя кругом возле раджи, пустынные начали, Партха,
С большим, живым интросом спрашивать царского сына.

Риши сказали:

28. Отчего ты с женой не явился раньше, владыка?
И отчего только ночью ты возвратился, чем был задержан?
29. Мать и отец истрадались, мы с ними вместе, царевич,
Знать бы хотелось причину, благоволи рассказать нам.

Сатьяван сказал:

30. Я, с дозволения отца, ушел вместе с Савитри;
В лесу, когда колол дрова, у меня голова
разболелась,
31. От этой болезни я, кажется, спал очень долго;
Так длительно спать мне никогда не случалось раньше.
32. Достопочтенные, верьте,—горе нас всех да минует—
Только в этом причина, что я вернулся так поздно ночью.

Гаутама сказал:

33. А по какой причине прозрел Дьюматсена, отец твой?
Если тебе неизвестно, быть может Савитри скажет?
34. Мы бы хотели послушать, ты происшедшее знаешь,
Савитри,
Ведомо нам, что с богиней Савитри ты сходна
блеском.
35. Ты здесь причина, так объясни нам правду,
Если какой-либо тайны ты не хранишь, расскажи нам.

Савитри сказала:

36. Выслушав ваше желанье, охотно исполню просьбу,
Никакой у меня нет тайны, слушайте, как всё случилось.
47. Великий риши Нарада мне предсказал, что супруг мой
Ныне умрет и сегодня не покидаю я мужа.
38. Только уснул он, как Яма и слуги его появились:
К праотцам мужа увлечь, крепко связав, хотел Яма.
39. Я восхвалила бога, правдивым словом владыку
Он мне внимал и пять даров предложил мне выбрать.
40. Вернул он свекру зренье и царство—два первых дара,
Сто сыновей дал отцу, и я также сто сыновей получила;
41. Мужу и мне обещал он возраст—четыре столетия,
Ведь ради спасения мужа я свой обет выполняла.

42. Вот я правдиво, подробно поведала вам причину,
Как превратилось в пресветлую радость моё великое
горе.

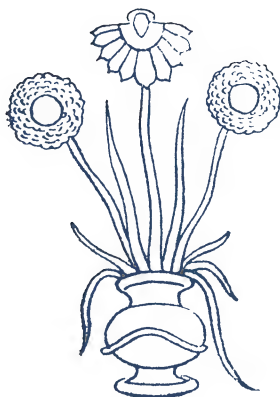
Риши сказали:

43. В мрачной пучине постигнутый горем,
Род властелина народов спасла ты,
О добронравная, верная мужу,
Правдивая, чистая, знатная родом.

Маркандея сказал:

44. Воздав так хвалу и почтенье
Наилучшей из женщин, простились риши
С владыкой народов, его царственным сыном
И радостно в кельи они удалились.

Так гласит в святой Махабхарате в книге «Лесная»
сказания о супружеской верности
шестая глава.

पतिव्रतामाहात्म्यं

Глава VII

Маркандея сказал:

1. Ночь миновала; ликуя поднялся лик лучезарный Солнца.
После свершенья обрядов, вновь собрались старцы.
2. О большом счастье Савитри, о её великой доле,
Они царю Дьюматсене твердили снова и снова.
3. Тогда появились люди из шалвского царства, властитель;
Они известили, что враг тот был убит своим придворным:
4. Советники же узнав, что он убит со свитой, с родными,
О случившемся извещают, а также о бегстве
враждебного войска.
5. «Единослитно стремится мысль всех людей к владыке:
Зрячий ли он, иль ослепший, пусть он царём нашим
будет!
6. С этим мы посланы и пред тобой явились, властитель!
Вот колесницы готовы и четырехчленное войско.
7. Счастливо в путь собирайся, раджа, в городе все
восклицают: победа!
Долго владей своим царством, древним отцовским
наследьем».
8. И увидав его зрячим, царственным и величавым,
Очи раскрыв в изумленьи, все пали на землю.

9. Раджа, приветствовал старцев, пустынных той пущи,
Ими всеми почтённый, к городу путь свой направил.
10. Шайбья вместе с Савитри счастливо на превосходной,
Влекомой людьми, колеснице двинулись вместе
с войском.
11. Жрецы-пуропиты раджу благословили на царство;
Великодушного ж сына его явуа-раджей брамины
провозгласили.
12. Ширилась слава Савитри долгое, долгое время;
Она сто сыновей родила, витязей, вспять не глядевших
в битве;
13. И у неё были братья: сто благородных, прекрасных,
могучих

Сынов царицы Малавьи от Ашвапати, владыки мадрасов.
14. Вот как себя, отца, мать, свекра, свекровь, мужа —
род весь

Освободила Савитри от безысходных страданий.
15. Также спасёт Драупади, верная, добрая нравом,
Всех вас, подобно Савитри, свой род сохранившей.

Вайшампаяна сказал:

16. Великодушный сын Панду, утешенный этим рассказом,
Жил беспечно, спокойно в дебрах Камьяка, раджа.

17. Кто превосходный рассказ о Савитри благоговейно
прослушал,
Преуспевать во всём будет, его не коснётся несчастье.

Так гласит в святой Махабхарате в книге «Лесная»
сказания о супружеской верности
седьмая глава.

Закончено сказание о супружеской верности

ПРИМЕЧАНИЯ

СКАЗАНИЕ О НАЛЕ

(Эпизод из *Махабхараты*, III, 2073—3099)

Глава I

1. «*Наль*» — в переводе принята привычная для русского уха транскрипция индийского имени «Нала», означающего «тростник». Имя «Вирасена» означает «мощное войско».

3. В целиком хвалебной характеристике Наля страсть к игре в кости не выставляется как отрицательная черта, но лишь как необходимая для дальнейшего развития повести и характера героя.

4. *Ману* — легендарный мудрец и законодатель Индии. Слово означает «мыслитель».

5. *Бхима* — «страшный» — одно из любимых имён раджей, часто встречающееся в эпической литературе.

6—9. *Даман* значит «укротитель»; имена детей Бхимы все происходят от одного корня и означают «укротитель» (Дама) и «укрошённый» (Данта). *Дамаянти* также значит «укротительница». Эти имена надо понимать в том смысле, что носящий их обладает способностью владеть собой, укрощать свои страсти. Способность самообладания очень высоко ценилась в эпической литературе. По буддийским легендам («Джатака») *Дамаянти* есть одно из предшествовавших воплощений Гаутамы Будды.

13. *Шри* (Лакшми) — богиня красоты.

Якша — мифические существа, полубоги.

15. «*Тигр среди людей*» — обычный эпический эпитет героя, выражающий не свирепость, а царственность, силу: в Индии тигр считается «царём джунглей» (ср. «Наль», гл. XII). Эпитет соответствует эпитету «лев» западной культуры.

16. *Кандарпа* — бог любви, соответствует греческому Купидону.

19. *Фламинго* — индийский гусь, птица, которую народная фантазия наделяет особыми чудесными качествами.

27. *Ашвины* — «Всадники» аналогичны героическим Близнецам-Диоскурам, олицетворение Вечера и Утра, боги красоты.

29. *Гандхарвы* — мифические небесные музыканты.

«*Змии*» — мифические существа, живущие под землей в особом царстве; мудрецы и маги. О встрече Наля с таким существом повествует XIV глава поэмы.

Ракишазы — демоны, злые духи, противники богов и героев.

Глава II

1. *Бхарата* — обращение рассказчика к царевичу Юдхиштхире (см. комментарий). Это обращение не раз встречается в текстах поэм.

9. *Выбор мужа* — обычай явно матриархального происхождения. О подробностях повествует гл. V.

14. *Нарада, Парвата* — мифические существа, учителя богов (дэва — риши), часто фигурирующие в эпосе, особенно первый из них (ср. Савитри). Оба — излюбленные эпосом посредники между людьми и богами.

15. *Магхава* — эпитет «царя богов», Индры. Индра — громовник, сражающийся с врагами света (тучами) и развезжающий на белом слоне. Это — герой и кшатрия среднего неба, где находится его царство; некогда, в ведический период, Индра играл выдающуюся роль, но в эпический период его значение уже сильно поколебалось.

17. «*Убийца Балы и Вритры*» — эпитет Индры; Бала и Вритра — демоны, олицетворение грозowych туч.

18 и 19. *Кшатрии*, с честью закончившие свою жизнь на поле брани, попадали в мир Индры, вот почему Индра называет их своими милыми гостями (ср. скандинавское верование, что викинги, с честью погибшие на поле брани, попадают в Валгалу, куда их уносят Валькирии, дочери Водана).

«*Корова желаний*» — мифическая корова, исполняющая желания тех, кто попал в мир Индры.

20. *Шакра* — эпитет Индры; слово значит «мощный», «помощник».

24. *Агни* — Огонь, один из главных богов индийского пантеона.

26. «*На колесницах*» — у каждого бога была своя «колесница» или верховое животное, символизирующее качество, потенцию данного божества. Так, колесница Индры — белый слон Айравата — символ мощи, опорности.

27. *Каунтея* — сын Кунти: обращение рассказчика к царевичу Юдхиштхире. Бхарата есть родовое имя царевича по отцу, Каунтея — по матери. Оба имени широко употребляются в эпосе, что лишний раз свидетельствует о сохранности матриархата в ту пору.

28. «*На земной равнине*» — буквально на поверхности земли.

Манмат — бог любви (ср. прим. к I, 16).

Глава III

1. *«Руки сложив как должно»* — обычный молитвенный жест: руки сложены ладонями и согнуты в локтях.

4. *«Морей повелитель»* — Варуна — одно из древнейших божеств ведического пантеона, очень чтимый в ранний ведический период; сначала — бог ясного неба и символизируемой небом закономерности, потом, в эпоху эпоса, — повелитель океана, отражающего небо.

5. *Яма* — владыка усопших; о нём подробнее смотреть Савитри гл. V.

9. *«Владыка богов»* — этот эпитет обычно относится к Индре, но здесь он отнесен к Агни.

11. *Дайти, Данавы* — мифические существа.

Глава IV

1. *«Чем пред тобой я виновна»* — подразумевается «что ты от меня отказываешься».

10. *Яма* — владыка закона, правды, справедливости — все эти оттенки заключаются в слове «дхарма».

30. *«Тридцати светозарных владыки»*. Тридцать главных богов индийского пантеона. Наль всех богов, с ним беседующих, называет «владыками тридцати светозарных», что вполне в духе индийской религии: в гимнах, при восхвалении каждого из богов, к прославляемому богу обращаются как к главному, наивысшему, а иногда и единственному.

Глава V

1. *«Счастливые час», «чистый день луны»* — понятия астрологические, которыми руководились желая обеспечить себе удачу.

2. *«Счастливые знаки»* — астрологическое понятие. В древности верили, что «звёзды» налагают свои «знаки» на людей и животных. Наль по таким «знакам» выбирает лошадей для своей, решающей его судьбу, поездки, по таким же знакам отшельники предсказывают благополучный приход Савитри и Сатьявана. «Пятиголовые змии» см. прим. к I, 29.

7. *«Наг»* — «змий», см. прим. к I, 29. Страна Бхогавати — подземное царство змиев-мудрецов.

«Подобно пещере» и пр. Несколько утомительное повторение слова «подобно» в этой и предыдущих шлоках отражает аналогичное повторение, существующее в подлиннике.

12. В подлиннике шлока также состоит из одной строки. В Нале и Савитри существует несколько отступлений от точного строения шлоки: некоторые шлоки содержат только одну строку, другие же три вместо двух. Везде в переводе это отступление отражено.

22. *Пуньяшлока* — прозвище Наля, значит «достохвальный»; так этот эпитет и переводится в дальнейшем.

28. В этой шлоке описаны ритуальные действия, выражающие избрание девушкой жениха.

37. «*Жертв пожиратель*» — Хуташа — эпитет Агни.

40 и 41. «*Брак*», «*свадебный пир*» — оба эти термина в подлиннике выражены одним и тем же словом; надо думать, что в 40 шлоке речь идёт об обряде брака, как таковом, а в 41 — о брачном пире, на котором женихи, претендовавшие на руку Дамаянти, уже не присутствуют.

43. *Шачи* — супруга Индры, его женская ипостась, его «шакти», то есть «сила». Имя значит «благосклонность», «участливость».

44. *Ашвамедха* — жертвоприношение коня, самое торжественное из ведических жертвоприношений, сопровождающееся особенно обильной раздачей даров браминам и стоящее очень дорого. Совершение ашвамедхи вменялось радже в особую заслугу и имело политическое значение, так как является выражением претензии совершающего этот обряд раджи на политическое первенство, как «великого раджи» (махараджи). В переводе дан подлинный термин и его толкование, в подлиннике же, разумеется, употреблён только термин, понятный сам собой.

48. «Индрасена» значит «воинство Индры».

Г л а в а VI

1. *Кали* — название той игровой кости или той её стороны, которая носит одно очко. Здесь Кали олицетворён как злой дух азартной игры. Двапара — название кости или её стороны, носящей два очка. Комментаторы дают противоречивые указания о подробностях древней игры в кости и поэтому детали, упоминаемые в поэме, остаются неясными.

9. «*Четыре Веды*» — 4 сборника священных гимнов, наиболее древний и наиболее чтимый литературный памятник ведийской религии Акхьяна — рассказ, легенда — часть священного писания индийцев.

10. «*Невреждение*» — ахимса, одно из основных качеств, требуемых индийской нравственностью.

12. «*Сам себя погубит*» т. к. несправедливо произнесенное проклятие, по закону «кармы» — причинно-следственного воздаяния — падает на голову проклинавшего.

15. «*Окажи мне помощь*» — здесь сказывается известная невыдержанность поэмы: в дальнейшем Кали действует самостоятельно, о Двапаре нет и речи, так что образ его оказывается совершенно ненужным. Возможно, это есть след другого, не сохранившегося варианта поэмы.

Г л а в а VII

3. «*Ног не очистив*» — речь идёт о ритуальном очищении. Вина Наля заключается в том, что он приступил к молитве, не совершив предписанных очищений и тем оскорбил богов и нарушил закон.

4. «*Проникнув, явился Пушкаре*». Раз овладев Налем, Кали мог свободно «входить» и «выходить», пользуясь Налем, как «жилищем». Пушкара — младший брат Наля. Слово это имеет много разнообразных значений; основное это: «цветок глубокого лотоса».

6. «*Бык*» — название главной, лучшей кости игры. Смысл этой шлоки довольно тёмный, так как подробности древней игры в кости неясны. Общий смысл сводится к тому, что Налю «отведены глаза» и он принимает лучшую кость за худшую.

11. «*Больного*» — поэт подчёркивает болезненность увлечения Наля.

14. *Бхайми* — дочь Бхимы, родовое имя Дамаянти по отцу.

Глава VIII

4. *Брихасена* — слово значит «великое войско».

Глава IX

8. *Махараджа* — великий раджа — обращение к Юдхиштхире.

Глава X

24. *Адितья* — потомок Адити, Безконечности. Это — родовое имя главных ведийских богов. В данном случае речь идёт о Солнце.

Вазу — мифические существа, полубоги; Рудры и Маруты — боги грозы и ветра; Дхарма — Яма — владыка закона и его воплощение.

26. «*О дружбе*» — в эпосе «дружбой» часто именуется брак (ср. Савитри гл. V, 22.).

Глава XI

4 и 6. Здесь, повидимому, содержится намёк на сл. слова свадебного ритуала: «Я беру твою руку для брачного счастья, для того, чтобы ты долго пребывала со мной, твоим супругом. Бхага, Арьяман, щедрый Савитар — боги дали мне тебя в супруги (ср. Риг Веда X, 85, 42 и Ашвапаяна — Грихасутра); «останься здесь, не иди к другому, достигай преклонного возраста, играя с детьми и внуками, радостно пребывая в собственном доме» (Риг Веда, X, 85, 42).

20. «*Орлица морская*» — образ морской орлицы часто используется в индийской поэзии для изображения женской скорби, особенно причитаний вдовы.

Глава XII

1—5. Эти шлоки содержат почти голое перечисление различных зверей и растений. Многие из этих названий не отождествлены.

7. *Пишачи* — блуждающие огоньки, мифологически представляемые злыми духами; змии — в мифологическом смысле (см. прим. 1, 29); *Ракшасы* — злые духи, демоны-людоеды.

20. *Рудра* — владыка богов грозы, впоследствии отождествлённый с Шивой, членом браманической триады; «раджа лесов» — тигр.

24. «*Ариец*» — здесь в смысле «благородный, добрый».

40. «*Ашока*» — буквально «без горя» — название дерева, цветущего ранней весной и по верованию древних индийцев приносящего счастье. Целый ряд поверий связывает это дерево с моментами любви и брака (ср. ниже, XII, 102—108).

50. «*Чёрный*» — чернота, как признак красоты не раз упоминается в эпосе. Имена любимых героев эпоса — Кришна, Рама также означают «Чёрный». Возможно, что в этом надо видеть дравидическое влияние на эпос, тем более, что сказания о Кришне определённно не ведического происхождения.

54. «*Царь слонов*» — Айравата, на котором ездит Индра.

58. *Амрита* — напиток бессмертия, аналогичен греческому нектару, амброзии.

63. *Риши* — мудрецы-учители: Атри, Васишта, Бригу — имена особо прославленных риши, принадлежащих к семернице великих риши (7 звёзд Большой Медведицы); Васиште предание приписывает создание обоих великих эпосов индийцев — Махабхараты и Рамаяны.

64. *Муни* — мудрецы-молчаливники.

65. «*Стада обезьян*» — в Индии обезьяны считаются священным животным: Рамаяна повествует, что Хануман, царь обезьян, был другом и почителем Рамы и его «лесной народ» помогал Раме отыскивать Ситу, его похищенную жену.

69. «*Что мы можем (тебе) сделать?*» — традиционный вопрос хозяина гостю. Дальнейшие строки передают традиционные вопросы гостя.

81. «*Веданта*» — букв. «окончание Вед» есть особый отдел священного канона индийцев, к которому принадлежат Упанишады, излагающие традиционную философию ведантистов.

127. «*Шучи*» значит «чистый».

130. Последняя полушлока — клятва, подтверждающая правильность сказанного. Шучи клянётся Манибхадрой, как хранителем сокровищ и покровителем купцов.

Глава XIII

23. *Вайшраван* — родословное имя по отцу Манибхадры — Куберы, хранителя сокровищ и покровителя купцов (ср. XII, 130).

25. В этих шлоках выражены различные суеверия, в частности убеждение, что человек в несчастьи приносит и другому несчастье, как бы «заражает» им, а потому является «зловещим».

33. Учение ведантистов о перевоплощении основано на «законе кармы»: всякое действие влечет за собой неизбежно следствие, а так как не все действия человека порождают следствия, в смысле воздаяния за них в данной жизни то—так рассуждают ведантисты—необходимо, чтобы человек снова жил в том или ином теле, чтобы осуществился причинно-следственный ряд. Дамаянти, не находя причин постигшим ее несчастьям в этой жизни, высказывает предположение, что они являются следствием грехов, совершенных ею в прошлых существованиях.

38. Не только караванщики, но и сама Дамаянти объясняет гибель каравана «несчастной судьбой», преследующей ее.

44. «Осенней луне подобна», т. е. затемненная горем, как осенняя луна облаками. Один из любимых образов эпоса, выражающих горе, особенно женское.

63. Поэма не обосновывает, почему Дамаянти скрывает от приютившей ее тетки свое имя и имя мужа, тогда как при других встречах она охотно рассказывает свою родословную. Момент умолчания требуется только «интригой» поэмы и поэтому с художественной точки зрения является ошибкой.

68. Дамаянти ставит условие не есть объедков, так как это запрещено законом для высших каст; следовательно, ставя такое условие, Дамаянти даёт понять, что она принадлежит к одной из высших каст. Остальные же условия, — обет, налагаемый Дамаянти на себя добровольно, в знак скорби.

69. *Сунанда* значит «чертог».

Глава XIV

3. «Царь змиев» — см. прим. 1. 29.

4. *Каркотака* — значит «рак» в зоологическом и астрономическом смысле.

5. В этом месте Жуковский вставил сочинённый им рассказ Каркотаки о том, как именно он обманул Нарadu.

7. «*Наги*» — змии, представлялись то в человеческом, то в змеином образе и поэтому в данной шлоке говорится о нагах.

9. «*Мерой в палец*» — это «мера души» (ср. Савитри V, 16); возможно, что здесь говорится о «пуруше», душе змия.

10. «*На десятом шаге*» — указания змия имеют магическое значение, более подробно не развитое и не использованное в поэме.

20. *Ритупарна* — «хорошо оперённый»; Вахука — «возничий».

22. *Икшваку* — легендарный царь солнечной династии, часто упоминаемый в эпосе.

25. Появление неизвестно откуда «дивной одежды» объясняется магическими способностями змия.

Глава XV

7. *Судэва* — «добрый бог».

Глава XVI

10. *Рассуждение Судэвы* — образец традиционных упражнений индийской логики, во многом отличающейся от греческой.

11. «*Чёрную*» — т. е. прекрасную (ср. XII, 50).

11—12. Речь идёт о богине Шри, с которой Судэва сравнивает Дамаянти.

14. Луна, похищенная (демоном) Рагу, — луна в момент затмения.

37. «Певец» — брамины пели гимны во время ритуалов и поэтому назывались певцами.

22. Намёк на миф лунного цикла.

Глава XVII

7. *Дхатар* — «творец»; как собственное имя означает одного из богов ведического пантеона; в настоящей шлоке речь идёт о родинке на лбу Дамаянти.

38. «Там, где приказано было» — т. е. у родных, о чём говорил Наль перед разлукой с Дамаянти.

Глава XVIII

33. *Айодха* — «непобедимый, неприступный» — название города, столицы царя Ритупарны.

Глава XIX

11. *Бхангасури* — родовое имя Ритупарны.

14 и 17. В этих шлоках указываются традиционные приметы, отличающие хороших лошадей (ср. прим. XIII, 33 и 38); Вахуке-Налю такие приметы должны быть хорошо известны, как знатоку лошадей.

27. *Матали* — возничий бога Индры, его посланец; образ, напоминающий греческого Меркурия.

27. *Шалихорта* — лошадь, владыка лошадей; довольно смутный мифологический образ.

Глава XX

5. «*Иоджана*» — перегон, расстояние, которое можно проехать за один перегон (ср. украинск. «гон»); Беклинг считает это расстояние равным 2,5 английским милям или же, по другим данным, 2 географическим милям.

6. *Вибхитака* — большое дерево, орехи которого употреблялись для иры в «кости»; зерно — благовонно, цветок обладает неприятным запахом.

27. «*Дай мне это знание*» — здесь разумеется не простое сообщение известных сведений или умения, а передача некой особой силы, способной, как верили древние индийцы, влиять на числа и передаваемая как некий предмет: передатчик лишается этой предполагаемой силы, отдав её другому. Такая передача «сил» или «способностей» обставлялась в древности известными обрядами, о чем упоминается в гл. XXV, 17. Вот почему Вахука-Наль предлагает Ритупарне обменяться «силами». Не совсем последовательно поэма повествует о «передаче» умения счёта Налю

просто, без соответствующих обрядов, тогда как о передаче Надем «знания коней» Ритуларне — говорит, что она произошла по всем требуемым в таких случаях правилам, без соблюдения которых «передача» считалась недействительной.

34. Распространение и сохранение литературных произведений в древней Индии совершалось преимущественно изустно, вот почему автор произведения стремился придать своему произведению особую ценность и интерес, обещая всякие блага тому, кто выучит данное произведение или даже будет просто его внимательно слушать, что гарантировало хотя бы частичное запоминание: многие исследователи отмечали особую способность запоминания услышанного, у народов, не обладающих письменностью. Автор «Надя» в данной шлоке также предлагает свой аттракцион: поэма оказывается заговором против Кали и его соблазнов. Знание такого заговора — поэмы особенно важно для Юдхистхиры, которому Брихадашва рассказывает эту повесть, ведь и Юдхистхира из-за своей страсти к игре в кости попал в положение, аналогичное положению Надя.

Г л а в а XXI

14. «*Как евнух*» — по другому чтению «как сильный».

16. *Поступок Дамаянти* — выход на крышу во время приезда гостя — с точки зрения восточного этикета очень неприличен, вот почему сказано, что Дамаянти «как бы лишилась рассудка», отважась на такой поступок.

27. «*Отпустил гостя*» — по индийскому этикету гость нарушает приличие, уходя без разрешения хозяина, знаком разрешения уйти служит поднесение гостю букета цветов.

Г л а в а XXII

1. *Кешини* — «длинноволосая, лучистая».

Г л а в а XXIII

4. и сл. Дамаянти ставит испытания Вахуке, имея в виду власть Надя над стихиями, полученную как свадебный дар от богов.

8. «*Стихии*» — букв. «очистители», так как через них получалось (ритуальное) очищение.

20. Пренебрежительная речь Дамаянти — притворство перед Кешини.

Г л а в а XXIV

9. «*В мочальной одежде*» — Дамаянти наложила на себя послуш не носить во всё время отсутствия Надя роскошных одежд, не мыться и пр.

18. «*В час нарушения дхармы*» — Надю трудно выговорить «в час, когда я тебя покинул» и он пользуется намёком: он признает, что его поступок был нарушением законов (дхармы) брака. Приём «намёков» (дхвани) — один из излюбленных приёмов индийской поэзии, о чём см. ак. Баранникова в его предисловии к переводу «Рамаяны» Тульси Даса.

31—41. Эта сцена — вариант «оправдания Ситы» из Рамаяны. Последняя книга Рамаяны повествует о том, что Рама не хотел принять Ситу, за освобождение которой он так много боролся, ибо она слишком долго была во власти Раваны и могла «изменить» мужу. Потребовалось свидетельство богов, подобное тому, какое описано в настоящей главе, чтобы рассеять подозрения Рамы. Последняя книга Рамаяны явно не вяжется со всей поэмой и считается позднейшим прибавлением, сделанным в духе уже вполне утвердившегося патриархата и браманизма. При всей своей безвкусице, она настолько импонировала в средний период развития индийской литературы, что нашла себе многократные отражения в позднейших литературных произведениях, в частности в такой популярной в Индии поэме, как «Наль».

20. Здесь можно видеть намёк Наля на его спасение Каркотаки из пламени.

Г л а в а XXV

14. *Шакра* — Индра; апсара — райская красавица, аналогична гуриям мусульман.

37. *Нандана* — название чертога Индры.

38. *Джамбуджана* — древнее название Индии.

СУПРУЖЕСКАЯ ВЕРНОСТЬ (САВИТРИ)

(Махабхарата, III, 16520—16816)

Имя «Савити» означает «спасительница»; более подробно о значении этого образа сказано во введении.

Глава I

1. *Маркандея* — имя одного из царедворцев, последовавших за братьями Панду в лес. От его лица ведётся рассказ, цель которого — дать назидательное утешение братьям Панду, в частности Юрхишхире, к которому, как старшему из братьев, обращается рассказчик. Братья находятся в горе по поводу похищения их общей жены, Драупади, лесным демоном, ракшазом.

2. *Мадрасы* — имя одного народа; слово означает «радость».

3. *Ашвапати* — «владыка лошадей». Характеристика этого раджи обычная для героев Махабхараты, выражает идеал кшатрия — (воина) — правителя.

5. «*Подвигами*» — *аскезой*. По индийским представлениям аскезой можно добиться задуманного желанья, которое даётся богами соразмерно совершенной аскезе, даже против их воли.

Брахмачарья — целомудрие. В данном тексте слово означает не полное половое воздержание, а строгую регламентацию половой жизни.

6. *Савитри*. Речь идёт о Савитри, женской ипостаси Савитара, одного из олицетворений Солнца.

«*Сто тысяч*» — обычная для восточной поэзии гипербола.

«*Шестой трапезой*» — согласно закону принимать пищу полагалось 3 раза в день; Ашвапати принимал пищу раз в два дня, да и то «не досыта».

8. *Бхарата* — обращение рассказчика к Юрхишхире.

10. «*Чтоб ... упущенья в законах*». Вряд ли можно согласиться с Лангом, понимающим данное место в том смысле, что богиня Савитри

предупреждает Ашвапати от незаконного выбора. Сила аскезы, «тапаса», вырабатывает «заслугу», которой должен соответствовать искомый дар. нравственная ценность которого не принимается во внимание. Савитри, в духе индийского учения о карме и дхарме (закономерность причинно-следственного ряда) утверждает, что дар, предлагаемый ею, равноценен совершенной Ашвапати аскезе и таким образом закон справедливости не нарушается. Это — узловая точка поэмы, смысл которой раскрывается в зависимости от понимания данного места. История о Савитри, жене Сатьявана, есть в сущности история о богине Савитри, «жене» Савитара. Миф относится к разряду мифов о спасительницах своего рода и всего человечества. Являясь характерным для матриархата, он относится к культу Великой Матери.

13. «Великий предок» («дед») в данном случае — Брама, мужское проявление творческого начала.

14. «Самосущий» — Сваямбху — самоутверждённый Бытие, олицетворяемое Брамой.

15. «Лучшего нет ничего» — обещая дочь, вместо просимого сына, Савитри предвидит разочарование царя и поэтому старается внушить ему мысль о ценности дара.

18. «Главная жена» — букв. «буйволица» — есть та из жен раджи, которой присвоены были права царицы, её дети пользовались правом престолонаследия.

19. «Звёзд повелитель» — месяц; в поэме приводится сравнение роста зародыша в утробе матери с ростом месяца в первую («светлую») половину, т. е. до полнолуния. Связь месяца, луны с зарождением и родами отмечается во многих древних религиях.

23. «Широкобёдрая» наряду с «лотосоокая» — эпитет часто встречающийся в индийской поэзии при описании женской красоты.

25. «Молиться просила». По индийскому ритуалу во время жертвоприношения произносились и пелись мантры, священные ведические гимны; всё это, равно как и само жертвоприношение, совершали за приносящего жрецы разных специальностей.

29. О выборе девушкой жениха подробнее сказано в «Нале».

32. Шлока эта — цитата из законов Ману. Буквально: «После смерти супруга сын, не охраняющий мать, достоин порицания». Этот стих является несомненным доказательством, что такой сравнительно поздний кодекс, как законы Ману (первые века нашей эры) еще не знает обычая самосожжения вдов, основанного на подделке браминами некоторых текстов погребального ритуала. Насколько чужд Махабхарате обычай самосожжения, с достаточной ясностью доказывают обе поэмы.

36. «Царственные риши» — помимо риши-браминов в древней Индии были и риши-кшатрии, цари-мудрецы, что свидетельствует о борьбе каст кшатриев и браминов за право духовного водительства. Мотив этот часто выступает в эпосе, созданном, несомненно, в касте кшатриев и содержащем нередко нападки на браминов столь резкие, что их не могла сгладить позднейшая обработка поэм браминами. Следы этой борьбы, имевшей

большое культурное значение для Индии, можно найти и в более древних текстах — в Упанишадах.

Глава II

1. *Нарада* — см. прим. к Налю II, 14.
7. *Кшатрия* — воин, член касты кшатриев.
Дьюматсена значит «блестящее войско».
9. В эпосе постоянно встречается мотив ухода сверженного раджи в лес, что свидетельствует об интенсивной борьбе феодалов в эпоху эпоса.
12. Имя «*Сатьяван*» значит «правдивый», «говорящий правду».
13. *Читрашва* значит «пёстрый конь». Дальнейший диалог рисует идеальный тип молодого кшатрия-жениха.
15. *Вивасван* — олицетворение Солнца, слово значит «светозарный». *Брихаспати* — «владыка слов», «жрец» — олицетворение жреческой деятельности и жреческого достоинства, аналогичен египетскому Тоту и Гермесу-Трисмегисту эллинизма.
17. *Ратнидэва*, *Шиби*, *Яяти* — легендарные цари-герои, часто упоминаются в эпосе, как отличающиеся высокими нравственными качествами и благочестием.
18. *Сома* — священный напиток и его олицетворение; позднее — бог Луны.
Ашвины — «Всадники» — олицетворение утренних и вечерних сумерек; боги красоты.
23. «*Расставание с телом*» — образное выражение для смерти.
26. Шлока есть цитата из законов Ману (IX, 47), где говорится о частях наследства при его разделе.
33. *Нарада* — как мифическое существо, ведёт двойную жизнь: то он бывает у богов, то возвращается к людям.

Глава III

2. *Пурохиты* — домашние жрецы.
«*В благоприятное время*» — в смысле астрологическом, с чем очень считались древние индийцы.
3. *Пеший* — в знак почтения к Дьюматсене.
4. *Шала* — большое дерево, употреблявшееся для построек, откуда и русское «шалаш».
- Куша* — род осоки, трава широко употреблявшаяся при ритуалах.
18. *Коричневое мочальное платье* — обычная, предписанная законом одежда отшельников.

Глава IV

11. *Яма* — бог смерти, вернее владыка умерших, как первый из умерших, их судья, а потому и бог справедливости, законности.

Основные черты мифологического значения Ямы даны в нижеследующем диалоге поэмы, представляющем довольно развитую форму драматического диалога мистерияльного театрального зрелища. Такой диалог есть излюбленный приём не только эпоса и Веданты, но и произведений гораздо более позднего времени. В этих диалогах Яма нередко выступает как наставник (напр. в Катхака Уанишаде). Настоящий диалог является прославлением Ямы и носит ритуально-мистерияльный характер. Представляет интерес сравнение образа Ямы и Озириса.

16. *Верёвка* — такой же атрибут Ямы, как коса — мифического образа Смерти у европейских народов. Верёвка выражает идею связывания движений и оконечения.

17. «*К югу*» — буквально к юго-западу, который с его палящим, иссушающим зноем был для древних индийцев (как и для вавилонян) символом царства смерти и всего зловещего (ср. 75 шлоку этой главы).

19. Эти слова Ямы свидетельствуют совершенно ясно, что в эпоху создания эпоса обычай самосожжения вдов не существовал.

23. В подлиннике эти и последующие шлоки написаны другим размером (джагат и триштубх).

26. Савитри, ограниченная в своём выборе, в первую очередь просит за свекра, к роду которого она принадлежит после выхода замуж, потом за отца и только в последнюю очередь за себя. Этим подчёркивается её бескорыстие.

56. Заслуживает внимания, что 400-летний период отмечался в древности как солнечный цикл.

58—59. В этих шлоках ясно выражены черты матриархата.

59. «*Тридцати богам*»—ведический пантеон насчитывал 30 или 33 главных богов.

64—70. «*Весь черный*». В ст. 7 этой главы Савитри видит Яму лучезарным, как солнце и в красных царских одеждах, Сатьяван же воспринимает его, как черного человека. Это противоречие нельзя считать небрежностью или художественной ошибкой; прием противоречивого описания выражает идею субъективности воспринимаемого видения: разные психики воспринимают его по-разному.

75. См. прим. к V, 17.

Г л а в а VII

11. *Яува-раджа*—юный раджа, цесаревич.

15—16. Эти стихи относятся к обрамлению повести, они выражают дидактическую её цель.

17. Этот стих — обычная концовка древне-восточных произведений.
Ср. прим. к «Налю», XX, 34.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Сказание о Нале	32
Супружеская верность	130
Примечания	165

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии наук Туркменской ССР

Ответ. редактор — проф. *Г. О. Чарыев.*
Редактор Издательства — *Л. Т. Каспарьянц.*
Тех. редактор — *Л. Т. Каспарьянц.*

Сдано в набор 25/VII-55 г. Подписано к печати 29/XII-55. Печатных
лист. 12,5. Учет. издат. л. 6,0; Бум. л. 6,25+8 вкл. Бум. 60х92.¹/₁₆.
Тираж 1000. Зак. № 1630. Изд. № 51. Цена в пер. № 7 6 р. 40 к. И—06809

Типография Академии наук Туркменской ССР, Энгельса, 90.

ଦ୍ରୋଣପର୍ବ
ଓ
ମହାଭାରତ

ଦ୍ରୋଣପର୍ବ
ଓ
ମହାଭାରତ

